

Одиссея

Мифы Древней Греции

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трои,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь

5 Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.

Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.

Собственным сами себя святотатством они погубили:

Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.

Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.

10 Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.

Все остальные в то время, избегнув погибели близкой,

Были уж дома, равно и войны избежавши и моря.

Только его, по жене и отчизне болевшего сердцем,

Нимфа-царица Калипсо, богиня в богинях, держала

15 В гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом.

Но протекали года, и уж год наступил, когда было

Сыну Лаэрта богами назначено в дом свой вернуться.

Также, однако, и там, на Итаке, не мог избежать он

Многих трудов, хоть и был меж друзей. Сострадания полны

20 Были все боги к нему. Лишь один Посейдон непрерывно

Гнал Одиссея, покамест своей он земли не достигнул.

Был Посейдон в это время в далекой стране эфиопов,

Крайние части земли на обоих концах населявших:

Где Гиперион заходит и где он поутру восходит.

25 Там принимал он от них гекатомбы быков и баранов,

Там наслаждался он, сидя на пиршестве. Все ж остальные

Боги в чертогах Кронида-отца находились в сборе.

С речью ко всем им родитель мужей и богов обратился;

На сердце, в памяти был у владыки Эгист безукорный,

30 Жизни Агамемнонидом лишенный, преславным Орестом.

Помня о нем, обратился к бессмертным Кронид со словами:

"Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных!

Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль

Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?

35 Так и Эгист, - не судьбе ль вопреки он супругу Атрида

Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну?

Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго,

Зоркого аргоубийцу Гермеса послав, чтоб не смел он

Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены.

40 Мечь за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши,

Он пожелает вступить во владенье своею странюю.

Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он

Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился".

Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:

45 "О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!

Правду сказал ты, - вполне заслужил он подобную гибель.

Так да погибнет и всякий, кто дело такое свершил бы!

Но разрывается сердце мое за царя Одиссея:

Терпит, несчастный, он беды, от милых вдали, на объятom

50 Волнами острове, в месте, где пуп обретается моря.

Остров, поросший лесами; на нем обитает богиня,

Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны

Моря всего и который надзор за столбами имеет:

Между землею и небом стоят они, их раздвигая.

55 Скорбью объятого, держит несчастного дочь Атланта,

Мягкой и вкрадчивой речью все время его обольщая,

Чтобы забыл о своей он Итаке. Но, страстно желая

Видеть хоть дым восходящий родимой земли, помышляет

Только о смерти одной Одиссеей. Неужели не тронет

60 Милого сердца тебе, Олимпиец, судьба его злая?

Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской

Близ кораблей аргивян? Так на что же ты, Зевс, негодуешь?"

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:

"Что за слова у тебя из ограда зубов излетели!

65 Как это смог бы забыть о божественном я Одиссее,
Так выдающемся мыслью меж смертных, с такою охотой
Жертвы богам приносящем, владыкам широкого неба?
Но Посейдон-земледержец к нему не имеющим меры
Гневом пылает за то, что циклоп Полифем богоравный

70 Глаза лишен им, - циклоп, чья сила меж прочих циклопов
Самой великой была; родился он от нимфы Фоосы,
Дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря,
В связь с Посейдоном-владыкой вступившей в пещере глубокой,
С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея

75 Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны.
Что же, подумаем все мы, кто здесь на Олимпе сегодня,
Как бы домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев свой: не сможет один он со всеми бессмертными спорить
И против воли всеобщей богов поступать самовластно".

80 Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:
"О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!
Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог Одиссей многоумный в отчизну, прикажем Гермесу
Аргоубийце, решений твоих исполнителю, к нимфе

85 В косах, красиво сплетенных, на остров Оигигию тотчас
Мчаться и ей передать непреклонное наше решенье,
Чтобы на родину был возвращен Одиссей многостойкий.

Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну

Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце,

90 Чтоб, на собрание длинноволосых ахейцев созвавши,

Всех женихов он изгнал, убивающих в доме без счета

Кучей ходящих овец и рогатых быков тихоходных.

После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,

Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,

95 Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава".

Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

Амвросиальные, всюду ее с дуновеньями ветра

И над землей беспредельной носившие и над водою.

В руки взяла боевое копье, изостренное медью, -

100 Тяжкое, крепкое; им избивала Афина героев,

Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовной.

Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских,

Стала в итакской стране у двора Одиссеева дома

Перед порогом ворот, с копьем своим острым в ладони,

105 Образ приняв чужестранца, тафосцев властителя Мента.

Там женихов горделивых застала. Они перед дверью

Душу себе услаждали, с усердием в кости играя,

Сидя на шкурах быков, самими же ими убитых.

В зале же вестники вместе с проворными слугами дома

110 Эти - вино наливали в кратеры, мешая с водою,

Те, - ноздреватою губкой обмывши столы, выдвигали

Их на средину и клали на них в изобилии мясо.

Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.

Сердцем печалуясь милым, он молча сидел с женихами.

115 И представлялось ему, как явился родитель могучий,

Как разогнал бы он всех женихов по домам, захватил бы

Власть свою снова и стал бы владений своих господином.

В мыслях таких, с женихами сидя, он увидел Афину.

Быстро направился к двери, душою стыдясь, что так долго

120 Странник у входа стоять принужден; и, поспешно приблизясь,

Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,

Голос повысил и с речью крылатой к нему обратился:

"Радуйся, странник! Войди! Мы тебя угостим, а потом уж,

Пищей насытившись, ты нам расскажешь, чего тебе нужно".

125 Так он сказал и пошел. А за ним и Паллада Афина.

После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,

Гостя копье он к высокой колонне понес и поставил

В копьехранилище гладкое, где еще много стояло

Копий других Одиссея, могучего духом в несчастьях.

130 После богиню подвел он к прекрасноузорному креслу,

Тканью застлав, усадил, а под ноги придвинул скамейку.

Рядом и сам поместился на стуле резном, в отдаленьи
От женихов, чтобы гость, по соседству с надменными сидя,
Не получил отвращенья к еде, отягченный их шумом,

135 Также, чтоб в тайне его расспросить об отце отдаленном.

Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания; после расставила стол она гладкий.

Хлеб положила перед ними почтенная ключница, много

140 Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

Кравчий поставил пред ними на блюдах, подняв их высоко,
Разного мяса и кубки близ них поместил золотые;
Вестник же к ним подходил то и дело, вина подливая.

Шумно вошли со двора женихи горделивые в залу

145 И по порядку расселись на креслах и стульях; с водою

Вестники к ним подошли, и они себе руки умыли.

Доверху хлеба в корзины прислужницы им положили,
Мальчики влили напиток в кратеры до самого края.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

150 После того как желанье питья и еды утолили,

Новым желаньем зажглися сердца женихов: захотелось

Музыки, плясок - улады прекраснейшей всякого пира.

Фемию вестник кифару прекрасную передал в руки:

Пред женихами ему приходилось петь поневоле.

155 Фемию кифару поднял и начал прекрасную песню.

И обратился тогда Телемах к совоокой Афине,

К ней наклонясь головой, чтоб никто посторонний не слышал:

"Ты не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что скажу я?

Только одно на уме вот у этих - кифара да песни.

160 Немудрено: расточают они здесь чужие богатства -

Мужа, чьи белые кости, изгнившие где-нибудь, дождик

Мочит на суше иль в море свирепые волны качают.

Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,

Все пожелали бы лучше иметь попроторнее ноги,

165 Чем богатеть, и одежду и золото здесь накопляя.

Злою судьбой он, однако, погублен, и нет никакого

Нам утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает:

Он еще будет. Но нет! Уж погиб его день возвращенья!

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

170 Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?

И на каком корабле ты приехал, какою дорогой

К нам тебя в гости везли корабельщички? Кто они сами?

Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался.

Так же и это скажи откровенно, чтоб знал хорошо я:

175 В первый ли раз ты сюда приезжаешь иль давним отцовским

Гостем ты был? Приезжало немало в минувшие годы

В дом наш гостей, ибо много с людьми мой общался родитель".

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

"Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу:

180 Имя мне - Мент; мой отец - Анхиал многоумный, и этим

Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев

Веслолюбивых, приехал в своем корабле со своими;

По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью

В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом.

185 Свой же корабль я поставил под склоном лесистым Нейона

В пристани Ретре, далеко от города, около поля.

С гордостью я заявляю, что мы с Одиссеем друг другу

Давние гости. Когда посетишь ты героя Лаэрта,

Можешь об этом спросить старика. Говорят, уж не ходит

190 Больше он в город, но, беды терпя, обитает далеко

В поле со старой служанкой, которая кормит и поит

Старца, когда, по холмам виноградника день пробродивши,

Старые члены свои истомив, возвращается в дом он.

К вам я теперь: говорили, что он уже дома, отец твой.

195 Видно, однако же, боги ему возвратиться мешают.

Но не погиб на земле Одиссей богоравный, поверь мне.

Где-нибудь в море широком, на острове волнообъятом,

Он задержался живой и томится под властью свирепых,

Диких людей и не может уйти, как ни рвется душою.

200 Но предсказать я берусь - и какое об этом имеют

Мнение боги и как, полагаю я, все совершится,

Хоть я совсем не пророк и по птицам гадать не умею.

Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке,

Если бы даже его хоть железные цепи держали.

205 В хитростях опытен он и придумает, как воротиться.

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

Подлинно ль вижу в тебе пред собой Одиссеева сына?

Страшно ты с ним головой и глазами прекрасными сходен.

Часто в минувшее время встречались мы с ним до того, как

210 В Трои походом отправился он, куда и другие

Лучшие из аргивян на судах крутобоких поплыли.

После ж ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мною".

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:

"Я на вопрос твой, о гость наш, отвечу вполне откровенно:

215 Мать говорит, что я сын Одиссея, но сам я не знаю.

Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?

Счастлив я был бы, когда бы родителем мне приходился

Муж, во владеньях своих до старости мирно доживший.

Но - между всеми людьми земнородными самый несчастный -

220 Он мне отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты".

Снова сказала ему совоокая дева Афина:

"Видно, угодно бессмертным, чтоб не был без славы в
грядущем

Род твой, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.

Ты ж мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:

225 Что за обед здесь? Какое собрание? Зачем тебе это?

Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину ж он происходит.

Кажется только, что гости твои необузданно в доме

Вашем бесчинствуют. Стыд бы почувствовал всякий разумный

Муж, заглянувший сюда, поведенье их гнусное видя".

230 Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

"Раз ты, о гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай
же:

Некогда полон богатства был дом этот, был уважаем

Всеми в то время, когда еще здесь тот муж находился.

Нынче ж иное решенье враждебные приняли боги,

235 Сделав его между всеми мужами невидимым глазу.

Менее стал бы о нем сокрушаться я, если б он умер,

Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он

Или, окончив войну, на руках у друзей бы скончался.

Был бы насыпан над ним всеахейцами холм погребальный,

240 Сыну б великую славу на все времена он оставил.

Ныне же Гарпии взяли бесславно его, и ушел он,

Всеми забытый, безвестный, и сыну оставил на долю
Только печаль и рыдания. Но я не об нем лишь едином
Плачу; другое мне горе жестокое боги послали:

245 Первые люди по власти, что здесь острова населяют

Зам, и Дулихий, и Закинф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку, - стремятся упорно
Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может

250 Их притязаньям конец положить, а они разоряют

Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат".
В негодованьи ему отвечала Паллада Афина:
"Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный
Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных пришельцев.

255 Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью домовой

С парюю копий в руке, со щитом своим крепким и в шлеме, -
Как я впервые увидел героя в то время, когда он
В доме у нас на пиру веселился, за чашею сидя,
К нам из Эфиры прибывши от Ила, Мермерова сына:

260 Также и там побывал Одиссей на судне своем быстром;

Яда, смертельного людям, искал он, чтоб мог им намазать
Медные стрелы свои. Однако же Ил отказался
Дать ему яду: стыдился душою богов он бессмертных.

Мой же отец ему дал, потому что любил его страшно.

265 Пред женихами когда бы в таком появился он виде,

Короткожизненны стали б они и весьма горькобачны!

Это, однако же, в лоне богов всемогущих сокрыто, -

Он за себя отомстит ли иль нет, возвратившись обратно

В дом свой родной. А теперь я тебе предложил бы подумать,

270 Как поступить, чтобы всех женихов удалить из чертога.

Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем:

Завтра, граждан ахейских созвав на собранье, открыто

Все расскажи им, и боги тебе пусть свидетели будут.

После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;

275 Мать же твоя, если дух ее снова замужества хочет,

Пусть возвратится к отцу многосильному, в дом свой родимый;

Пусть снаряжает он свадьбу, приданое давши большое,

Сколько его получить полагается дочери милой.

Что ж до тебя, - мой разумный совет ты, быть может, исполнишь:

280 Лучший корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься

И об отце поразведай исчезнувшем; верно, из смертных

Кто-либо сможет о нем сообщить иль Молва тебе скажет

Зевсова - больше всего она людям известий приносит.

В Пилосе раньше узнаешь, что скажет божественный Нестор,

285 К русому после того Менелаю отправишься в Спарту;

Прибыл домой он последним из всех меднолатных ахейцев.

Если услышишь, что жив твой отец, что домой он вернется,

Год дожидайся его, терпеливо снося притесненья;

Если ж услышишь, что мертв он, что нет его больше на свете,

290 То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,

В честь его холм ты насыплешь могильный, как следует справишь

Чин похоронный по нем и в замужество мать свою выдашь.

После того как ты все это сделаешь, все это кончишь,

В сердце своем и в уме хорошенько обдумай, какими

295 Средствами всех женихов в чертогах твоих изничтожить,

Хитростью или открыто. Ребятскими жить пустяками

Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой возраст.

Иль неизвестно тебе, что с божественным было Орестом,

Славу какую он добыл, расправясь с коварным Эгистом,

300 Отцеубийцей, отца его славного жизни лишившим?

Вижу я, друг дорогой мой, что ты и велик и прекрасен,

Ты не слабее его, ты в потомстве прославишься также;

Но уж давно мне пора возвратиться на быстрый корабль мой:

Спутники ждут и наверно в душе возмущаются мною.

305 Ты ж о себе позаботься и то, что сказал я, обдумай".

Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

"Право же, гость мой, со мной говоришь ты с такою любовью,

Словно отец; никогда я твоих не забуду советов.

Но подожди, хоть и очень, как вижу, в дорогу спешишь ты.

310 Вымойся раньше у нас, услади себе милое сердце.

С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу".

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

315 "Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.

Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши".

Молвила и отошла совоокая дева Афина,

320 Как быстрокрылая птица, порхнула в окно. Охватила

Сила его и отвага. И больше еще он, чем прежде,
Вспомнил отца дорогого. И, в сердце своем поразмыслив,
В трепет душою пришел, познав, что беседовал с богом.
Тотчас назад к женихам направился муж богоравный.

325 Пел перед ними певец знаменитый, они же сидели,

Слушая молча. Он пел о возврате печальном из Трои
Рати ахейцев, ниспосланном им Палладой Афиной.
В верхнем покое своем вдохновенное слышала пенье
Старца Икария дочь, Пенелопа разумная. Тотчас

330 Сверху спустилась она высокою лестницей дома,

Но не одна; с ней вместе спустились и двое служанок.

В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,

Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,

Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом

335 С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.

Плача, певцу вдохновенному так Пенелопа сказала:

"Фемий, ты знаешь так много других восхищающих душу

Песен, какими певцы восславляют богов и героев.

Спой же из них, пред собранием сидя, одну. И в молчаньи

340 Гости ей будут внимать за вином. Но прерви начатую

Песню печальную; скорбью она наполняет в груди мне

Милое сердце. На долю мне выпало злейшее горе.

Мужа такого лишась, не могу я забыть о погибшем,

Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос".

345 Матери так возразил рассудительный сын Одиссеев:

"Мать моя, что ты мешаешь певцу в удовольствие наше

То воспевать, чем в душе он горит? Не певец в том виновен, -

Зевс тут виновен, который трудящимся тягостно людям

Каждому в душу влагает, что хочет. Нельзя раздражаться,

350 Раз воспевать пожелал он удел злополучный данайцев.

Больше всего восхищаются люди обычно такую

Песню, которая им представляется самою новой.

Дух и сердце себе укроти и заставь себя слушать.

Не одному Одиссею домой не пришлось воротиться,

355 Множество также других не вернулось домой из-под Трои.

Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами -

Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за дело

Также взялись. Говорить же - не женское дело, а дело

Мужа, всех больше - мое; у себя я один повелитель".

360 Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.

Сына разумное слово глубоко ей в душу проникло.

Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго

Об Одиссее она, о супруге любимом, покуда

Сладостным сном не покрыла ей веки богиня Афина.

365 А женихи в это время шумели в тенистом чертоге;

Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.

С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:

"О женихи Пенелопы, надменные, гордые люди!

Будем теперь пировать, наслаждаться. Шуметь перестаньте!

370 Так ведь приятно и сладко внимать песнопеньям прекрасным

Мужа такого, как этот, - по пению равного богу!

Завтра же утром сойдемся на площадь, откроем собрание,

Там я открыто пред целым народом скажу, чтобы тотчас

Дом мой очистили вы. А с пирами устройтесь иначе:

375 Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.

Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше

У одного человека богатство губить безвозмездно, -

Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.

Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион:

380 Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!"

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,

Смелым словам удивлялись, которые вдруг услышали.

Тотчас к нему Антиной обратился, рожденный Евпейтом:

"Сами, наверное, боги тебя, Телемах, обучают

385 Так беззастенчиво хвастать и так разговаривать нагло.

Зевс нас избави, чтоб стал ты в объятой волнами Итаке

Нашим царем, по рожденью уж право имея на это!"

И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:

"Ты на меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что:

390 Если бы это мне Зевс даровал, я конечно бы принял.

Или, по-твоему, нет ничего уже хуже, чем это?

Царствовать - дело совсем не плохое; скопляются скоро

В доме царевом богатства, и сам он в чести у народа.

Но между знатных ахейцев в объятой волнами Итаке

395 Множество есть и других, молодых или старых, которым

Власть бы могла перейти, раз царя Одиссея не стало.

Но у себя я один останусь хозяином дома,

Как и рабов, для меня Одиссеем царем приведенных!"

Начал тогда говорить Евримах, рожденный Полибом:

400 "О Телемах, это в лоне богов всемогущих сокрыто,

Кто из ахейцев царем на Итаке окажется нашей.

Все же, что здесь, то твое, и в дому своем сам ты хозяин.

Вряд ли найдется, пока обитаема будет Итака,

Кто-нибудь, кто бы дерзнул на твое посягнуть достоянье.

405 Но я желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте:

Кто этот гость и откуда? Отчеством землю какую

Славится Какого он рода и племени? Где он родился?

С вестью ль к тебе о возврате отца твоего он явился

Или по собственной нужде приехал сюда, на Итаку?

410 Сразу исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться с нами.

На худородного он человека лицом не походит".

И, отвечая ему, Телемах рассудительный молвил:

"На возвращенье отца, Евримах, я надежд не имею.

Я ни вестям уж не верю, откуда-нибудь приходящим,

415 Ни прорицаньям внимать не желаю, к которым, сзывая

Разных гедателей в дом, без конца моя мать прибегает.

Путник же этот мне гость по отцу, он из Тафоса родом,

Мент, называет себя Энхиала разумного сыном

С гордостью, сам же владыка он веслолюбивых тафосцев".

420 Так говорил Телемах, хоть и знал, что беседовал с богом.
Те же, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.
Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.
Встали тогда и пошли по домам, чтоб покою предаться.

425 Сын же царя Одиссея прекрасным двором в свой высокий
Двинулся спальный покой, кругом хорошо защищенный.
Думая в сердце о многом, туда он для сна отправлялся.
С факелом в каждой руке впереди его шла Еврикля,
Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора.

430 Куплей когда-то Лаэрт достояньем своим ее сделал
Юным подросточком, двадцать быков за нее заплативши,
И наравне с домовитой женой почитал ее в доме,
Но, чтоб жену не гневить, постели своей не делил с ней.
Шла она с факелом в каждой руке. Из невольниц любила

435 Всех она больше его и с детства его воспитала.
Двери открыл Телемах у искусно построенной спальни,
Сел на постель и, мягкий хитон через голову снявши,
Этот хитон свой старухе услужливой на руки кинул.
Та встряхнула хитон, по складкам искусно сложила

440 И на колок близ точеной постели повесила. После
Вышла старуха тихонько из спальни, серебряной ручкой

Дверь за собой притворила, засов ремнем притянувши.

Ночь напролет на постели, покрывшись овчиною мягкой,

Он размышлял о дороге, в которую зван был Афиной.

Гомер. Одиссея. Песнь вторая.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея,

В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,

К белым ногам привязал красивого вида подошвы,

5 Вышел быстро из спальни, бессмертному богу подобный,

И приказание отдал глашатаям звонкоголосым

Длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собрание.

Очень скоро на клич их на площади все собралися.

После того как сошлись и толпа собралася большая,

10 Вышел на площадь и он, с копьем медноострым в ладони.

Шел не один он. За ним две резвых собаки бежали.

Вид на него излила несказанно приятный Афина.

Весь изумился народ, увидавши, каким подходил он.

Сел он на месте отцовском, геронты пред ним расступились.

15 Встал благородный Египтий и речь пред собранием начал.

Был он летами согбен и опыт имел богачейший;

Сын его милый, Антиф-копьеборец, отплыл с Одиссеем

На кораблях изогнутых в конями богатую Трою.

Был умерщвлен он в глубокой пещере свирепым Циклопом

20 И послужил для него последней едою на ужин.

Три еще сына остались; в числе женихов находился

Сын Еврином, остальные в отцовском работали доме.

Все же о первом все время он помнил, скорбя и печалась.

Слезы о нем проливая, он стал говорить пред собранием:

25 "Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!

Не созывались у нас ни совет, ни собрание народа

С самой поры, как отплыл Одиссей на судах изогнутых.

Кто же теперь нас собрал? Кто почувствовал надобность в этом, -

Из молодых ли людей кто-нибудь или из тех, кто постарше?

30 Что он - услышал ли весть о прибытии войска и хочет

Все сообщить нам правдиво, раз первый об этом услышал?

Или о деле народном другом говорить он намерен?

Благословенным он кажется мне и отважным. Пускай он

Счастье получит от Зевса такое, какого желает!"

35 Кончил. С радостью речь его выслушал сын Одиссеев.

Заговорить он рвался, на месте ему не сиделось.

Стал в середине собрания. И скипетр вложил ему в руки

Вестник, разумные мысли имеющий в сердце, Писенор.

Прежде всего к старику Телемах обратился и молвил:

40 "Старец, тот муж недалеко, - сейчас его сам ты увидишь, -

Тот, кто собрание созвал. Печаль мне великая нынче.

Вести такой я не слышал, чтоб к нам приближалось войско,

Нечего мне сообщить вам, что первый об этом я слышал.

Не собрался говорить и о деле другом я народном.

45 Дело идет обо мне и о бедах, на дом мой упавших.

Две их: одна - погиб у меня мой отец благородный,

Бывший над вами царем и всегда, как отец, вас любивший.

Много еще тяжелее вторая беда, от которой

Скоро погибнет наш дом и я разорюсь совершенно.

50 К матери против желанья ее пристают неотступно,

Как женихи, сыновья обитателей наших знатнейших,

Прямо к отцу ее в дом обратиться, к Икарию старцу,

Смелости нет в них,- чтоб сам он за дочь свою выкуп назначил,

Выбрав, кого пожелает и кто ему будет приятней.

55 Вместо того, ежедневно врываясь в дом наш толпою,

Режут без счета быков, и жирных козлов, и баранов,

Вечно пируют и вина искристые пьют безрасчетно.

Все расхищают они. И нет уже мужа такого

В доме, как был Одиссей, чтобы дом защитить от проклятья.

60 Мы ж не такие, чтоб справиться с этим, и даже позднее

Жалкими будем мужами, способными мало к отпору.

О, защитил бы и я, когда бы лишь силу имел я!

Дело творится, какого терпеть уж нельзя! Безобразно

Гибнет мой дом. Неужели самих это вас не приводит

65 В негодованье! Тогда постыдитесь хотя бы соседей,

Окрест живущих! Побойтесь хотя бы богов, чтобы в гневе

Не обратили на вас же они этих дел недостойных!

Зевсом, владыкой Олимпа, я вас заклинаю, Фемидой,

Что распускает собранья народа и их собирает, -

70 Милые, вас я молю: перестаньте! И дайте мне горем

В уединеньи терзаться! Красивопоножным ахейцам

Не причинил ли, враждуя, обиды какой мой родитель,

И за нее вы, враждуя, обиды теперь мне творите,

Этих людей поощряя? Мне было бы лучше, когда бы

75 Сами поели вы все, что лежит у меня и пасется.

Если бы вы все поели, то скоро пришла б и расплата.

Мы бы по городу стали ходить, приставая к вам с просьбой

Вещи назад возвратить, пока б вы всего не отдали.

Нынче же сердце вы мне безнадежным терзаете горем!"

80 В бешенстве так он воскликнул и скипетр бросил на землю.

Хлынули слезы из глаз. И жалость народ охватила.

Все остальные безмолвно сидели, никто не решался

Дерзко-обидное слово в ответ Телемаху промолвить.

Только один Антиной, ему возражая, воскликнул:

85 "Что говоришь ты, надутый болтун необузданно буйный,
Что нас порочишь? Желаеть пятном замарать нас позорным.

Не женихи пред тобою ахейские здесь виноваты, -

Мать виновата твоя, безмерно коварная сердцем!

Третий кончается год и уж скоро наступит четвертый,

90 Как у ахейцев в груди она дух бесконечно морочит.

Всем надежду дает, обещается каждому порознь,

Вести ему посылает, в уме же желает иное.

Кроме того, против нас и другую придумала хитрость:

Ткань начала она ткать, станок у себя поместивши, -

95 Тонкую, очень большую и нам объявила при этом:

- Вот что, мои женихи молодые (ведь умер супруг мой),

Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест

Савана я не сотку - пропадет моя иначе пряжа! -

Знатному старцу Лаэрту на случай, коль гибельный жребий

100 Скорбь доставляющей смерти нежданно его здесь постигнет, -

Чтобы в округе меня не корили ахейские жены,

Что похоронен без савана муж, приобретший так много. -

Так говорила и дух нам отважный в груди убила.

Что ж оказалось? В течение дня она ткань свою пряла,

105 Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.

Длился три года обман, и ей доверяли ахейцы.

Но как четвертый приблизился год и часы наступили,

Женщина нам сообщила, которая все это знала.

За распусканием ткани прекрасной ее мы застали.

110 Волей-неволей тогда ей работу пришлось окончить.

Слушай же! Вот что тебе, Телемах, женихи отвечают,

Чтобы и ты это знал и все остальные ахейцы:

Мать отошли и вели, чтобы шла за того, за кого ей

Выйти прикажет отец и самой ей приятнее выйти.

115 Если ж ахейских сынов и впредь раздражать она будет,

Гордая теми дарами, какие Паллада Афина

Ей в изобилии дала, - искусством в прекрасных работах,

Разумом светлым и хитрой смекалкой, - такую, которой

Мы и у древних не знаем ахейнок пышноволосях,

120 Будь это Тиро, Микена в прекрасном венце иль Алкмена.

Нет, ни одна не смогла б между них с Пенелопой сравняться

Хитростью! Нынче, однако, ей хитрость ее не поможет.

Будут они поедать и запасы и скот твой, покуда

Станет упорствовать в тех она мыслях, которые в грудь ей

125 Боги влагают. Себе она этим великую славу

Может добыть, но тебе лишь потери большие доставит.

Мы ж не вернемся к делам и к невестам другим не поедем

Раньше, чем по сердцу мужа она не возьмет среди ахейцев".

И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:

130 "Как же бы из дому выгнать я мог, Антиной, против воли
Ту, что меня родила и вскормила! Отец мой далеко,
Жив или умер, - не знаю. Придется немало платить мне
Старцу Икарию, если к нему мою мать отошлю я.
И от отца пострадать мне придется. И грозно отплатит

135 Мне божество, если вызовет мать моя страшных эринний,
Дом покидая. К тому ж я и славой покроюсь худою.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова!
Если же это не нравится вам и в гнев вас ввергает, -
Что же! Очистите дом мой! С пирами ж устройтесь иначе:

140 Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно, -
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион!

145 Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!"
Так говорил Телемах. Вдруг Зевс протяженно гремющий
Двух орлов ниспослал с высоты, со скалистой вершины.
Мирно сначала летели они по дыханию ветра,
Близко один от другого простерши широкие крылья.

150 Но, очутившись как раз над собранием многоголосым,
Крыльями вдруг замахали и стали кружить над собраньем,

Головы всех оглядели, увидели общую гибель

И, расцарапав друг другу когтями и щеки и шеи,

Поверху вправо умчались - над городом их, над домами.

155 Все в изумленье пришли, увидевши птиц над собою,

И про себя размышляли, - чем все это кончиться может?

Вдруг обратился к ним с речью старик Алиферс благородный,

Масторов сын. Среди ровесников он лишь один выдавался

Знанием всяческих птиц и вещью речью своею.

160 Он, благомыслия полный, сказал пред собраньем ахейцев:

"Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!

Больше всего к женихам обращаюсь я с речью моею.

Беды великие мчатся на них. Одиссей уж недолго

Будет вдали от друзей. Он где-то совсем недалеко!

165 Смерть и убийство растит он для всех женихов Пенелопы!

Плохо также придется и многим из нас, кто живет здесь,

На издалека заметной Итаке. Подумаем лучше,

Как женихов поскорей обуздать нам. Пускай перестали б

Лучше уж сами, - гораздо для них это было б полезней.

170 Не новичок я в гаданьях и дело свое понимаю.

И с Одиссеем, смотрите, вполне все свершается точно,

Как предсказал я в то время, когда собирались ахейцы

Выступить в Троию и с ними пошел Одиссей многохитрый.

Вынесши множество бедствий, товарищей всех потерявши,
175 Всем незнакомый, домой на двадцатом году он вернется, -

Так говорил я, и все это точно свершается нынче!"

Сын Полиба ему, Евримах, возражая, ответил:

"Было бы лучше, старик, когда б ты домой воротился

И для ребят погадал, чтобы с ними чего не случилось!

180 В этом же деле получше тебя погадать я сумею.

Мало ли видим мы птиц, под ярким летающих солнцем.

Вовсе не все предвещают из них что-нибудь. Одиссей же

В крае далеком погиб. Хорошо бы, когда бы с ним вместе

Гибель взяла и тебя! Прекратил бы свои ты вещанья,

185 Не подстрекал бы и так раздраженного всем Телемаха.

Верно, подарок в свой дом получить от него ты желаешь!

Но говорю я тебе, и слова мои сбудутся точно:

Если ты, с опытом долгим своим и богатым, враждебность

Глупой своей болтовнею поддерживать в юноше станешь,

190 Прежде всего и ему от этого будет лишь хуже,

Ибо совсем ничего против нас он поделать не сможет.

А на тебя мы, старик, жесточайшую пеню наложим.

Выплатить будет ее нелегко и для сердца печально.

А Телемаху пред всеми, кто здесь, предложил бы я вот что:

195 Матери пусть он прикажет к отцу своему возвратиться;

Тот же пусть свадьбу готовит, приданое давши большое,

Сколько его получить полагается дочери милой.

Раньше, вполне убежден я, ахейцев сыны не отстанут

С тяжким своим сватовством. Никого мы из вас не боимся, -

200 Ни самого Телемаха, как много бы слов он ни сыпал, -

Ни о вещаньях твоих не печалимся. Все они вздорны!

Ими, старик, только больше вражду ты к себе возбуждаешь.

Будет по-прежнему здесь все добро поедаться, и платы

Им не дожидаться, покамест ахейцам согласие на свадьбу

205 Ею не будет дано. Ведь сколько уж времени здесь мы

Ждем, за нее соревнуясь друг с другом. А время проходит,

Новых себе мы не ищем невест для приличного брака".

И сыну Полиба в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Я, Евримах, ни тебя, ни других женихов благородных

210 Ни уговаривать, ни умолять уже больше не стану.

Все ведь известно богам, а также известно ахейцам.

Дайте лишь быстрый корабль мне и двадцать товарищей, с кем бы

Всю дорогу проделать я мог и туда и обратно.

Я собираюсь в Спарту поехать и в Пилос песчаный,

215 Там об отце поразведать исчезнувшем. Верно, из смертных

Кто-либо сможет о нем мне сказать иль Молва сообщит мне

Зевсова - больше всего она людям известий приносит.

Если услышу, что жив мой отец, что домой он вернется,

Буду я ждать его год, терпеливо снося притеснения.

220 Если ж услышу, что мертв он, что нет его больше на свете,
То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм я насыплю могильный, как следует справив
Чин похоронный по нем, и в замужество мать мою выдам".
Так произнес он и сел. И встал пред собраньем ахейцев

225 Ментор. Товарищем был безупречного он Одиссея.

Тот, на судах уезжая, весь дом ему вверил, велевши
Слушать во всем старика и дом охранять поусердней.

Добрых намерений полный, к собранью он так обратился:

"Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!

230 Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый

Царь скиптоносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,

Если никто Одиссея не помнит в народе, которым

Он управлял и с которым был добр, как отец с сыновьями.

235 Я не хочу упрекать женихов необузданно дерзких

В том, что, коварствуя сердцем, они совершают насилья:

Сами своей головою играют они, разоряя

Дом Одиссея, решивши, что он уж назад не вернется.

Но вот на вас, остальных, от всего негодую я сердца:

240 Все вы сидите, молчите и твердым не смеее словом

Их обуздать. А вас ведь так много, а их так немного!"

Евнорид Леокрит, ему возражая, воскликнул:

"Ментор, упрямый безумец! Так вот к чему дело ты клонишь!

Хочешь народом смирить нас! Но было бы трудно и многим

245 Всех нас заставить насильно от наших пиров отказаться!

Если бы даже и сам Одиссей-итакиец вернулся

И пожелал бы отсюда изгнать женихов благородных,

В доме просторном его за пиршеством пышным сидящих,

Было б его возвращенье супруге его не на радость,

250 Как бы по нем ни томилась. Погиб бы он смертью позорной,

Если б со многими вздумал померяться. Вздор говоришь ты!

Ты же, народ, расходись! К своим возвращайся работам!

Этого в путь снарядить пускай поторопятся Ментор

И Алиферс - Одиссею товарищи давние оба.

255 Думаю, долго, однако, он вести выслушивать будет,

Сидя в Итаке. Пути своего никогда не свершит он!"

Так сказав, распустил он собрание быстро ахейцев,

И по жилищам своим разошелся народ из собранья.

А женихи возвратились обратно в дом Одиссея.

260 Вдаль ушел Телемах по песчаному берегу моря,

Руки седою водою омыл и взмолился к Афине:

"Ты, посетившая дом наш вчера и в туманное море

Мне в корабле быстроходном велевшая плыть, чтоб разведать,

Нет ли вестей о давно уж ушедшем отце моем милом

265 И об его возвращеньи! Мешают мне в этом ахейцы,

Боле ж всего - женихи в нахальстве своем беспредельном".

Так говорил он молясь. Вдруг пред ним появилась Афина,

Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью,

И со словами к нему окрыленными так обратилась:

270 "Также и впредь, Телемах, не будь неразумным и слабым,

Раз благородная сила отца излита тебе в сердце -

Сила, с какой он всего добивался и словом и делом.

Станет тогда и тебе твой отъезд исполним и возможен.

Если же ты Одиссею не сын и не сын Пенелопе,

275 Думаю, вряд ли удастся тебе совершить, что желаешь.

Редко бывает с детьми, чтоб они на отца походили, --

Большею частию хуже отца, лишь немногие лучше.

Если ж и впредь не останешься ты неразумным и слабым,

Если тебя не совсем Одиссеева кинула сметка,

280 Дело исполнить свое вполне ты надеяться можешь.

О женихах неразумных, об их замышленьях и кознях

Брось теперь думать: ни разума нет в этих людях, ни правды.

Нет и предчувствия в сердце, что близко стоят перед ними

Черная Кера и смерть, что в один они день все погибнут.

285 Путь же совсем недалек, которого так ты желаешь.

Вот какой я товарищ тебе по отцу: раздобуду

Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.

Ты же теперь воротись к женихам. А тебе на дорогу

Пусть заготовят припасы, пусть ими наполнят сосуды.

290 В амфоры сладкого скажешь вина нацедить вам, муку же

Ячную - мозг человека - в мешки пусть положат из кожи.

Я добровольцев пока наберу средь народа. Судов же

В морем объятой Итаке немало и новых и старых.

Я между ними корабль пригляжу, который получше,

295 Быстро его снарядим и выйдем в широкое море".

Так сказала Афина, Зевесова дочь. И недолго

Ждать Телемах оставался, услышавши голос богини.

Милым печалуюсь сердцем, поспешно направился к дому.

Там женихов он застал горделивых: в зале столовой

300 Коз обдирали одни, боровов во дворе обжигали другие.

Встал Антиной, засмеялся, навстречу пошел Телемаху,

Взял его за руку, слово сказал и по имени назвал:

"Эх, Телемах, необузданно буйный и гордоречивый!

Брось ты заботу о том, чтоб вредить нам и делом и словом!

305 Лучше садись-ка ты есть к нам и пить, как бывало когда-то.

Все же, что нужно тебе, приготовят охотно ахейцы -

Быстрый корабль и отборных гребцов, чтоб скорей ты приехал

В Пилос священный и слухи собрал об отце многославном".

Сыну Евпейта в ответ Телемах рассудительный молвил:

310 "Нет, Антиной, никак не могу я при наглости вашей

В пире участие принять со спокойным и радостным духом.

Иль не довольно, что раньше, когда еще мальчиком был я,

Вы, женихи, богатства ценнейшие наши пожрали?

Нынче, как стал я большим и, советников слушая умных,

315 Много узнал, и в груди моей мужества стало побольше,

Кер постараюсь зловещих на головы ваши наслатъ я, -

Или, отправившись в Пилос, иль здесь же, на острове этом.

Еду - и сделаю путь, о котором я здесь говорю вам;

Еду в чужом корабле, ибо сам ни гребцов не имею,

320 Ни корабля своего: вам выгодней так показалось!"

Молвил и руку свою из руки Антиноевой вырвал

Очень легко. Женихи между тем пировать продолжали.

Над Телемахом глумились они и шутили словами.

Так говорил не один из юношей этих надменных:

325 "Эй, берегитесь! На нас Телемах замышляет убийство!

Иль он кого привезет из песчаного Пилоса в помощь,

Или, быть может, из Спарты. Ведь рвется туда он ужасно!

Или в Эфиру поехать собирается, в край плодородный,

Чтобы оттуда привезть для жизни смертельного яду,

330 Бросить в кратеры его и разом нас всех уничтожить".

Так и другой говорил из юношей этих надменных:

"Знает ли кто? Ведь возможно, и он в корабле изогнутом,

Как Одиссей, вдалеке от домашних погибнет, блуждая!

Этим немало и нам он доставит хлопот. Ведь придется

335 Все достоянье его тогда разделить между нами,

Матери ж с будущим мужем владеть предоставим мы домом".

Так говорили. Меж тем Телемах в кладовую спустился

С кровлей высокой, большую, в которой хранились кучи

Золота, меду, одежда в ларях, благовонное масло.

340 Там же в порядке вдоль стен одна за другую стояли

Бочки из глины со сладким вином многолетним - напитком

Чистым, божественным; он сохранялся на случай, когда бы

Все же вернулся домой Одиссей, хоть и много страдавши.

Дверью двустворчатой, прочно прилаженной, вход запирался.

345 Ключница в той кладовой и ночи и дни находилась,

Все охраняя запасы с великим усердьем и знаньем, -

Опа, сына Пенсенора дочь, Евриклея старушка.

К ней Телемах обратился, позвавши ее в кладовую:

"Амфоры сладким вином наполни мне, няня, - вкуснейшим

350 После того дорогого, которое здесь бережешь ты,

Помня о нем, о несчастном, в надежде, что, может быть, в дом свой

Снова вернется отец, ускользнувши от Кер и от смерти.

Амфор наполни двенадцать и крышками сверху покрой их.

Кожаных плотных мешков приготовивши, ты их наполнишь,

355 Двадцать отмеривши мер, размолотой яичной мукою.

Знай об этом одна! Заготовишь припасы и в кучу

Все их поставишь, а вечером я заберу их, когда уж

Мать поднимется в верхний покой свой, о сне помышляя.

В Спарту я ехать собираюсь и в Пилос песчаный - разведать,

360 Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи".

Так он сказал. Евриклея кормилица громко завывала

И огорченно к нему обратилась со словом крылатым:

"Как могла у тебя в голове эта мысль появиться,

Милый сынок мой! Ну как ты - любимый, единственный - как ты

365 Пустишься в дальние земли? Погиб уж вдали от отчизны

Богорожденный отец твой, в краю, для него незнакомом.

Эти ж, едва ты уедешь, коварное дело замыслят,

Хитростью сгубят тебя и все меж собой здесь поделят.

Милый, останься же здесь, со своими! Зачем тебе надо

370 Всякие беды терпеть, беспокойным скитаяся морем?"

Так, Евриклее в ответ, Телемах рассудительный молвил:

"Няня, не бойся! Решенье такое мое не без бога.

Но поклянись мне, что матери ты ничего не расскажешь

Раньше, чем минет одиннадцать дней иль двенадцать с отъездом,

375 Или не спросит сама, иль другие об этом не скажут.

Как бы, боюсь я, от слез красота у нее не поблекла".

Клятвой великой богов старуха тогда поклялася.

После того как она поклялась и окончила клятву,

В амфоры сладкого тотчас вина налила и в мешках им

380 Кожаных, сшитых надежно, муки заготовила ячной.

А Телемах к женихам пировавшим вернулся обратно.

Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине.

Образ приняв Телемаха, пошла обходить она город;

Остановившись пред мужем, к нему обращалась с просьбой,

385 Чтобы на быстрый корабль они вечером все собрались.

С просьбой потом к Ноемону, блестящему Фрония сыну,

О корабле обратилась. Охотно он ей предоставил.

Солнце меж тем опустилось, и тенью покрылись дороги.

На море быстрый корабль спустила богиня и снасти

390 Все уложила в него, какие для плаванья нужны.

После поставила судно при выходе самом из бухты.

Все уж товарищи к судну сошлись, приглашенные ею.

Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:

Быстро направилась в дом Одиссея, подобного богу,

395 Сладостный сон излила на глаза женихам пировавшим,

Ум помутила у них, из рук у них выбила кубки.

В город отправились все они спать и в постелях лежали

Очень недолго, как сладкий им сон уже пал на ресницы.

Вызвала после того Телемаха из комнат прекрасных

400 Дочь совоокая Зевса и с речью к нему обратилась,

Ментора образ приняв, с ним сходствуя видом и речью:

"Друг, уж товарищи прочнопоножные сели за весла

И дожидаются, скоро ль ты двинуться в путь соберешься.

Живо идем и не будем задерживать долго отъезда!"

405 Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина,

Быстро шагая. А следом за нею и сын Одиссеев.

К морю и к ждавшему их кораблю подошли они вскоре.

На берегу там нашли уж товарищей длинноволосых.

И обратилась к ним Телемаха священная сила:

410 "Ну-ка, друзья, принесемте припасы! Они уже дома

Все заготовлены. Мать ничего об отъезде не знает,

Так же другие служанки; одна только слышала тайну".

Так он сказал и пошел, а следом за ним и другие.

В доме забравши припасы, в корабль прочнопалубный быстро

415 Все их они уложили, как сын Одиссеев велел им.

Сам Телемах поднялся на корабль за Афиною следом;

На корабельной корме она села, а возле богини

Сел Телемах. Отвязали причалы товарищи, быстро

Сами взошли на корабль чернобокий и сели за весла.

420 Благоприятный им ветер послала Паллада Афина:

По винно-чермному морю Зефир зашумел быстрейный.

Тут Телемах, ободря товарищей, им приспособить

Снасти велел, и они приказанью его подчинились.

Мачту еловую разом подняли, внутри утвердили

425 В прочном гнезде и ее привязали канатами к носу.

Белый потом натянули ремнями плетеными парус.

Парус в середине надулся от ветра, и яро вскипели

Воды пурпурного моря под носом идущего судна;

С волн высоких оно заскользило, свой путь совершая.

430 На корабле чернобоком они паруса закрепили,

После налили вином кратеры до самого края

И совершать возлияния стали богам вечносущим,

Больше же всех остальных - совоокой Афине богине.

Быстро всю ночь и все утро бежал их корабль чернобокий.

Гомер. Одиссея. Песнь третья.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ.

Яркое солнце, покинув прекрасный залив, поднялося

На многомедное небо, чтоб свет свой на тучную землю

Лить для бессмертных богов и людей, порожденных для смерти.

Путники в Пилос, богато отстроенный город Нелея,

5 Прибыли. Резали черных быков там у моря пилосцы

Черноволосому богу, Земли Колебателю, в жертву.

Девять было разделов, пятьсот сидений на каждом,
Было по девять быков пред сидевшими в каждом разделе.
Потрох вкушали они, для бога же бедра сжигали.

10 Путники в пристань вошли, паруса на судне равнобоком

Вверх подтянули, судно закрепили и вышли на землю.

И Телемах за Афиною следом спустился на берег.

Первой богиня Паллада Афина к нему обратилась:

"Робость отбрось, Телемах, отбрось ты ее совершенно!

15 Не для отца ли и по морю путь ты свершил, чтоб разведать,

Где его скрыла земля и какую судьбой он постигнут.

К Нестору прямо направься, коней укротителю быстрых,

Чтобы узнать нам, какие он мысли в груди сберегает.

Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе правду.

20 Лгать он не станет тебе - он для этого слишком разумен".

Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Ментор, ну как я пойду? Ну как я с ним буду держаться?

Опыта в умных речах имею я очень немного.

Да и боюсь я, - ну как молодому расспрашивать старших!"

25 И отвечала ему совоокая дева Афина:

"Многое сам, Телемах, в своем ты придумаешь сердце,

Многое бог в тебя вложит. Не против же воли бессмертных,

Как полагаю я, был ты на свет порожден и воспитан!"

Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина,

30 Быстро шагая; за нею же следом и сын Одиссеев.

К месту тому подошли, где, собравшись, сидели пилосцы.

Там и Нестор сидел с сыновьями. Товарищи там же

Жарили к пиршеству мясо, проткнувши его вертелами.

Как увидали они чужестранцев, толпою навстречу

35 Бросились к ним, пожимали им руки и сесть пригласили.

Первым Несторов сын Писистрат, подошедши к ним близко,

За руки путников взял и на мягкие шкуры овечьи

Их усадил на морском берегу для участия в пире

Между отцом стариком и братом своим Фрасимедом.

40 Дал по куску потрохов им и налил вина в золотую

Чашу; потом обратился с такими словами привета

К дочери Зевса-эгидодержавца, Палладе Афине:

"О чужестранец! Теперь помолись Посейдону-владыке:

Пир его жертвенный вы застаете, сюда к нам приехав.

45 После того как свершишь возлиянье с молитвой, как должно,

Чашу с вином медосладким и этому дай, чтобы мог он

Также свершить возлиянье. И он, полагаю, бессмертным

Молится: все ведь в богах нуждаются смертные люди.

Он же моложе тебя и как будто со мною ровесник.

50 Вот почему тебе первому дам золотую я чашу".

Молвил и чашу со сладким вином ей вручил золотую.

Радость Афине доставил разумный тот муж справедливый

Тем, что сначала он ей ту чашу поднес золотую.

Громко молиться она начала Посейдону-владыке:

55 "Царь Посейдон-земледержец, внимли, не отвергни молитвы

Нашей, исполни все то, о чем мы моление возносим!

Нестору прежде всего с сыновьями пошли процветанье;

Грусть от тебя воздаянье достойное также получат

За гекатомбу тебе и все остальные пилосцы.

60 Дай мне потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив

Все, для чего мы сюда в корабле чернобоком приплыли!"

Так помолившись, сама возлиянье богиня свершила,

Кубок двуручный прекрасный потом отдала Телемаху.

В свой помолился черед и сын дорогой Одиссея.

65 Мясо тем временем было готово и с вертелов снято.

Все, свою часть получив, блистательный пир пировали.

После того как питьем и едой утолили желанье,

Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:

"Вот теперь нам приличней спросить чужеземцев, разведать,

70 Кто они, - после того, как едою они насладились.

Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?

Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,

Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своей и беды неся чужеземцам?"

75 Вдруг осмелевши, ему Телемах рассудительный молвил, -

В грудь ему смелость вложила богиня Паллада Афина,
Чтоб расспросить старика о родителе смог он пропавшем,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава:

"Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!

80 Знать ты желаешь, откуда и кто мы. Тебе я отвечу.

Прибыли мы из Итаки, лежащей под склоном Нейона.

То же, о чем я скажу, - не народное, частное дело.

Выехал я поискать, не узнаю ли что про отца я,

Стойкого в бедах царя Одиссея, который, по слухам,

85 Вместе с тобою под Троей сражался и город разрушил.

Об остальных обо всех, кто с троянцами бился, мы знаем,

Где и кого между ними жестокая гибель постигла.

Здесь же и гибель его неизвестною сделал Кронион!

Точно никто не умеет сказать, где конец свой нашел он.

90 Где-нибудь был ли убит лихими врагами на суше

Или же на море гибель обрел середь волн Амфитриты.

Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, -

Не пожелаешь ли ты про погибель его рассказать мне,

Если что видел своими глазами иль слышал рассказы

95 Странника. Матерью был он рожден на великое горе.

Ты ж не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,

Точно мне все сообщи, что увидеть тебе довелось.

Если когда мой отец, Одиссей благородный, - словами ль,

Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,

100 В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали, -

Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне".

Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:

"Друг, о страданиях ты мне напомнил, какие тогда мы, -

Неукротимые в силе ахейцы, - в краю том терпели,

105 Частью, когда на судах, предводимые сыном Пелея,

Мы за добычей по мглисто-туманному морю носились,

Частью, когда пред великой Приамовой Троей с врагами

Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали.

Там Аякс многомощный лежит, лежит Ахиллес там,

110 Там же Патрокл, как советчик бессмертному богу подобный,

Там же мой сын дорогой Антилох, безупречный и сильный,

Больше блиставший всего, как боец и бегун быстроногий.

Кроме того, мы немало и бедствий других претерпели, -

Кто из людей земнородных про все рассказать тебе смог бы?

115 Если бы пять. даже лет, даже шесть ты у нас оставался,

Чтоб расспросить, сколько бед мы, ахейцы, тогда претерпели, -

Раньше б ты в землю вернулся родную, наскучив рассказом.

Девять трудились мы лет, чтобы их погубить, вымышляя
Хитростей много. Насилу Кронид нам послал окончанье.

120 Разумом острым не мог никогда потягаться открыто
Кто-либо там с Одиссеем божественным. В выдумке всяких
Хитростей всех побеждал неизменно родитель твой, если
Подлинно сын ты его. На тебя я смотрю с изумленьем:
С ним и речами ты сходен, и кто бы подумал, чтоб было

125 Юноше можно настолько с ним сходствовать умною речью!
Мы никогда с Одиссеем божественным ни на совете,
Ни на собраньи народном различного не были мненья.
С единодушием полным и в мыслях и в добрых советах
Мы лишь того домогались, что было ахейцам полезней.

130 После того же как взяли мы город высокий Приама
(В море ушли на судах, и бог раскидал всех ахейцев),

Бедственный в сердце своем замыслил возврат аргивянам
Зевс-промыслитель за то, что не все они были разумны
И справедливы. Нашли себе многие жребий печальный,

135 Гибельный гнев возбудив Совоокой, Могучеотцовной.
Жаркую распрю она разожгла меж сынами Атрея.
Всех аргивян на собранье народное оба созвали, -
Не по обычаю, глупо, когда уже солнце садилось.
И собралися ахейцы, вином отягченные, к месту.

140 Начали те говорить, для чего на собранье созвали.

Требовал царь Менелай, чтобы вспомнили тотчас ахейцы

О возвращеньи домой по хребту широчайшего моря.

Но Агамемнону это не по сердцу было, хотел он

Весь народ задержать и святые свершить гекатомбы,

145 Чтоб исцелить у Афины рассерженной гнев ее страшный.

Глупый! Не знал он того, что ее уж склонить не удастся:

Вечные боги не так-то легко изменяют решенья!

Так они оба стояли, один обращаясь к другому

С речью обидной. Ахейцы красивопоножные с места

150 С криком ужасным вскочили, на два разделившись мненья.

Ночь провели мы, питая враждебные друг против друга

Чувства: уже нам готовил великие беды Кронион.

Утром одни совлекли корабли на священное море,

В них нагрузивши богатства и жен, подпоясанных низко.

155 А половина народа, отплыть не желая, осталась

С сыном Атрея, царем Агамемноном, пастырем войска.

Мы, половина другая, отплыли. Помчались быстро:

Бог перед нами разгладил глубоко-пучинное море.

Скоро пришли в Тенедос. Порываясь всем сердцем в отчизну,

160 Жертву богам принесли. Но еще не решил нам возврата

Зевс непреклонный; вторично вражду он разжег между нами.

Кто с Одиссеем-владыкою был, многоумным и хитрым,

Те на двухвостых судах, повернувши обратно, поплыли

И к Агамемнону снова вернулись, ему угождая.

165 Я же со всеми своими судами вперед устремился,

Видя, что нам божество великие беды готовит.

Храбрый отплыл и Тидид и товарищей к бегству подвигнул.

Несколько позже к нам также пристал Менелай русокудрый.

В Лесбосе он нас нагнал, переход обсуждавших далекий:

170 Плыть ли нам выше хиосских заливов и мысов скалистых

К Псире, ее оставляя по левую руку, иль ниже

Хиоса, мимо проплывши Миманта, открытого ветрам.

Бога мы попросили, чтоб знаменье дал нам. Дорогу

Он указал и велел середину нам моря прорезать

175 Прямо к Евбее, чтоб прочь от беды убежать поскорее.

Ветер попутный со свистом задул. Корабли наши быстро

Рыбообильной дорогой морской пронеслись и к Гересту

Прибыли темною ночью. Отмерив великое море,

Множество бедер быков принесли Посейдону мы в жертву.

180 День был четвертый, когда привели равнобокие судна

Люди Тидеева сына, коней укротителя быстрых,

В Аргос. Тем временем в Пилос я плыл, и ни разу не стихнул

Ветер попутный, с начала нам самого посланный богом.

Так, милый сын, я приехал и знаю, как видишь, немного,

185 Кто из ахейцев погиб и кто из них счастливо спасся.

Что ж от других я узнал, под кровлею нашею сидя,

Все это вправе ты знать; от тебя ничего я не скрою.

Счастливо, слышно, домой мирмидонцев своих копьеборных

Вывел блистательный сын Ахиллеса, великого духом.

190 Счастливо прибыл к себе Филоктет Поянтид знаменитый.

В Крит воротился со всем уцелевшим в сражениях войском

Идоменей: у него никого не похитило море.

А про Атрида уж сами вдали у себя вы слышали,

Как он вернулся, как злую Эгист ему гибель подстроил.

195 Но за свое преступленье и тот поплатился жестоко.

Вот как полезно, когда погибающий муж оставляет

Сына! Отмстил за него он коварному отцеубийце,

Злому Эгисту, которым убит был отец его славный.

Вижу, мой друг, что и ты и ростом велик и прекрасен.

200 Будь же отважен, чтоб слава твоя и в потомстве не сгибла".

Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!

Да, отомстил он Эгисту ужасно. Ахейцы широко

Славу о нем разнесут и песни оставят потомкам.

205 О, если б боги меня такою же силой одели,

Чтоб отомстил я за боль приносящую наглость, с какою

Злые дела надо мною творят женихи нечестиво!

Счастья такого, однако, бессмертные мне не судили, -

Мне и отцу моему. И приходится только терпеть мне".

210 Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:

"Раз уже, друг, ты об этом завел разговор и напомнил,

Много ваш дом женихов, я слышал, посещают незвано,

Матери ради твоей, и худые дела совершают.

Вот что скажи: добровольно ль ты им поддался иль в народе

215 Все ненавидят и гонят тебя по внушению бога?

Знает ли кто, - ведь, возможно, вернется отец твой и страшно

Им отомстит за насилья, - один ли, созвав ли ахейцев.

О, если б так же любить и тебя пожелала Афина,

Как окружила она Одиссея своею заботой

220 В дальнем троянском краю, где так мы, ахейцы, страдали,

Я не видал, чтобы боги кого так открыто любили,

Как Одиссею открыто всегда помогала Афина.

Если б любить и хранить и тебя она так пожелала,

Многие даже и думать из них позабыли б о браке".

225 Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Старец, не думаю я, чтобы слово такое свершилось.

Слишком велико, о чем говоришь ты. Берет меня ужас.

Так не случится со мной, пожелай даже этого боги".

И отвечала ему совоокая дева Афина:

230 "Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!

Богу спасти нас нетрудно и издали, если захочет.

Я предпочел бы скорее и множество вытерпеть бедствий,

Но воротиться домой и день возвращенья увидеть,

Чем, воротившись к себе, при своем очаге же погибнуть,

235 Как Агамемнон погиб коварством жены и Эгиста.

Но и богам невозможно от смерти, для всех неизбежной,

Даже и милого мужа спасти, если гибельный жребий

Скорбь доставляющей смерти того человека постигнет".

Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:

240 "Горько нам, Ментор, но все ж говорить перестанем об этом.

Нет никакой нам надежды, чтоб он воротился обратно.

Смерть и черную Керу уж боги ему присудили.

Нынче с вопросом другим хотелось бы мне обратиться

К Нестору, ибо меж всех справедлив он и мудр наиболее.

245 Трех поколений людских, говорят, повелителем был он.

Если глядишь на него, пред тобою как будто бессмертный!

Полную правду скажи мне, о Нестор, Нелеем рожденный,

Как погиб Атреид Агамемнон пространнодержавный?

Где Менелай находился? Какую погибель придумал

250 Для Агамемнона хитрый Эгист? Ведь тот был сильнее!

Или еще не в ахейском он Аргосе был, а скитался

Между чужими и этим отважил того на убийство?"

Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:

"Правду полнейшую, сын дорогой мой, тебе сообщу я.

255 Все бы как раз и случилось, как сам ты себе уж представил,

Если б Эгиста живого застал, возвращаясь из Трои,

В братнином царском дворце Атреид Менелай русокудрый.

Нет, не могильный бы холм был насыпан тогда над умершим,

В поле вне города он бы лежал, и пожрали бы тело

260 Хищные птицы и псы, и никто бы из женщин ахейских

Смерти его не оплакал. Задумал большое он дело:

Мы далеко под стенами троянскими бились с врагами,

Он же, спокойно внутри многоконного Аргоса сидя,

Речью опутывал сладкой жены Агамемнона сердце.

265 На недостойное дело, однако, сперва Клитемнестра

Не захотела пойти: порочных в ней не было мыслей.

Возле нее и певец находился, которому строго,

В Трою идя, приказал Агамемнон смотреть за супругой.

Воля, однако, богов, опутав, ее покорила.

270 Был тут Эгистом певец тот отправлен на остров пустынный,

Где и оставлен. И труп его хищные птицы склевали.

Он, желавший, привел царицу желавшую в дом свой.

Много бедер он сжег на святых алтарях пред богами,

Много развешал даров - сосудов из золота, тканей,

275 Дело такое большое с неожиданным окончив успехом.

Мы же, отъехав от Трои, одною дорогою плыли,

Я с Менелаем, друг с другом скрепленные дружбой. Когда ж мы

Мимо афинского мыса, священного Суния, плыли,

Там Менелаева кормчего Феб Аполлон дальнострельный

280 Нежной стрелою своей умертвил, подошедши в то время,

Как у руля он стоял, кораблем управляя бегущим, -

Фронтя Онеторида; меж всех он людей наилучше

Мог кораблем управлять, когда разбушуется буря.

Там Менелай, хоть и очень в дорогу спешил, задержался,

285 Чтоб погребенью предать товарища с полным почетом.

После того как и он в винно-чермное выехал море

В полых своих кораблях и высокого мыса Малей

Быстро достиг, приготовил ужаснейший путь ему дальше

Зевс протяженно гремющий: направил дыханье свистящих

290 Ветров и волны тяжелые вздыбил, большие, как горы.

Там, разделив корабли, одни из них к Криту погнал он,

Где возле струй Иардана-реки обитали киконы.

Есть над водою стоящий утес, высокий и гладкий,

На море мглисто-туманном, у крайних пределов Гортины.

295 Нот на левый там выступ бросает огромные волны

К Фесту. Но камень тот малый большую волну отражает.

Там очутились они, и погибли еле избегли

Люди, а все корабли о подводные камни разбиты

Были волнами. Другие же пять кораблей синеносых

300 К самому пригнаны были Египту водою и ветром.

Много в стране той добра собирая и золота, долго

Странствовал там Менелай с кораблями среди чуждых народов.

Дома ж Эгист в это время злодейство свое и затеял.

Семь он властвовал лет над златообильной Микеной

305 После убийства царя, и народ покорялся Эгисту.

В год же восьмой из Афин воротился, на горе злодею,

Богopodobный Орест и коварного отцеубийцу,

Кем был убит его славный отец, умертвил беспощадно.

После того поминальный обед он устроил ахейцам

310 В память матери страшной и жалкого труса Эгиста.

В этот же день Менелай воротился могучеголосый,

Столько сокровищ везя, сколько их в кораблях уместилось.

Ты же недолго, мой друг, в отдаленьи от родины странствуй,

Дома ты бросил имущество все и людей, бесконечно

315 Наглых. Сожрут, берегись, они все у тебя достоянье,

И бесполезным окажется путь, совершенный тобою.

Но к Менелаю тебе я советую, требую съездить.

Он лишь недавно вернулся домой от людей, от которых

Муж ни один не посмел бы надеяться в дом свой вернуться,

320 Раз уж его занесло ураганом свирепым в то море, -

Море такое большое, что к нам даже птицы оттуда

В год прилететь не смогли бы, - так страшно оно и огромно.

На корабле поезжай - - и ты и товарищи - морем,

Если же хочешь, то сушей; к услугам твоим колесница,

325 Также мои сыновья. Они проводить тебя смогут

В Лакедемон многославный, где царь Менелай русокудрый.

Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе правду.

Лгать он не станет тебе - он для этого слишком разумен".

Так он сказал. А уж солнце спустилось, и тьма наступила.

330 Заговорила тогда совоокая дева Афина:

"Старец, про все говорил ты вполне справедливо и верно.

Режьте, однако, быкам языки и вина намешайте,

Чтоб Посейдону и прочим бессмертным свершить возлиянье.

После того б о постелях подумать могли мы. Пора уж!

335 Свет опустился во мрак, на пире богов оставаться

Не подобает так долго, и время нам всем расходиться".

Так говорила она, и все ее голосу вняли.

Тотчас на руки всем им глашатаи полили воду,

Юноши, вливши в кратеры напиток до самого верху,

340 Чашами всех обнесли, возлиянье свершая из каждой.

Бросив в огонь языки, поднялись, возлиянье свершили,
А совершивши и выпив, как духу их пожелалось,
Встала Афина и встал Телемах, на бессмертных похожий,
Чтобы обратно к себе идти на корабль изогнутый.

345 Нестор их удержал, обратясь к ним с такими словами:

"Да не допустят ни Зевс, ни другие бессмертные боги,
Чтоб от меня ночевать вы на быстрый корабль удалились,
Словно бы я у себя - полнейший бедняк, оборванец,
Словно бы мало в дому у меня одеял и подушек,

350 Чтобы и мне самому и гостям моим спать было мягко.

Нет, одеял и прекрасных подушек найдется довольно!
Милый сын человека подобного, сын Одиссея,

Спать не пойдет на помост корабельный, покуда и сам я
Жив и пока в моем доме мои сыновья остаются,

355 Чтобы гостей принимать, в жилище мое приходящих".

И отвечала ему совоокая дева Афина:

"Милый старик, справедливо все это сказал ты, и должен
Так Телемах поступить, и будет прекраснее это.

Пусть за тобою теперь он последует, пусть себе в доме

360 Спать остается. Но сам я на черный корабль наш направлюсь

Распоряженья отдать, успокоить товарищей наших.

Я похвалиться могу, что один лишь меж нами я старший.

Прочие все - молодежь, по дружбе отправились в путь с ним,
Сверстники все по летам Телемаху, высокому духом.

365 При корабле нашем черном я б там ночевать и остался
Нынче. А утром в страну я отправлюсь отважных кавконов.
Нужно мне долг получить там, старинный и очень немалый.
Ты ж Телемаха, уж раз тебя в доме твоём посетил он,
Дальше отправь в колеснице и с сыном. Запрячь в колесницу

370 Коней вели побыстрее на ходу, повыносливей силой".

Так сказав, отошла совоокая дева Афина,
Образ принявши морского орла. Ужаснулись пилосцы.
Нестор старик, увидавши глазами, пришел в изумленье,
Руку взял Телемаха, по имени назвал и молвил:

375 "Вижу я, милый, что ты не худой человек, не ничтожный,
Если тебе, молодому такому, сопутствуют боги.
Был это здесь не иной из богов, на Олимпе живущих,
Как многославная дочь Эгиохова Тритогенея,
Так же отца твоего отличавшая между ахейцев.

380 Будь благосклонна, Афина, ко мне и хорошую славу
Дай мне, и детям моим, и чести достойной супруге!
Широколобую в жертву тебе годовалую телку
Я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.

Позолотив ей рога, я тебе принесу ее в жертву".

385 Так говорил он молясь. И его услышала Афина.

Кончив, пошел во главе сыновей и зятьев своих Нестор,
Славный наездник геренский, в красиво построенный дом свой.
После того же как в Несторов дом достославный вступили,
Все по порядку они разместились на креслах и стульях.

390 Старец тогда намешал в кратере вино для прибывших.

Сладкое это вино, десять лет уж стоявшее в бочке,
Ключница только что вскрыла, раскутав и снявши покрывку.
Это вино замешал он в кратере и долго молился
Дочери Зевса Афине, творя возлиянья. Свершили

395 Их и другие; и, выпив, как духу их пожелалось,

Все поднялись и для сна по жилищам своим разошлись.
В доме, однако, своем ночевать Телемаха оставил
Нестор, наездник геренский, пилосских мужей повелитель,
Под колоннадою гулко звучащей в сверленной кровати.

400 Рядом лег Писистрат, властитель мужей, копьеборец,

Бывший еще неженатым среди братьев в отцовских чертогах.
Нестор во внутренней спальне высокого дома улегся,
Где с госпожою супругой делил и кровать и постель он.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

405 Нестор-владыка, наездник геренский, поднявшись с постели,

Из дому вышел и сел на гладко отесанных камнях,
Возле порога высоких дверей его дома стоявших, -

Белых, до яркого блеска лощеных, больших, на которых

Сиживал прежде Нелей, по разумности схожий с бессмертным.

410 Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он.

Нестор геренский, защита ахейцев, теперь там уселся.

Жезл в руках он держал. Вкруг него собралися толпою,

Выйдя из спален своих, сыновья его - Стратий, Ехефрон,

Арет, Персей и подобный богам Фрасимед горделивый.

415 Следом за ними, шестым, и герой Писистрат появился.

И Телемаха сюда привели и с собой усадили.

Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:

"Живо мое пожеланье исполните, милые дети!

Милости прежде всего я хочу испросить у Афины,

420 К нам самолично пришедшей на пышное пиршество бога.

В поле за телкой отправься один, чтоб была здесь скорее;

Пусть ее с поля пастух, коров там пасущий, пригонит.

Также отправься один к Телемахову черному судну,

Всех товарищей к нам приведи, оставь лишь двоих там.

425 Также один пусть прикажет Лаэрту прийти поскорее,

Мастеру дел золотых, чтоб рога у телушки оправил

В золото. Все остальные останьтесь. Скажите там в доме,

Чтобы рабыни обед поскорее готовили пышный,

Стулья б поставили, дров и блестящей воды принесли бы".

430 Так он сказал. Сыновья торопливо за дело взялися.

Телка с поля пришла. Пришли с чернобокого судна

Спутники, вместе сюда с Телемахом приплывшие. Медник

С медным пришел инструментом, пособьем в ковальном искусстве;

Крепкие клещи с собой он принес, наковальню и молот, -

435 Все, чем над золотом нужно работать. Пришла и Афина

Жертву принять. Престарелый же Нестор, наездник геренский,

Золото дал. Позолотой рога у телушки искусно

Мастер покрыл, чтобы сердце богини порадовать блеском.

Телку вели за рога богоравный Ехефрон и Стратий;

440 Из дома выйдя, кувшин, расцвеченный узором, с водою

Вынес одною рукою Арет, в другой же корзину

Нес с ячменем. С топором отточенным в руках, перед телкой,

Чтобы удар нанести, стоял Фрасимед боестойкий.

Чашу подставил Персей. Престарелый же Нестор наездник,

445 Руки омыв, ячменем всю телушку осыпал и, срезав

Шерсть с головы ее, бросил в огонь и молился Афине.

Все помолились потом и осыпали зернами жертву.

Несторов сын, Фрасимед горделивый, мгновенно приблизясь

К жертве, нанес ей удар, разрубив топором сухожилья

450 Шеи, и силу у телки расслабил. И клик испустили

Дочери все и невестки с самой Евридикой почтенной,

Нестора старца женою, Клименовой дочерью старшей.

Те же, с широкодорожной земли приподнявши, держали

Телку. Ножом Фрасимед ее в шею ударил. Когда же

455 Черная вытекла кровь и дух ее кости оставил,

Тотчас на части ее разделили и, вырезав бедра

Так, как обычай велит, обрезанным жиром в два слоя

Их обернули и мясо сложили на них остальное.

Нестор сжигал на огне их, багряным вином окропляя.

460 Юноши, около стоя, держали в руках пятизубцы.

После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,

Прочее все, на куски разделив и наткнувши на прутья,

Начали жарить, руками держа заостренные прутья.

Вымыла гостя меж тем Поликаста, прекрасная дева,

465 Нестора младшая дочь, Нелеева славного сына,

Вымывши, маслом блестящим она ему тело натерла,

Плечи же гостя одела прекрасным плащом и хитоном.

Видом подобный бессмертным богам, из ванны он вышел

И, подойдя, возле Нестора сел, владыки народов.

470 Было тем временем мясо изжарено, с вертелов снято.

Сели они за обед. Заботливо мужи ходили

Вкруг пировавших, вино в золотых подавая им кубках.

После того как питьем и едой утолили желанье,

Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:

475 "Ну-ка, дети мои, запрягите коней пышногривых
Для Телемаха, введя под ярмо их, чтоб мог он поехать".

Так он сказал. И охотно приказу они подчинились.

Тут же не медля впрягли в колесницу коней легконогих.

Ключница им на дорогу вина положила и хлеба,

480 Вместе с едою, какую обычно цари потребляют.

На колесницу прекрасную встал Телемах богоравный;

Следом и Несторов сын Писистрат, мужей повелитель,

На колесницу взошел и взялся за блестящие вожжи.

Коней бичом он хлестнул. Охотно они полетели

485 Полею и сзади себя оставили Пилос высокий.

Кони весь день напролет, ярмо сотрясая, неслися.

Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.

Сыном он был Ортилоха, рожденного богом Алфеем.

490 Там они ночь провели, и он преподнес им гостинцы.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Коней они запрягли и, на пеструю став колесницу,

Быстро к воротам на ней через портик помчались звонкий.

Коней хлестнул Писистрат. Охотно они полетели.

495 Вскоре равнины достигли, богато заросшей пшеницей.

Там они кончили путь - так быстро домчали их кони.

Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

Гомер. Одиссея. Песнь четвертая.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

В ЛАКЕДЕМОНЕ

Прибыли в низменный Лакедемон, окруженный холмами,

К дому примчались царя Менелая, покрытого славой.

Свадьбу сына в то время он праздновал и непорочной

Дочери в доме своем, среди собравшихся родичей многих.

5 Сыну Пелида, фаланг разрывателя, дочь посылал он;

В Трое давно уже дал обещание он и согласие

Выдать ее, и теперь этот брак им устроили боги.

Много ей дав колесниц и коней, отправлял к мирмидонцам

Дочь он, в город их славный, где царствовал сын Ахиллеса.

10 Сыну ж привел он из Спарты Алектора дочь молодую.

Поздно рожден был тот сын, Мегапент многомошный, рабыней

Сыну Атрея. Елене ж детей уже не дали боги,

После того как вначале она родила Гермionу,

Схожую видом прелестным с самой золотой Афродитой.

15 Так пировали они под высокою кровлею дома,

Сродники все и соседи покрытого славой Атрида,

И наслаждались. Певец же божественный пел под формингу,

Сидя меж ними. И только лишь песню он петь принимался,

Два скомороха тотчас начинали вертеться по кругу.

20 Путники оба в дворовых воротах - и сами, и кони,

Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный -

Стали. Увидевши, вышел к ним из дому распорядитель,

Етеоней благородный, проворный помощник Атрида.

К пастырю войск Менелаю чрез дом он отправился с вестью,

25 Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:

"Мужи какие-то там, Менелай, о питомец Кронида,

Два чужеземца; как будто из рода великого Зевса.

Как ты прикажешь - распрячь ли у них лошадей быстроногих

Иль их отправить к другому кому, кто б их принял радушно?"

30 Сильно разгневавшись, молвил ему Менелай русокудрый:

"Етеоней, Боефоем рожденный! Ведь глупым ты не был

Прежде, теперь же ты вздор говоришь, словно малый ребенок!

Мало ль радушья найти нам пришлось у людей чужеземных

Раньше, чем в дом мы вернулись? Дай бог, чтобы кончились беды

35 Наши на этом! .. Сейчас же коней отпряги чужеземцев!

Их же дальше в наш дом проведи, чтобы нам угостить их".

Етеоней устремился из зала мужского и скликал

Слуг расторопных других, чтоб к нему собрались поскорее.

Быстро лихих отпрягли лошадей, под ярмом запотевших,

40 К яслям в конюшне они поводьями их привязали,

Полбу засыпали в ясли и к ней ячменю подмешали.

А колесницу приезжих к блестящей стене прислонили.

Их же самих привели в божественный дом. Увидавши

Дом вскормленного Зевсом царя, изумилися оба, -

45 Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу

Дом высокий царя Менелая, покрытого славой.

После того как глазами они нагляделись досыта,

Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.

Вымыв, невольницы маслом блестящим им тело натерли,

50 После надели на них шерстяные плащи и хитоны.

Выйдя, уселися рядом они с Менелаем Атридом.

Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой

В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой

Для умывания. После расставила стол она гладкий.

55 Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много

Кушаний разных поставив, охотно их дав из запасов,

Кравчий, блюда высоко поднявши, на них преподнес им

Разного мяса и кубки поставил близ них золотые.

Кубком приветствуя их, так сказал Менелай русокудрый:

60 "Пищи, прошу вас, вкусите и радуйтесь! После ж того как

Голод насытите вы, мы спросим - какие вы люди?

В вас не погибла, я вижу, порода родителей ваших.

Род от царей вы, конечно, ведете, питомцев Зевеса,

Скипетр носящих: худые таких бы, как вы, не родили".

65 Так сказав, по куску положил он пред ними бычачьей

Жирной спины, отделив от почетной собственной доли.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как желанье питья и еды утолили,

Проговорил Телемах, к Писистрату склонясь Несториду,

70 Близко к его голове, чтоб его не слышали другие:

"Вот, посмотри, Несторид, о друг мой, любезнейший сердцу,

Как в этом гулком покое все яркою медью сверкает,

Золотом и серебром, электром и костью слоновой!

У Олимпийского Зевса, наверно, такая же зала.

75 Что за богатство! Как много всего! Изумляюсь я, глядя!"

То, что сказал Телемах, услышал Менелай русокудрый

И, обратившись к гостям, слова окрыленные молвил:

"С Зевсом, дети мои, состязаться нельзя человеку,

Ибо сокровища все и жилища у Зевса нетленны,

80 Люди ж - иные поспорят в богатстве со мной, а иные -

Нет; протерпевши немало, немало скитавшись, добра я

Много привез в кораблях и в восьмом лишь году воротился,

В странствиях Кипр посетив, Финикию и дальний Египет.

У эфиопов, сидонцев, ерембов пришлось побывать мне,

85 В Ливии был, где ягнята рогатыми на свет рождаются,

Где ежегодно три раза и овцы котятся и козы.

Там никогда не бывает, чтоб сам ли хозяин, пастух ли

В сладком имел молоке недостаток, иль в сыре, иль в мясе.

Доится скот в той стране непрерывно в течение года.

90 Но между тем как, собирая большие богатства, скитался

В этих я странах, мне брата убил человек посторонний,

Тайно, нежданно, коварством проклятой супруги Атрида.

Так-то без радости всякой своим я владею богатством.

Впрочем, про это про все от отцов вы, наверно, слыхали,

95 Кто б они ни были. Много пришлось мне страдать, потерял я

Дом, для житья превосходный, богатствами многими полный.

С третьей, однако, их частью я дома бы жить согласился,

Только бы живы остались те мужи, какие в то время

В Трое широкой погибли, вдали от любимой отчизны.

100 Часто, их всех вспоминая, о них сокрушаясь и плача,

Время в нашем пространном дворце провожу я; порою

Сердце себе услаждаю стенаньем, порой прекращаю

Плач: насыщаемся скоро мы горем жестоким и плачем.

Всех их, однако, не так я жалею, хотя и печалюсь,

105 Как одного. Только вспомню о нем, и становятся сразу

Мне ненавистны и пища и сон. Ни один из ахейцев

Столько не снес, сколько снес Одиссей. Несчислимые беды

Пали на долю ему, а мне - по испытанном друге

Горькая скорбь. Уж давно его нет, и не знаем мы точно,

110 Умер ли он или жив. Горюют о нем безутешно

Старый родитель Лаэрт, и разумная Пенелопея,

И Телемах, им оставленный дома недавно рожденным".

Плакать о милом отце захотелось тогда Телемаху.

С век он на землю слезу уронил, об отце услыхавши,

115 Плащ свой багряный руками обеими поднял поспешно,

Чтобы глаза им закрыть. Менелай это сразу заметил.

Он между помыслов двух и умом колебался и духом:

Ждать ли, чтоб сам Телемах говорить об отце своем начал,

Или вопросами выведать все у него понемногу?

120 Но между тем как рассудком и духом об этом он думал,

Вышла из спальни высокой своей и душистой Елена,

Схожая образом всем с Артемидою золотострельной.

Кресло искусной работы подвинула сесть ей Адреста,

Вынесла под ноги мягкий ковер шерстяной ей Алкиппа,

125 Фило серебряный ларчик держала; Елене Алькандрой

Был он подарен, женою Полиба, в египетских Фивах

Жившего; граждан дома там богатства вмещают большие.

Две Полиб подарил Менелаю серебряных ванны,

Также треножника два и золотом десять талантов.

130 Кроме того, и жена одарила богато Елену:

Веретено золотое и ларчик дала на колесах
Из серебра, с золотою каемкой. Его-то служанка

Фило несла на руках и поставила возле Елены,
Пряжею полный искусно сработанной; сверху лежало

135 Веретено золотое с фиалково-темною шерстью.

В кресло села она, на скамейку поставила ноги
И начала обо всем по порядку расспрашивать мужа:

"Знаешь ли ты, Атреид Менелай, питомец Зевеса,
Кем похваляются быть эти мужи, пришедшие в дом наш?

140 Правду ль скажу, ошибусь ли? Но сердце велит говорить мне.

Кажется мне, никогда не видала настолько я схожим
Ни из мужчин никого, ни из жен, - изумляюсь я, глядя! -
Как этот гость наш походит на сына царя Одиссея,
На Телемаха, которого муж тот едва лишь рожденным

145 Дома оставил, когда к Илиону отплыли ахейцы,

Из-за меня, бесстыжей, поход предприняв свой отважный".

И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:

"Думаю сам я теперь, как сейчас мне, жена, ты сказала.

Ноги такие ж совсем у него и такие же руки,

150 Взоры такие же глаз, голова с такими ж кудрями.

Да и сейчас вот, когда в разговоре с гостями я вспомнил

Об Одиссее, как много пришлось за меня ему вынести,

Из-под бровей у него покати́лась слеза за слезо́ю,

И, закрыва́я глаза, он плащ свой пурпуровый поднял".

155 Тут Несторид Писистрат, отвечая, сказал Менелая:

"Богорожденный Атрид Менелай, повелитель народов!

Верно! Приходится сыном тому он, о ком говоришь ты.

Но рассудителен гость твой, и в сердце своем он стыдится

Сразу, едва лишь придя, слова рассыпать пред тобою -

160 Перед тобою, чей голос, как божеский голос, пленил нас.

Что ж до меня, то послал меня Нестор, наездник геренский,

Спутником быть Телемаху. С тобой он желал повидаться,

Чтоб присоветовал слово ему ты какое иль дело.

Много приходится сыну, родитель которого отбыл,

165 Бедствий терпеть, если нет другого заступника в доме,

Вот как теперь Телемаху: уехал отец, и в народе

Больше уж нет никого, кто его от беды защитил бы".

Так, отвечая ему, Менелай русокудрый воскликнул:

"Боги! Ужели же в доме своем принимаю я сына

170 Друга, так много трудов за меня перенесшего тяжких!

Я-то надеялся: буду, когда мы вернемся, дружить с ним

Больше, чем с кем из ахейцев, лишь дал бы нам дома достигнуть

По морю бурному Зевс Олимпиец, широкогремящий.

Дал бы я в Аргосе город ему для житья и построил

175 Дом бы ему, из Итаки привезши с богатствами всеми,
С сыном и с целым народом, какой-нибудь выселив город,
К Спарте который поближе, который под властью моею.
Часто б тогда мы встречались, любили бы жарко друг друга
И наслаждались друг другом. Не раньше бы разлучились,

180 Чем одного бы окутало черное облако смерти.

Верно, однако, сам бог позавидовал нашему счастью
И одного лишь того несчастливца лишил возвращенья".

Так он сказал, и у всех появилось желание плакать.

Плакала горько Елена аргивская, дочь Молневержца,

185 Плакали сын Одиссея и царь Менелай русокудрый.

У Писистрата глаза не бесслезными также остались:

Брат ему милый на память пришел, Антилох безупречный,

Сыном блистательным ясной Зари умерщвленный под Троей.

Вспомнил о нем Писистрат и слова окрыленные молвил:

190 "Разумом ты, Атреид, между всеми людьми выдаешься, -

Так говорил престарелый нам Нестор, когда вспоминали

Мы о тебе в нашем доме, ведя меж собою беседу.

Нынче послушайся, если возможно, меня. Никакой мне

Радости нет горевать после ужина. Будет еще ведь

195 Завтрашний день для скорбей. Ничего не имею я против,

Ежели плачут о муже, кто умер и роком настигнут.

Только и почести смертным несчастным, что волосы срежут

В память его да слезинка-другая в глазах навернется.

Брата и я потерял. И не худшим он был среди ахейцев

200 Воином. Знаешь его ты, наверное. Сам я не видел,

С ним не встречался. Однако меж всех, говорят, выдавался

Брат Антилох, как бесстрашный боец и бегун быстроногий".

Так отвечая ему, сказал Менелай русокудрый:

"Все ты, мой друг дорогой, говоришь, что сказал бы и сделал

205 Наирозумнейший муж и даже старейший годами.

Сын ты такого отца, потому и сказал так разумно.

Род человека легко познается, которому выпрял

Счастье Зевс-промыслитель при браке его иль рожденьи.

Также и Нестору счастье дал он - все дни непрерывно

210 Стариться в доме своем в весельи и в полном довольстве

И сыновьями иметь копьеборных людей и разумных.

Плач похоронный, какой тут случился, давайте оставим!

Вспомним об ужине снова и руки омоем водою.

Времени ж будет довольно обоим и завтрашним утром

215 И Телемаху и мне - обменяться словами друг с другом".

Так он сказал. Асфалион, проворный служитель Атрида,

Быстро им подал воды, чтоб они себе руки умыли.

К пище готовой потом они руки свои протянули.

Новая мысль тут явилась у дочери Зевса Елены.

220 Снадобье бросила быстро в вино им, которое пили,
Тонут в нем горе и гнев и приходит забвение бедствий.
Если бы кто его выпил, с вином намешавши в кратере,
Целый день напролет со щеки не сронил бы слезинки,
Если бы даже с отцом или с матерью смерть приключилась,

225 Если бы прямо пред ним или брата, иль милого сына

Острою медью убили и он бы все видел глазами.

Некогда было то средство целебное с действием верным

Дочери Зевса дано Полидамной, супругою Фона,

В дальнем Египте, где множество всяческих трав порождает

230 Тучная почва - немало целебных, немало и вредных.

Каждый в народе там врач, превышающий знаньем обширным

Прочих людей, ибо все в той земле из Пэанова рода.

Снадобье бросив в вино и вино разнести приказавши,

Так начала говорить Елена, рожденная Зевсом:

235 "Царь Менелай Атреид, питомец Зевеса, и все вы,

Дети отважных мужей! По желанию Зевс посылает

Людям и зло и добро, ибо все для Кронида возможно.

Сидя тут в зале высоком, пируйте в весельи, беседой

Тешьтесь, а я рассказать подходящее вам бы хотела.

240 Подвигов всех Одиссея, в страданиях твердого духом,

Ни рассказать не смогу я, ни их перечислить подробно.

Но расскажу, на какое деянье дерзнул он бесстрашно

В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали.

Сам себе страшно позорнейшим способом тело избивши,

245 Рубищем жалким, подобно невольнику, плечи одевши,

В широкоуличный город враждебных мужей он пробрался.

Так себя скрывши, совсем он другому был мужу подобен -

Нищему, как никогда его возле судов не видали.

Образ принявши его, он прошел в Илион, подозрений

250 Не возбудивши ни в ком. Только я его сразу узнала,

Спрашивать стала, но он от ответов хитро уклонился.

Только тогда, как его я обмыла и маслом натерла,

Платьем одела и клятвой великой ему поклялася,

Что лишь тогда Одиссея троянцам я выдам, когда он

255 В стан уж вернется к себе, к ахейским судам бысролетным, -

Только тогда мне раскрыл он весь замысел хитрый ахейцев.

В городе много троянцев избив длиннолезвенной медью,

Он возвратился к ахейцам, принеши им знанье о многом.

Громко другие троянки рыдали. Но радостью полно

260 Было сердце мое: уж давно я рвалась уехать

Снова домой и скорбела о том ослепленьи, какое

Мне Афродита послала, уведши меня из отчизны,

Бросить заставив и дочку, и брачную спальню, и мужа,

Могшего духом и видом своим потягаться со всяким".

265 И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:

"Что говоришь ты, жена, говоришь ты вполне справедливо.

Случай имел я узнать и стремленья, и мысли, и нравы

Многих мужей благородных, и много земель посетил я,

Но никогда и нигде не случилось мне видеть глазами

270 Мужа такого, как царь Одиссей, в испытаниях твердый, -

Также и дела такого, какое отважился сделать

Муж тот могучий в коне деревянном, в котором засели

Все мы, храбрейшие в войске, готовя погибель троянцам.

Ты в это время к коню подошла. Побудил тебя, верно,

275 Бог, нам враждебный, желавший врагам нашим славу доставить.

Вместе с тобой подошел Деифоб, на бессмертных похожий.

Щупая трижды засаду, пустую внутри, обошла ты

И начала называть поименно знатнейших данайцев

(Голосу полное сходство придав с голосами супруг их).

280 Я, и Тидид Диомед, и царь Одиссей богоравный,

Сидя засадой в коне, услышали, как ты закричала.

Мы с Диомедом в волненьи вскочили и тотчас хотели

Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться.

Но Одиссей удержал нас, не дал проявиться порыву.

285 (Все остальные ахейцы сидели в глубоком молчаньи.

Только Антикл попытался тебе отозваться словами.

Быстро тогда Одиссей руками могучими крепко

Рот Антиклу зажал и от гибели тем нас избавил.

Столько держал он, покуда тебя удалила Афина.)"

290 Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!

Тем мне больней, что он все же не спасся от гибели грозной,

Хоть и железное сердце в груди у родителя было.

Ну, а теперь не пора ль нас в постели отправить, чтоб также

295 Мы получили возможность и сладостным сном насладиться".

Так он промолвил. Елена тотчас приказала рабыням

Две кровати поставить в сенях, из подушек красивых,

Пурпурных ложе устроить, а сверху покрыть их коврами,

Два одеяла пушистых постлать, чтобы сверху покрыться.

300 С факелом ярким в руках поспешили рабыни из дома

И постелили постели. Глашатай из зала их вывел.

Гости спать улеглись в притворе Атридова дома, -

Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный.

Царь же во внутренней спальне высокого дома улегся

305 Рядом с Еленою длинноодеждною, светом меж женщин.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Быстро с постели Атрид Менелай поднялся русокудрый,

Платьем оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,

К белым ногам привязал красивого вида подошвы,

310 Вышел из спальни своей, бессмертному богу подобный,

И к Телемаху подсел, и по имени назвал, и молвил:

"Что за нужда, Телемах благородный, тебя привела к нам,

В Лакедемон наш пресветлый, хребтами широкими моря?

Дело народное или свое? Скажи откровенно".

315 Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!

Прибыл сюда я, - не дашь ли каких об отце мне известий?

Дом пожирается мой, и погребло мое достоянье;

Дом мой полон врагов, которые режут без счета

320 Мелкий скот мой и медленноходных быков криворогих;

Матери это моей женихи, наглейшие люди!

Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, -

Не пожелаешь ли ты про гибель отца рассказать мне,

Если что видел своими глазами иль слышал рассказы

325 Странника. Матерью был он рожден на великое горе!

И не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,

Точно мне все сообщи, что видеть тебе довелось.

Если когда мой отец, Одиссей благородный, словами ль,

Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,

330 В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали, -

Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне!"

В гневе жестоком ему отвечал Менелай русокудрый:

"Как это? Брачное ложе могучего, храброго мужа

Вдруг пожелали занять трусливые эти людишки!

335 Это как если бы лань для детенышей новорожденных

Выбрала логово мощного льва, их бы там уложила

И по долинам пошла бы пастись, поросшим травую,

Лев же могучий меж тем, к своему воротившись ложу,

И оленятам и ей бы позорную смерть приготовил, -

340 Так же и им Одиссей позорную смерть приготовит.

Если бы, Зевс, наш родитель, и ты, Аполлон, и Афина, -

В виде таком, как когда-то на Лесбосе он благозданном

На состязаньях с Филомелеидом бороться поднялся,

С силой швырнул его наземь и радость доставил ахейцам, -

345 Пред женихами когда бы в таком появился он виде,

Короткожизненны стали б они и весьма горькобачны!

То же, что знать от меня ты желаешь, тебе сообщу я,

Не уклоняясь от правды ни в чем, не виляя нисколько.

Все, что мне старец правдивый морской сообщил, ни о чем я

350 Не умолчу пред тобой, ни единого слова не скрою.

Сердцем домой я рвался, но все время держали в Египте

Боги меня, потому что я им не принес гекатомбы.

Боги хотят, чтоб всегда приказанья их помнили люди.

Остров такой существует на море высокоприбойном;

355 Перед Египтом лежит он (название острову - Фарос)

На расстояньи, какое в течение дня проплывает

По морю, ветром попутным гонимый, корабль изогнутый.

Гавань прекрасная в нем. Отплывают из гавани этой,

Черной запасшись водой, корабли равнобокие в море.

360 Двадцать там дней меня боги держали. Все время ни разу

Дующих в сторону моря попутных ветров не явилось,

Что провожают суда по хребту широчайшего моря.

Все бы у нас истощилось - и силы людей и припасы, -

Если бы жалко не стало меня Эйдофее богине,

365 Дочери старца морского, могучего бога Протея.

Ей всего более дух взволновал я. Когда одиноко

Шел от товарищей я вдалеке, мне она повстречалась.

Все они время, близ моря слоняясь, кривыми крючками

Рыбу ловили: терзал жесточайший им голод желудки.

370 Близко став предо мною, она мне промолвила громко:

- Глуп ли ты так, чужеземец, иль так легкомыслен? Нарочно ль

Бросил о всем ты заботу и сердце страданьями тешишь?

Так ты на острове долго сидишь - и найти не умеешь

Выхода, тем ослабляя в сердцах у товарищей бодрость! -

375 Так мне сказала. И я, отвечая богине, промолвил:

- Кто б из богинь ни была ты, всю правду тебе расскажу я.

Нет, не по собственной воле я здесь задержался, но, видно,

Чем-то богов я обидел, владеющих небом просторным.

Ты хоть скажи мне, богиня, - ведь все вам, бессмертным, известно, -

380 Кто из богов меня держит и мне закрывает дорогу

Для возвращенья домой по обильному рыбами морю? -

Так говорил я. И светлая мне отвечала богиня:

- Я, чужеземец, тебе совершенно правдиво отвечу:

Часто бывает старик здесь морской из Египта, правдивый,

385 Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны

Моря всего и который царю Посейдону подвластен.

Он, говорят, мой отец, и я от него родилася.

Если б тебе удалось овладеть им, устроив засаду,

Все б он тебе рассказал про дорогу, и будет ли долг

390 Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю.

Если захочешь, спроси и о том его, Зевсов питомец,

Что в твоём доме плохого ль, хорошего ль было в то время,

Как ты домой возвращался далекой и трудной дорогой. -

Так говорила богиня. И я, отвечая, сказал ей:

395 - Нет, уж придумай сама, как поймать мне бессмертного старца,

Чтобы, заметив меня как-нибудь, от меня он не скрылся.

Трудно смертному мужу с бессмертным управиться богом. -

Так сказал я. И светлая мне отвечала богиня:

- Это тебе, чужеземец, правдиво вполне сообщу я.

400 Только приблизится солнце к середине широкого неба,

Вдруг средь кипения черной воды, при подувшем зефире,

Правду знающий старец морской из пучины выходит.

Выйдя из волн зашумевших, ложится он в полуяму.

Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери моря,

405 Стаями спят вокруг него, седые покинувши волны,

Острый смрад издавая глубоко с пучинного моря.

С ранней зарею тебя проведу я туда и устрою

Ложе тебе меж тюленей. А ты на судах твоих прочных

Трех себе выбери в помощь товарищей самых надежных.

410 Все же уловки того старика тебе сообщу я.

Прежде всего обойдет он тюленей и всех сосчитает.

После того же как их сосчитает старик и осмотрит,

Ляжет средь них отдыхать, как пастух средь овечьего стада.

Только увидите вы, что заснул средь своих он тюленей,

415 Пусть вас тотчас же забота возьмет об отваге и силе!

Быстро схватите его, как бы он ни рвался и ни бился.

Виды начнет принимать всевозможных существ он, какие

Бродят у нас по земле; и водой и огнем обернется.

Вы же без страха держите его и сжимайте покрепче.

420 После того как он сам обратится к тебе со словами,
Образ принявши, в каком вы его уже видели спящим,
Тотчас насилье оставь, отпусти старика на свободу
И расспроси его, кем из богов ты, герой, утесняем,
Как тебе в дом свой вернуться по рыбообильному морю. -

425 Так сказав, погрузилась в волнами кипящее море.
Я же к стоявшим в песках кораблям моим шаг свой направил.
Сильно во время дороги мое волновалось сердце.
После того как пришел к своему кораблю я и к морю,
Ужин сготовили мы. Священная ночь наступила.

430 Спать мы тогда улеглись близ прибоем шумящего моря.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Двинулся в путь я, бессмертным богам горячо помолившись,
Берегом моря широкодорожного. Вместе с собою
Трех я товарищей вел, для всякого дела пригодных.

435 Тут погрузилась богиня в широкое лоно морское
И принесла из пучины четыре нам шкуры тюленьих,
Только что содранных: хитрость она на отца замышляла.
На берегу среди песков уже вырыла нам она яму
И в ожиданьи сидела, когда подошли мы к богине.

440 Каждого в яму она уложила и шкурой покрыла.
Стать ужасной для нас могла бы засада. Ужасно
Мучил нас гибельный запах питаемых морем тюленей.

С чудищем моря в соседстве легко ли лежать человеку!

Но принесла нам спасенье она и великую помощь:

445 Смазала каждому ноздри амвросией, пахнувшей сладко.

Запахом тем благовонным был смрад уничтожен чудовищ.

Стойко мы целое утро под шкурами там пролежали.

Стаями вышли из моря тюлени и друг возле друга

Все на песке улеглись близ прибоем шумевшего моря.

450 В полдень вышел старик из соленого моря; увидел

Жирных тюленей своих на песке, обошел, сосчитал их;

Первыми нас между чудищ своих сосчитал он; и мысли

Не было в духе его о засаде. Улегся и сам он.

Выскочив с криком из ям, мы кинулись к старцу, схватили

455 Крепко его. О коварном искусстве своем не забыл он.

Огненнооким сначала представился львом бородатым,

После того леопардом, драконом и вепрем огромным,

Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою.

Стойкие духом, бесстрашно его мы держать продолжали.

460 Это наскучило скоро в уловках искусному старцу.

Вдруг, с человеческим словом ко мне обратившись, спросил он:

- Кто из бессмертных тебя, Атреид, обучил из засады

Мной овладеть против воли моей? Чего тебе нужно? -

Так спросил он, и я, ему отвечая, промолвил:

465 - Знаешь ты, старец, и сам, - для чего отвлекаешь вопросом~

Как я на острове долго сижу и найти не умею

Выхода, как постепенно все более падаю духом.

Ты хоть скажи мне, о старец, - ведь все вам, бессмертным, известно,

Кто из богов меня тут задержал и закрыл мне дорогу

470 Для возвращенья домой по обильному рыбами морю? -

Так говорил я. Немедленно мне, отвечая, сказал он:

- Но ведь, всходя на корабль, обязательно должен был жертву

Зевсу и прочим богам ты принести, раз хотел поскорее

По винно-чермному морю вернуться в родимую землю.

475 Ибо тогда лишь судьба тебе - близких увидеть, приехать

В дом твой прекрасный обратно и в милую землю родную,

Если теперь же назад ты поедешь к теченьям Египта,

Зевсом вспоенной реки, и святые свершишь гекатомбы

Вечно живущим богам, владеющим небом широким;

480 И подадут тебе боги дорогу, какую желаешь. -

Так говорил он. Разбилось тогда мое милое сердце:

Он мне приказывал снова по мглисто-туманному морю

Ехать обратно в Египет тяжелой и длинной дорогой!

Но, несмотря и на это, ему отвечая, сказал я:

485 - Все это точно, о старец, исполню я, как мне велишь ты.

Но Расскажи еще вот что и будь откровенен со мною:

Все ль невредимо в судах воротились ахейцы, которых

Нестор и я за собою оставили, Троию покинув?

Или погиб кто-нибудь с кораблем своим гибелью горькой,

490 Или, проделав войну, на руках своих близких скончался?-

Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:

- Что ты об этом, Атрид, выпрашивать вздумал? Не надо б

Знать тебе лучше об этом. Не думаю я, чтобы долго

Смог ты остаться бесслезным, когда все подробно узнаешь.

495 Много из них уж погибло, но много и живо осталось.

Из предводителей меднодоспешных ахейцев лишь двое

При возвращеньи погибли; кто в битвах убит, ты ведь знаешь;

Третий же где-то живой задержался на море широком.

С длинновесельными вместе судами Аякс Оилеев

500 В море погиб. Посейдон о гирейские острые скалы

Раньше суда лишь разбил, самого ж его спас из пучины.

Смерти б он так и избег, хоть и был ненавистен Афине,

Если б в большом ослепленьи хвастливого слова не бросил,

Что, и богам вопреки, он спасся из гибельной бездны.

505 Дерзкую эту его похвальбу Посейдаон услышал.

Вспыхнувши гневом, трезубец в могучие руки схватил он

И по гирейской ударил скале, и скала раскололась.

Часть на месте осталась, обломок же в море свалился,

Тот, находясь на котором, Аякс погрешил так жестоко.

510 Вслед за собою увлек и его он в кипящее море.

Так он там и погиб, соленой воды наглотавшись.

Брат же твой Кер избежал, от них ускользнул в изогнутых

Черных своих кораблях. Спасла владычица Гера.

Все же в то время когда уж к высокому мысу Малей

515 Близок он был, подхватила его налетевшая буря

И понесла через рыбное море, стенавшего тяжко,

К крайним пределам страны, где Фиест обитал в своем доме

В прежнее время; теперь же Эгист Фиестид обитал там.

Но появился счастливый возврат для него и оттуда.

520 Ветер боги назад повернули, и прибыл домой он.

Вышел в восторге на землю родную Атрид Агамемнон,

К родине крепко припал, целовал ее. Жаркие слезы,

С радостью землю увидев, из глаз проливал он обильно.

С вышки, однако, тотчас его сторож заметил. Поставлен

525 Был он Эгистом коварным, который ему два таланта

Золотом дать обещал; сторожил он уж год, чтоб внезапно

Не появился Атрид и о буйной не вспомнил бы силе.

Быстро направился в дом к пастуху он народов с известьем.

Тотчас коварнейший план задумал Эгист. Среди народа

530 Выбрал надежнейших двадцать мужей, посадил их в засаду,

В доме с другой стороны обед приказал приготовить,

Сам же отправился звать Агамемнона, пастыря войска,

На колесницах с конями, замыслив недоброе дело.

Встретил его, подозрению чуждого, ввел его в дом свой

535 И, угостивши, зарезал, как режут быка возле яслей.

Ни одного из прибывших с Атридом в живых не осталось,

Но и Эгистовых также: все в мужеском зале погибли. -

Так он сказал. И разбилось тогда мое милое сердце.

Плакал я, сидя в песках. И совсем моему не хотелось

540 Сердцу ни жить, ни глядеть на сияние яркое солнца.

После того как уж всласть я наплакался, всласть навалялся,

Старец правдивый морской такое промолвил мне слово:

- Сын Атреев, не надо так долго и так неутешно

Плакать. Ведь плачем своим ничего мы не сможем достигнуть.

545 Лучше подумай о том, как скорее в отчизну вернуться.

Или еще ты застанешь Эгиста живым, иль Орестом

Он уже будет убит, и ты к погребению поспеешь. -

Так он ответил. И радость огромная вдруг охватила,

Как ни жестоко скорбел я, и дух мой отважный и сердце.

550 Громко я старцу морскому слова окрыленные молвил:

- Знаю теперь о двоих. Назови же мне третьего мужа,

Кто, еще будучи жив, задержан на море широком.

Или уж нет и его? Как ни горько, но слушать готов я. -

Так говорил я. И мне отвечая, тотчас же сказал он:

555 - Третий среди этих мужей - Лаэртос сын из Итаки.

Льющим обильные слезы его я на острове видел:

Там его нимфа Калипсо насильно в дому своем держит,

И воротиться никак он не может в родимую землю.

Нет ни товарищей там у него, ни судов многовеслых,

560 Чтоб он отправиться мог по хребту широчайшему моря.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:

В конепитательном Аргосе ты не подвергнешься смерти.

Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым

Крайним пределам земли, где живет Радамант русокудрий.

565 В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает.

Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.

Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира

Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.

Ибо супруг ты Елены и зятем приходишься Зевсу. -

570 Так сказав, погрузился в волнами шумевшее море.

Я ж и товарищей трое пошли к кораблям нашим быстрым.

Сильно во время дороги мое волновалось сердце.

После того как пришли к кораблям чернобоким и к морю,

Ужин сготовили мы. Бессмертная ночь наступила.

575 Спать мы тогда улеглись близ прибоем шумящего моря.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Прежде всего корабли мы спустили в священное море,
Мачты потом с парусами вовнутрь кораблей уложили,
Люди и сами взошли на суда и к уключинам сели

580 Следом один за другим и ударили веслами море.

Снова я стал с кораблями вблизи от течений Египта,
Зевсом вспоенной реки, и святые свершил гекатомбы.
После того же как гнев прекратил я богов вечно-сущих,
Холм я насыпал над братом, чтоб слава его не угасла.

585 Сделавши это, поплыл я. Послали мне ветер попутный

Вечные боги и скоро к отчизне доставили милой.
Вот что, однако, тебе, Телемах, предложить я хотел бы:
Дней на одиннадцать или двенадцать останься-ка с нами;
После тебя хорошо провожу, одаривши богато:

590 Трех подарю тебе быстрых коней с колесницей блестящей,

Дам тебе также и чашу прекрасную, чтобы бессмертным
Ты возлиянья творил, всегда обо мне вспоминая".

Сыну Атрея в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Очень прошу, Атреид, не удерживай здесь меня долго!

595 Если бы даже сидел я в течение года с тобою,

Ни о родителях я тосковать бы не стал, ни о доме.

Слушая жадно все речи твои и рассказы, ужасно

Я наслаждаюсь. Однако товарищи ждут с нетерпением

В Пилосе многосвященном меня. А ты меня держишь.

600 Что ж подарить ты мне хочешь, пусть будет лежачее нечто.

Не поведу лошадей я в Итаку; пускай остаются,

Пусть у тебя самого здесь красуются. Ты ведь владеешь

Очень широкой равниной, на ней там и донник, и кипер,

Полба, пшеница и белый ячмень ширококолосистый.

605 Мы ж ни широких дорог, ни лугов не имеем в Итаке.

Коз лишь кормя, мне милее она, чем коней бы кормила.

Все острова, что на море лежат, для коней не проезжи

И не богаты лугами. Итака же менее прочих .

Так он сказал. Менелай улыбнулся могучеголосый,

610 И Телемаха погладил рукой, и назвал, и промолвил:

"Крови хорошей ты, милый мой сын, если так говоришь ты.

Что же, подарок тебе обменяю. Могу я и это!

Дам я подарок, который "лежачим" лежит в моем доме, -

Самый прекрасный меж всеми подарками, самый почетный.

615 Дам я в подарок тебе кратер превосходной работы;

Из серебра он отлит, а края у него золотые.

Сделан Гефестом. Его подарил мне Федим благородный,

Царь сидонцев, когда его дом, при моем возвращеньи,

Всех нас радушно покрыв. Кратер тот тебе подарю я".

620 Так меж собой разговоры вели Менелай с Телемахом.

Гости сходились в дом, где божественный царь ожидал их;

Гнали овец и несли приносящие мужество вина;

Жены же их в покрывалах блистающих хлеб посылали.

Так об обеде они хлопотали в Атридовом доме.

625 А женихи в это время на острове дальнем Итаке

Пред Одиссеевым домом обычной игрой забавлялись -

Диски и копья метали на плотно убитой площадке.

Но Антиной с Евримахом, похожим на бога, сидели -

Всех женихов вожаки и первые знатностью рода.

630 Близко Фрониев сын Ноемон подошел к ним обоим

И Антиною сказал, с таким обратившись вопросом:

"Знаешь ли ты, Антиной, в уме своем или не знаешь,

Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?

Взял у меня он корабль, а теперь самому он мне нужен,

635 Чтобы поехать в Элиду просторную. Есть там двенадцать

Крепких кобыл у меня, и при них жеребята их, мулы,

Дикие все. Я хотел бы поймать одного, чтоб объездить".

Так он сказал. Изумились они. И на мысль не могло им

Это прийти, чтоб он в Пилос уехал. Они полагали, -

640 Он где-нибудь на полях возле стад иль пошел к свинопасу.

И Ноемону сказал Антиной, Евпейтом рожденный:

"Правду скажи мне: когда он уехал? Какие поплыли

Юноши с ним? На Итаке ль набрал их? Наемных рабочих

Взял ли своих? Иль рабов? Ведь смог бы и это он сделать!

645 Также и это скажи мне правдиво, чтоб знал хорошо я:

Силой ли взял, против воли твоей, он корабль чернобокий

Иль добровольно ты дал, лишь усердно тебя попросил он?"

Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:

"Сам добровольно я дал. А как и другой поступил бы,

650 Если б такой человек, с переполненным горестью сердцем,

С просьбой подобной пришел? Отказать ему было бы трудно!

Юноши отплыли с ним, после нас в итакийском народе

Самые первые. Их предводителем был, я заметил,

Ментор иль, может быть, бог, во всем ему видом подобный.

655 Вот я чему удивляюсь: божественный Ментор вчера мне

Утром встретился здесь, хоть и сел на корабль с остальными".

Так им ответив, направил шаги он к отцовскому дому.

Сильно у тех у двоих взволновалось отважное сердце;

Всех женихов посадили они, прекратив состязанья,

660 И Антиной, сын Евпейта, с такой обратился к ним речью,

Гневом пылая. В груди его мрачное сердце ужасной

Злостью наполнилось; пламенем ярким глаза засверкали:

"Дело выходит плохое! Грозит нам бедою немалой

Дерзкая эта поездка его! И могли ль ожидать мы!

665 Нас никого не спросясь, самовольно мальчишка уходит

И снаряжает корабль, товарищей выбрав в народе!

Станет и в будущем нам он бедой. Пусть уж лучше погубит

Зевс его силу, покамест еще не совсем возмужал он.

Дайте же быстрый корабль мне и двадцать товарищей в помощь,

670 Чтобы, когда возвращаться он будет, устроить засаду

И подстеречь его между Итакой и Замом, в проливе.

Эти исканья отца не добром ему кончить придется!"

Так он сказал. Изъявили свое одобренье другие,

Тотчас затем поднялись и направились в дом Одиссея.

675 Но оставалась недолго в неведеньи Пенелопея,

Что против сына ее женихи замышляют коварно.

Вестник сказал ей Медонт: за оградой двора он подслушал

Их совещанье, - они ж на дворе свои замыслы ткали.

Быстро пошел он чрез дом, чтобы все сообщить Пенелопе.

680 Только сошел он с порога, сказала ему Пенелопа:

"От женихов благородных с каким ты пришел порученьем?

Чтобы служанкам сказать Одиссея, подобного богу,

Бросить дела и идти поскорее обед им готовить?

Лучше б не сватались, лучше сюда не собирались бы больше,

685 В самый последний уж раз бы у нас пообедали нынче!

Как вы собираетесь часто, как губите наше добро здесь, -

Все достояние сына! Ужели, как были детьми вы,

Вам не случалось ни разу от ваших родителей слышать,

Как относился всегда к ним мой муж, Одиссей богоравный?

690 Не обижал никого никогда он ни словом, ни делом,

Как для божественных это царей совершенно обычно:

Возненавидят того из людей, а другого возлюбят.

Он же во всю свою жизнь никого из людей не обидел.

Ясно пред всеми ваш дух, недостойные ваши поступки

695 Вы проявили, в вас нет благодарности к прошлым заслугам!"

Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:

"Если б лишь это, царица, бедой величайшею было!

Дело другое они замышляют, гораздо ужасней,

Больше гораздо! Не дай им Кронион то дело исполнить!

700 Острою медью убить замышляют они Телемаха

При возвращеньи домой. В песчанистый Пилос и в светлый

Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать".

Так он сказал. Ослабели у той и колени и сердце.

Долго ни слова сказать не могла, оборвался цветущий

705 Голос ее, и мгновенно глаза налились слезами.

Долго молчала она, пока собралась ответить:

"Вестник, куда же уехал мой сын? Для чего ему было

Плыть куда-то на быстрых судах, что морскими конями

Взрослым служат мужам, пробегая по влаге великой?

710 Не для того ли, чтоб имя само его в людях исчезло?"

Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:

"Мне неизвестно, внушил ли какой-либо бог ему это,
Или же собственный дух побудил его в Пилос поехать,
Чтоб разузнать об отце, возвратится ли он иль погиб уж".

715 Так сказав, удалился Медонт через дом Одиссея.

Сердце губящая скорбь охватила ее; не хотелось

Ей на стуле сидеть, хоть и было их в доме немало.

Села она на порог своей прочно построенной спальни,

Горько печалась. Кругом заливались слезами рабыни,

720 Сколько их ни было в доме, и старые и молодые.

Громко рыдая, сказала рабыням своим Пенелопа:

"Слушайте, милые! Мне лишь из всех, кто возрос и родился

Одновременно со мной, дал скорби такие Кронион!

Раньше погиб у меня благородный супруг львинодушный,

725 Множеством доблестных свойств выдававшийся между данайцев,

Славой которого полны Эллада и Аргос пространный.

Нынче ж возлюбленный сын мой - куда, неизвестно - из дома

Бурями прочь унесен. Не слыхала я, как и собрался!

Подлые! Ясно ведь все понимали вы, - как же из вас-то

730 Не догадалась хотя бы одна разбудить меня тотчас,

Как он на пристань к судну чернобокому из дому вышел!

Если б тогда я узнала, что путь он такой замышляет,

Как бы он в путь ни рвался, но все же бы дома остался

Или меня бы оставил умершею в этом жилище!

735 Но поскорее ко мне старика позовите Долия,

Данного в слуги отцом мне, когда я сюда отправлялась,

Здесь же за садом моим многодревным смотрящего.

Пусть он Тотчас к Лаэрту бежит и, подсевши, ему все расскажет.

Может быть, в сердце своем он какое придумает средство

740 С жалобой выйти к народу, который губить позволяет

Род и Лаэрта и сына Лаэрта, подобного богу.

Добрая ей Евриклея кормилица так отвечала:

"Милая дочка! Убить меня можешь безжалостной медью

Или же целой оставить, но правды скрывать я не буду.

745 Было известно мне все. Принесла я, что мне приказал он, -

Хлеба, вина на дорогу. С меня же великую клятву

Взял он молчать, покамест двенадцатый день не наступит

Или пока ты не спросишь, пока от других не услышишь.

Он опасался, что плачем своей красоте повредишь ты.

750 Вот что: омывшись и чистой одеждою тело облекши,

Вместе с служанками в верхний покой поднимись и молитву

Там сотвори пред Афиной, рожденною Зевсом владыкой.

Сына тебе и от смерти самой сохранить она сможет.

Но старика не печаль ты печального. Вовсе не так уж,

755 Думаю я, ненавистны блаженным бессмертным потомки

Аркезиада. Из них кто-нибудь еще будет владельцем

Дома с высокою кровлей и тучных полей отдаленных".

Так ей сказав, успокоила скорбь и в глазах ей сдержала

Слезы. Омывшись и чистой одеждою тело облекши,

760 Вместе с служанками в верхний покой поднялась Пенелопа

И, ячменю положивши в корзинку, взмолилась к Афине:

"Неодолимая дочь Эгиоха Зевеса, внемли мне!

Если когда-либо в доме своем Одиссей многоумный

Тучные бедра коров иль овец сожигал пред тобою,

765 Вспомни об этом теперь, и милого сына спаси мне,

И отклони от него женихов злоумышленных козни!"

Кончивши, клик издала. И богиня услышала просьбу.

А женихи в это время шумели в тенистом чертоге.

Так не один говорил из юношей этих надменных:

770 "Свадьбу нам, верно, готовит желанная многим царица!

Мысли же нет у нее, что готовится смерть ее сыну!"

Так не один говорил - и не знал, что готовится вскоре

Им же самим. Обратился ко всем Антиной и воскликнул:

"Что вы, с ума посходили? Заносчивой всяческой речи

775 Остерегайтесь, чтоб кто вон туда, вовнутрь, не донес бы!

Встанемте в полном молчаньи, отправимся в путь и исполним

Дело, которое по сердцу всем вам сегодня пришлось".

Так сказал он и двадцать надежнейших спутников выбрал,
С ними пошел к кораблю и к песчаному берегу моря.

780 Сдвинули прежде всего в глубину они моря корабль свой,

Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,
К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,
Как полагается все, и потом паруса распустили.

Смелые слуги оружие им принесли. Укрепили

785 В месте глубоком они свой корабль и сошли с него наземь;

Там они ужинать сели и позднего вечера ждали.

Тою порой Пенелопа разумная в верхнем покое

Грустно без пищи лежала, еды и питья не вкушая,

Думая все об одном: избегнет ли сын ее смерти

790 Или от рук женихов злоумышленных примет погибель?

Так же, как лев уstraшенный волнуется, видя, что быстро

Толпы охотников круг перед ним замыкают коварный,

Так и она волновалась. Но сон низошел к ней, и, сладко

К ложу склонясь, задремала она. И печали исчезли.

795 Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине.

Призрак она создала, похожий на женщину видом,

Старца Икария дочь, сестру Пенелопы Ифтиму,

Взятую замуж Евмелом, имеющим жительство в Ферах.

В дом Одиссея послала тот призрак Паллада Афина,

800 Чтоб у повергнутой в скорбь, исходящей в слезах Пенелопы
Горькое он прекратил гореванье и плач многослезный.

В спальню призрак вошел, скользнув вдоль ремня от затвора,
Стал над ее головой и такое промолвил ей слово:

"Спишь, Пенелопа, печалью себе истерзавшая сердце?"

805 Легкоживущие боги тебе запрещают, царица,

Плакать и мучиться горем. Вернется домой невредимым

Сын твой; ни в чем пред богами бессмертными он не виновен".

Ей, отвечая, разумная так Пенелопа сказала,

В сладостной лежа дремоте в воротах ночных сновидений:

810 "Что это значит, сестра, что сюда ты пришла? Не бывало

Этого раньше. От нас ведь живешь ты не очень-то близко.

Как же ты хочешь, чтоб я прекратила печаль и рыдания,

Жгущие сердце и дух мне с такой нестерпимую силой?

Раньше погиб у меня благородный супруг львинодушный,

815 Множеством доблестных свойств выдававшийся между данайцев,

Славой которого полны Эллада и Аргос просторный.

Нынче ж в судне изогнутом уехал возлюбленный сын мой,

Юный, еще ни к трудам, ни к беседам совсем не привыкший.

Больше теперь я о нем сокрушаюсь, чем даже о муже,

820 Сердцем боюсь и дрожу, чтоб какой с ним беды не случилось

На море или у тех, в чьей стране ему быть доведется,

Ибо немало врагов на него замышляет худое,
Смерти стремясь предать до его возвращенья в отчизну".

Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:

825 "Будь смелее, сестра, и сердцем чрезмерно не бойся!

Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий

Муж пожелал, чтоб стояла при нем, ибо все она может, -

Дева Афина. Тебе она в горе твоём сострадает.

Все тебе это сказать она-то меня и послала".

830 Снова тогда Пенелопа разумная ей отвечала:

"Если ты вправду богиня и слышала голос богини,

То умоляю, открой и его мне печальную участь.

Жив ли еще Одиссей, сияние видит ли солнца

Или его уж не стало и в область Аида сошел он?"

835 Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:

"Точно тебе ничего не скажу о судьбе Одиссея,

Жив ли еще он или умер. На ветер болтать не годится".

Так он сказал и исчез, скользнув вдоль двери засова

Легким дыханием ветра. И тотчас от сна пробудилась

840 Дочь Икария. Радость объяла ей милое сердце, -

Так сновидение ясно пред ней пронеслось среди ночи.

Сев на корабль, женихи дорогою влажною плыли,

В замыслах близкую смерть Одиссееву сыну готовя.

На море остров утесистый есть. Меж Итакой лежит он

845 И между Замом скалистым. Названье ему Астерида.

Он невелик. Для судов две пристани есть там спокойных
С разных сторон. На нем-то в засаде остались ахейцы.

Гомер. Одиссея. Песнь пятая.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ.

Рядом с прекрасным Тифоном в постели проснулася Эос
И поднялася, чтобы свет принести и бессмертным и смертным.
На совещание боги сошлись. Восседал между ними
Зевс высокогремящий, могуществом самый великий.

5 Им рассказала Афина про все Одиссеевы беды:

Сильно ее он тревожил своим пребываньем у нимфы.

"Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!

Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый

Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

10 Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,

Если никто Одиссея не помнит в народе, которым

Он управлял и с которым был добр, как отец с сыновьями.

Много страданий терпя, на острове дальнем, в жилище

Нимфы Калипсо живет он. Она его держит насильно,

15 И невозможно ему в дорогую отчизну вернуться.

Нет у него многовеслых судов и товарищей верных,

Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.

Нынче же милого сына его умертвить замышляют

При возвращеньи домой. В песчанистый Пилос и в светлый

20 Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать".

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:

"Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели,

Милая дочь! Не сама ль ты в рассудке своем порешила,

Как им всем Одиссей отомстит, воротившись в отчизну.

25 И проводи половчей Телемаха, - ты это ведь можешь, -

Чтобы вполне невредимым он прибыл в отцовскую землю,

А женихи бы вернулись назад, ничего не достигнув".

Так сказав, обратился он к милому сыну Гермесу:

"Ты и всегда ведь, Гермес, посланником служишь, так вот

что:

30 Нимфе скажи пышнокозой про твердое наше решенье,

Чтоб возвращен был домой Одиссей боестойкий, - однако

Чтобы никто из богов иль людей ему спутником не был.

Морем, на крепком плоту, перенесши немало страданий,

В день двадцатый до Схерии он доплывет плодородной,

35 Где обитают феаки, родные бессмертным; и будет

Ими оказана почесть ему, как бессмертному богу.

На корабле отошлют его в милую землю родную,

Меди и золота дав ему кучи и кучи одежды,

Сколько б он век не привез из-под Трои, свою получивши

40 Долю добычи, когда бы домой невредимым вернулся.

Да! Суждено ему близких увидеть и снова вернуться

В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную".

Так он сказал, и вожатый послушался Аргоубийца.

Тотчас к быстрым ногам привязал золотые подошвы

45 Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра

И над землей беспредельной носившие и над водою.

Жезл захватил он, которым глаза усыпляет у смертных,

Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.

Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся

50 И, миновав Пиерию, с эфира низринулся к морю.

Низко потом над волнами понесся крылатою чайкой,

Жадно хватающей рыб в провалах ревущего моря,

Смело во влаге соленой мочащей крепкие крылья.

Чайке подобный, понесся над сильно волнистым он морем.

55 После того как на остров далеко лежащий он прибыл,

Вышел на сушу Гермес с фиалково-темного моря.

Шел он, пока не достиг просторной пещеры, в которой

Пышноволосая нимфа жила. Ее там застал он.

На очаге ее пламя большое пылало, и запах

60 От легкоколкого кедра и благовоний горящих

Остров охватывал весь. С золотым челноком обходила
Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным.
Густо разросшийся лес окружал отовсюду пещеру,
Тополем черным темнея, ольхой, кипарисом душистым.

65 Между зеленых ветвей длиннокрылые птицы гнездились -

Копчики, совы, морские вороны с разинутым клювом.
Пищу они добывают себе на морском побережье.
Возле пещеры самой виноградные многие лозы
Пышно росли, и на ветках тяжелые гроздья висели.

70 Светлую воду четыре источника рядом струили

Близко один от другого, туда и сюда разбегаясь.
Всюду на мягких лужайках цвели сельдерей и фиалки.
Если б на острове этом и бог появился бессмертный,
Он изумился бы, глядя, и был бы восторгом охвачен.

75 Стал в изумленьи на месте и Аргоубийца-вожатый.

После того как на все с изумленьем Гермес нагляделся,
В грот он пространный вошел. И как только на гостя взглянула
Нимфа, свет меж богинь, его она тотчас узнала:

Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,

80 Даже когда б и великое их разделяло пространство.

Но не застал он внутри Одиссея, отважного духом.
Он на скалистом обрыве сидел, как обычно, и плакал,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.

В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.

85 В ярко блестящее кресло меж тем усадила Гермеса

Нимфа, свет меж богинь, и к нему обратилась с вопросом:

"Что это? Входит сюда Гермес златожезленный, в дом мой,

Чтимый всегда, дорогой! Ты не часто меня навещаешь!

Что тебе нужно, скажи: исполнить велит мое сердце,

90 Если исполнить могу и если исполнить возможно.

Милости просим, войди, чтоб могла тебя угостить я".

Так сказавши, поставила стол перед гостем богиня,

Полный амвросии; нектар ему замешала багряный.

Пил тут и ел, усевшись за стол, убийца Аргоса.

95 После того как поел и дух укрепил себе пищей,

С речью ответной такую к богине Гермес обратился:

"Бога, богиня, меня о приходе моем вопрошаешь.

Все я правдиво тебе сообщу: ведь сама мне велишь ты.

Зевс приказал мне явиться сюда, хоть сам не желал я.

100 Кто ж добровольно помчится по этакой шири бескрайной

Моря соленого, где не увидишь жилищ человека,

Жертвами чтящего нас, приносящего нам гекатомбы!

Но невозможно веленье эгидодержавного Зевса

Богу другому нарушить иль им пренебречь дерзновенно.

105 Он говорит, что находится здесь злополучнейший самый

Муж из героев, что девять годов осаждали упорно
Трою, в десятый же, город разрушив, отплыли в отчизну,
При возвращеньи, однако, они раздражили Афины;
Ветер зловредный и волны большие она им послала.

110 Все его спутники в море погибли, его самого же

К этому острову ветер принес и волны пригнали.

Этого мужа велит он тебе отослать поскорее,

Ибо ему не судьба в отдаленьи от близких погибнуть,

Но суждено ему близких увидеть и снова вернуться

115 В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную".

Так он ответил. Калипсо, богиня богинь, ужаснулась

И со словами к нему окрыленными так обратилась:

"Как вы жестоки, о боги, как завистью всех превзошли вы!

Вы допускать не хотите, чтоб ложем законным богини

120 Соединялись с мужами, чтоб женами им они были.

Так розоперстая Эос себе избрала Ориона.

Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,

Гнали, пока златотронной и чистою он Артемидой

Нежной стрелою внезапно в Ортигии не был застрелен.

125 Так с Язионом Деметра на трижды распаханной нови

Соединилась любовью и ложем, послушавшись сердца.

Очень недолго об этом в неведеньи Зевс оставался.

Молнией он Язиона убил ослепительно белой.

Так же и мне не даете вы, боги, остаться со смертным.

130 Я его в море спасла, когда одиноко сидел он

На опрокинутом киле. Корабль его молнией белой

Надвое Зевс расколол посреди винно-чермного моря.

Все остальные его товарищи в море погибли,

А самого его ветер и волны сюда вот пригнали.

135 Я любила его и кормила, надеялась твердо

Сделать бессмертным его и бесстаростным в вечные веки.

Так как, однако, нельзя повеленье великого Зевса

Богу другому нарушить иль им пренебречь, то пускай же,

Раз того требует этот, - пускай в беспокойное море

140 Едет. Но спутников дать ему никаких не могу я:

Нет у меня многовеслых судов и товарищей верных,

Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.

Что ж до советов, охотно я дам их ему и не скрою,

Как ему невредимым вернуться в отцовскую землю".

145 Аргоубийца-вожатый на это богине ответил:

"Значит, его отпусти! Трепещи перед Зевсовым гневом.

Иначе тяжело тебе почувствовать гнев тот придется".

Аргоубийца могучий, сказав это ей, удалился.

Нимфа-владычица, только Зевесов приказ услышала,

150 Тотчас направила шаг к Одиссею, отважному духом.

Он на обрыве над морем сидел, и из глаз непрерывно

Слезы лилися. В печали по родине капля за каплей

Сладкая жизнь уходила. Уж нимфа не нравилась больше.

Ночи, однако, в постели он с ней проводил поневоле

155 В гроте глубоком ее, - нежелавший с желавшею страстно.

Все же дни напролет на скалах и у моря сидел он,

Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.

В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.

Близко свет меж богинь к нему подошла и сказала:

160 "Будет, злосчастный, тебе у меня горевать неутешно!

Не сокращай себе жизни. Охотно тебя отпускаю.

Вот что ты сделаешь: бревен больших нарубивши, в широкий

Плот их сколотишь, помост на плоту там устроишь высокий,

Чтобы нести тебя мог через мглисто-туманное море.

165 Я ж тебя хлебом, водою и красным вином на дорогу

Щедро снабжу, чтобы голод они от тебя отвращали.

В платье одену тебя и пошлю тебе ветер попутный,

Чтобы вполне невредимым ты прибыл в отцовскую землю,

Если того пожелают царящие в небе широком

170 Боги, которые выше меня и в решеньи и в деле".

Так говорила. И в ужас пришел Одиссей многостойкий.

Голос повывисив, он к ней обратился со словом крылатым:

"В мыслях твоих не отъезд мой, а что-то другое, богиня!

Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну

175 Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный,

Радуюсь Зевсову ветру, ее нелегко проплывает?

Раз ты сама не желаешь, на плот ни за что не взойду я,

Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,

Что никакого другого несчастья мне не замыслишь".

180 Так он сказал. И в ответ улыбнулась пресветлая нимфа,

Глядя рукою, его назвала и так говорила:

"Ну, и хитер же ты, милый, и тонко дела понимаешь,

Раз обратиться ко мне с такою надумался речью!

Пусть мне свидетели будут земля и широкое небо,

185 Стиксовы воды, подземно текущие, - клятва, ужасней

И нерушимей которой не знают блаженные боги, -

Что никакого другого несчастья тебе не замыслю,

Что о тебе непрерывно заботиться буду и думать,

Как о самой бы себе, если б это со мной приключилось.

190 Не лишено и мое справедливости сердце, и, право,

Дух в груди у меня не железный и ведает жалость".

Кончив, свет меж богинь пошла впереди Одиссея,

Быстро шагая, за нею же следом и он устремился.

В грот они оба глубокий вошли - богиня и смертный.

195 Он уселся на кресло, какое недавно оставил

Аргоубийца-вожатый, а нимфа пред ним разложила

Всякую пищу, какую питаются смертные люди.

Села сама пред равным богам Одиссеем, и нимфе

Подали в пищу служанки амвросию с нектаром сладким.

200 Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как питьем и едою вполне насладились,

Нимфа, свет меж богинь, начала говорить Одиссею:

"Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Значит, теперь же, сейчас, ты желаешь домой воротиться

205 В землю родную... Ну, что ж! Пусть боги пошлют тебе радость!

Если бы сердцем, однако, ты ведал, какие напасти

До возвращенья домой перенести суждено тебе роком,

Здесь бы вместе со мною ты в этом жилище остался,

Стал бы бессмертным! Но рвешься ты духом в родимую землю,

210 Чтобы супругу увидеть, по ней ты все время тоскуешь.

Право, могу похвалиться, - нисколько ни видом, ни ростом

Не уступлю я супруге твоей. Да и можно ль с богиней

Меряться женщине смертной земною своей красотой?"

Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:

215 "Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю

Сам хорошо я, насколько жалка по сравненью с тобою

Ростом и видом своим разумная Пенелопея.

Смертна она - ни смерти, ни старости ты не подвластна.

Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно

220 Снова вернуться домой и день возвращенья увидеть.

Если же кто из бессмертных меня сокрушит в винно-чермном

Море, я вытерплю то отверделою в бедствиях грудью.

Много пришлось мне страдать, и много трудов перенес я

В море и в битвах. Пускай же случится со мною и это!"

225 Так говорил он. А солнце зашло, и сумрак спустился.

Оба в пещеру вошли, в уголок удалились укромный

И насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Тотчас плащ и хитон надел Одиссей богоравный,

230 Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,

Тонкое, мягкое, - пояс прекрасный на бедра надела

Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.

После того занялась отправкою в путь Одиссея.

Медный вручила топор, большой, по руке его точно

235 Сделанный, острый с обеих сторон, насаженный плотно

На топорище из гладкой оливы, прекрасное видом;

Также топор для тесанья дала и потом Одиссея

В дальнее место свела, где были большие деревья -

Черные тополи, ольхи, до неба высокие сосны -

240 Давний все сухостой, чтобы легки для плавания были.

Место ему указавши, где были большие деревья,

Нимфа Калипсо, свет меж богинями, в дом воротилась.

Начал рубить он деревья. И быстро свершалось дело.

Двадцать стволов он свалил, очистил их острою медью,

245 Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.

Нимфа Калипсо меж тем бурав принесла Одиссею.

Бревна он все просверлил и приладил одно ко другому,

Брусьями бревна скрепил и клинья забил между ними.

Точно такого размера, какого обычно готовит

250 Дно корабля грузового кораблестроитель искусный, -

Сделал такой ширины свой плот Одиссей многоумный.

После того над плотом помост он устроил, уставив

Часто подпорки и длинные доски на них постеливши.

Мачту в середине поставил, искусно к ней рею привесил,

255 Чтобы плотом управлять, и руль к нему крепкий приладил.

Сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев,

Чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал.

Нимфа, свет меж богинь, холста принесла, чтобы сделать

Парус на плот. Одиссей изготовил прекрасно и это.

260 К парусу брасы потом подвязал, и фалы, и шкоты,

Плот потом рычагами спустил на священное море.

День четвертый пришел, и кончено было с работой.

В пятый день Одиссея отправила нимфа в дорогу,

Платьем одевши его благовонным и вымывши в ванне.

265 Мех один ему с черным вином на плот положила,

Больших размеров другой - с водою, в мешке же из кожи -

Хлеба, а также в большом изобилии различных припасов.

Ветер попутный послала ему, не вредящий и мягкий.

С радостным духом он ветру свой парус подставил и поплыл.

270 Сидя на крепком плоту, искусной рукою все время

Правил рулем он, и сон на веки ему не спускался.

Зорко Плеяд наблюдал он и поздний заход Волопаса,

Также Медведицу - ту, что еще называют Повозкой.

Ходит по небу она, и украдкой следит Ориона,

275 И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.

С нею Калипсо, свет меж богинь, Одиссею велела

Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.

Целых семнадцать уж дней он по морю путь совершал свой.

На восемнадцатый день показались тенистые горы

280 Края феаков, совсем невдали от пловца. Походили

В море мглисто-туманном на щит боевой эти горы.

От эфиопов меж тем возвращался Земли Колебатель.

Издалека уж, с Солимских он гор приметил, как море

Переплывал Одиссей. Сильней он разгневался сердцем

285 И, покачав головой, обратился с такой к себе речью:

"Что это значит? Ужели решили насчет Одиссея

Боги иначе, как только в страну эфиопов я отбыл?

Он уже близок к земле феакийской, где должен избежать

Крепкой петли тех несчастий, которые терпит все время.

290 Но еще досыта горя надеюсь ему я доставить".

Быстро он тучи собрал и море до дна взбудоражил,

В руки трезубец схватив. И разом воздвигнул порывы

Самых различных ветров и тучами землю и море

Густо окутал. Глубокая ночь ниспустилася с неба,

295 Евр столкнулись и Нот, огромные волны вздымая,

И проясняющий небо Борей, и Зефир быстрейный.

У Одиссея расслабили колени и милое сердце,

В сильном волнении сказал своему он отважному духу:

"Горе, несчастному мне! О, чем же все кончится это?

300 Страшно боюсь я, что всю сообщила мне правду богиня,

Мне предсказавши, что множество бед претерплю я на море,

Прежде чем дома достигну. И все исполняется нынче.

Сколькими тучами вдруг обложил беспредельное небо

Зевс! Возмутил он все море, сшибаются яро друг с другом

305 Вихри ветров всевозможных. Моя неизбежна гибель!

Трижды блаженны данайцы - четырежды! - те, что в просторном

Крае троянском нашли себе смерть, угождая Атридам!

Лучше бы мне умереть и судьбу неизбежную встретить

Было в тот день, как в меня неисчетные толпы троянцев

310 Сыпали медные копья над трупом Пелеева сына!

С честью б я был погребен, и была б от ахейцев мне слава.

Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне погибнуть".

Так говорил он. Внезапно волна исполинская сверху

С страшным обрушилась шумом на плот и его закрутила.

315 Сам он далеко упал от плота, из руки ослабевшей

Выпустив руль. Пополам разломилась на самой середине

Мачта от страшного вихря различных сшибавшихся ветров.

В море далеко снесло и помост и разорванный парус.

Сам Одиссей под водой очутился. Мешал ему сильно

320 Вынырнуть тотчас напор вздымавшихся волн исполинских.

Сильно одежда мешала, ему подаренная нимфой.

Вынырнул он наконец из пучины, плюясь непрерывно

Горько-соленой водою, с его головы нистекавшей.

Как ему ни было трудно, но все ж о плоте не забыл он.

325 Вплавь через волны за ним погнался, за него ухватился

И в середине уселся плота, убегая от смерти.

Плот волна и туда и сюда по течению носила.

Так же, как северный ветер осенний гоняет равниной

Стебли колючие трав, сцепившихся крепко друг с другом, - -

330 Так же и плот его ветры по бурному морю гоняли.

То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,

То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.

Кадмова дочь Левкотея, прекраснородыжная Ино,

Тут увидала его. Сначала была она смертной,

335 Нынче же в безднах морских удостоилась божеской чести.

Стало ей жаль Одиссея, как, мучась, средь волн он носился.

Схожая летом с нырком, с поверхности моря вспорхнула,

Села на плот к Одиссею и слово такое сказала:

"Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно

340 Зол на тебя, что так много несчастий тебе посылает?

Но совершенно тебя не погубит он, как ни желал бы.

Вот как теперь поступи - мне не кажешься ты неразумным.

Скинувши эту одежду, свой плот предоставь произволу

Ветров и, бросившись в волны, работая крепко руками,

345 Вплавь доберися до края феаков, где будет спасенье.

На! Расстели на груди покрывало нетленное это.

Можешь с ним не бояться страданье принять иль погибнуть.

Только, однако, руками за твердую схватишься землю,

Тотчасними покрывало и брось в винно-чермное море,

350 Сколько возможно далеко, а сам отвернися при этом".

Так сказавши, ему отдала покрывало богиня

И погрузилась обратно в волнами кипевшее море,

Схожая видом с нырком. И волна ее черная скрыла.

Начал тогда размышлять про себя Одиссей многостойкий.

355 Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:

"Горе мне! Очень боюсь я, не ткет ли мне новую хитрость

Кто из бессмертных богов, мне советуя плот мой оставить.

Нет, не послушаюсь я! Еще далеко, я заметил,

Берег земли, где, сказала она, мне прибежище будет.

360 Дай-ка, я так поступлю, - и будет всего это лучше:

Время, пока еще крепко в плоту моем держатся бревна,

Буду на нем оставаться и все выносить терпеливо.

После того же как волны свирепые плот мой разрушат,

Вплавь я пушусь: ничего уж тогда не придумаешь лучше!"

365 Но между тем как и сердцем и духом об этом он думал,

Поднял большую волну Посейдаон, земли колебатель,

Страшную, с верхом нависшим, и в плот Одиссея ударил.

Так же, как вихрь, налетевший на кучу сухую соломы,

В разные стороны мигом разносит по воздуху стебли,

370 Так весь плот раскидала волна. За бревно уцепившись,

Как на коня скакового, верхом на него он уселся.

Скинул одежду с себя, что ему подарила Калипсо,

Грудь себе быстро одел покрывалом богини и, руки

Вытянув, вниз головой в бушевавшее кинулся море,

375 Плыть собираясь. Увидел его Земледержец-владыка,

И головою повел, и сказал про себя, усмехаясь:

"Плавай теперь, настрадавшись, по бурному морю, покуда

К людям, питомцам Зевеса, в конце ты концов не прибудешь.

Тем, что случилось, и так не останешься ты недоволен!"

380 Так он сказал и, хлестнувши бичом лошадей длинногривых,

В Эги вернулся к себе, где дворец у него знаменитый.

Новая мысль тут пришла Афине, рожденной Зевесом.

Загородила богиня дороги ветрам бушевавшим,

Всем приказала им дуть перестать и спокойно улечься,

385 Только Борейя воздвигла. И спереди срезала волны,

Чтоб наконец Одиссей, от богов происшедший, достигнул

Веслолюбивых феаков, и Кер избежавши и смерти.

Долго, два дня и две ночи, по сильной волне он носился,

Сердцем смущенным не раз пред собою уж видя погибель.

390 Третий день привела за собой пышнокосяя Эос.

Ветер тогда прекратился, и море безветренной гладью

Пред Одиссеем простерлось. Высоко взнесенный волною,

Зорко вперед заглянул он и землю вблизи вдруг увидел.

С радостью точно такую, с какою относятся дети

395 К выздоровленью отца, который в тяжелой болезни,

Богом враждебным сраженный, лежал и чах все сильнее,
После же боги, на радость им всем, исцеляют больного, -
Радость такую же вызвали лес и земля в Одиссее.

Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.

400 Столько, однако, проплывши, за сколько кричащего мужа

Можно услышать, он шум услышал у прибрежных утесов.

Волны прибоя кипели, свирепо на берег высокий

С моря бросаясь, и весь был он облит соленою пеной.

Не было заводи там - защиты судов - иль залива,

405 Всюду лишь кручи виднелись, суровые скалы и рифы.

У Одиссея ослабли колени и милое сердце.

В сильном волнении сказал своему он отважному духу:

"Горе великое! Дал мне увидеть нежданную землю

Зевс, переплыл невредимо я эту пучину морскую,

410 Но никакого мне выхода нет из моря седого.

Острые скалы повсюду. Бушуют вокруг, расшибаясь,

Волны, и гладкой стеной возвышается берег высокий.

Море у берега очень глубоко; никак невозможно

Дна в нем ногами достать и гибели грозной избежать.

415 Если пристать попытаюсь, то волны, меня подхвативши,

Бросят на твердый утес, и окажется тщетной попытка.

Если ж вдоль берега я поплыву и найти попытаюсь

Где-нибудь тихую заводь морскую иль берег отлогий, -

Сильно боюсь я, чтоб буря, внезапно меня подхвативши,

420 Не унесла в многорыбное море, стнящего тяжко,

Иль чтоб не выслало мне божество одного из огромных

Чудищ из моря, питаемых в нем Амфитритою славной.

Знаю ведь я, как сердит на меня Посейдон-земледержец".

Но между тем как рассудком и духом он так колебался,

425 Вдруг понесен был огромной волной он на берег скалистый.

Кожу бы всю там содрал он и кости себе раздробил бы,

Если бы вот чего в сердце ему не вложила Афина:

Прыгнув, руками обеими он за скалу ухватился.

Там он со стоном висел, покамест волна не промчалась.

430 Так он ее избежал. Но вдруг, отразившись обратно,

Снова его она сшибла, далеко отбросивши в море.

Если полипа морского из домика силою вырвать,

Видно на щупальцах много приставших к ним камней мельчайших;

Так же и к твердому камню утеса пристала вся кожа

435 С рук Одиссея. Его же волна с головою покрыла.

Тут бы, судьбе вопреки, и погиб Одиссей несчастливый,

Если б присутствия духа в него не вложила Афина.

Вынырнув вбок из ревущей волны, набегавшей на скалы,

Поплыл вдоль берега он и на землю глядел, не найдется ль

440 Где-нибудь тихая заводь морская иль берег отлогий.

Вдруг, пlying, добрался он до устья реки светлоструйной.

Самым удобным то место ему показалось: свободно

Было оно и от скал и давало защиту от ветра.

Сразу узнал он впадение потока и духом взмолился:

445 "Кто бы ты ни был, владыка, внемли мне! Молюсь тебе жарко,

От Посейдоновых страшных угроз убегая из моря.

Даже в глазах у бессмертных достоин почтения странник,

Их о защите молящий, - вот так, как теперь, пострадавший,

Я к теченьям твоим и коленям твоим припадаю!

450 Сжался, владыка! Горжусь, что тебя о защите молю я!"

Тотчас течение поток прекратил и волну успокоил.

Гладкою сделал поверхность пред ним и спас его этим

Около устья реки. Подкосились колени и руки

У Одиссея. Совсем его бурное море смирило.

455 Все его тело распухло; морская вода через ноздри

И через рот вытекала, а он без сознания, безгласный

И бездыханный лежал: в усталости был он безмерной.

После того как очнулся, и дух в его сердце собрался,

Прежде всего отвязал он с себя покрывало богини

460 И покрывало пустил по реке, впадающей в море.

Быстро оно на волнах понеслось по теченью, и в руки

Ино его приняла. И выбрался он из потока,

Лег в тростнике и к земле плодоносной припал поцелуем.

Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:

465 "Что ж это будет со мной? И чем все кончится это?

Если возле реки тревожную ночь проведу я,

Сгибну я здесь, укрощенный холодной росой и вредным

Инеем: обморок сделал совсем нечувствительным дух мой.

Воздухом веет холодным с реки с приближением утра.

470 Если ж на холм я взойду и в этой вон роще тенистой

В частых лягу кустах, и прозяблость меня и усталость

Там покинут, и сон усладительный мной овладеет, -

Как бы, боюсь я, не стать для зверей мне добычей и пищей!"

Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:

475 К роще направил свой путь. Она на пригорке открытом

Близко лежала от речки; пробрался под куст он двойной там

Сросшихся крепко друг с другом олив - благородной и дикой.

Не продувала их сила сырая бушующих ветров,

Не пробивало лучами палящими яркое солнце,

480 Не проникал даже до низу дождь, до того они густо

Между собою ветвями сплелись. Одиссей погрузился

В эти кусты и под ними нагреб себе тотчас руками

Мягкое ложе из листьев опавших, которых такая

Груда была, что и двое и трое б могли в ней укрыться

485 В зимнюю пору, какую суровой она ни была бы.

В радость пришел, увидавши ее, Одиссей многостойкий.

Листья он в кучу нагреб и сам в середину забрался,

Так же как в черную золу пастух головню зарывает

В поле далеком, где нет никого из людей по соседству,

490 Семя спасая огня, чтоб огня не просить у другого.

В листья так Одиссей закопался. Паллада Афина

Сон на него излила, чтоб его от усталости тяжелой

Освободил он скорей, покрыв ему милые веки.

Гомер. Одиссея. Песнь шестая.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ.

Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный,

Сном и усталостью тяжелой смиренный. Паллада Афина

Путь свой направила в землю и в город мужей феакийских.

Жили в прежнее время они в Гиперее пространной

5 Невдалеке от циклопов, свирепых мужей и надменных,

Силою их превышавших и грабивших их беспрестанно.

Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный

В Схерию, вдаль от людей, в труде свою жизнь проводящих.

Там он город стенами обвел, построил жилища,

10 Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан.

Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он,

И Алкиной там царил, от богов свою мудрость имевший.

В дом-то к нему и пошла совоокая дева Афина,

В мыслях имея своих возвращенье домой Одиссея.

15 В спальню прекрасной постройки она поднялася, в которой

Дева спала, на бессмертных похожая ростом и видом,

Милая дочь Алкиноя, феаков царя, Навсикая.

Там же двое прислужниц, красу от Харит получивших,

Спали с обеих сторон у запертой двери блестящей.

20 К ложу ее пронеслась, как дыхание ветра, Афина,

Стала в ее головах и с такой обратилась к ней речью,

Дочери образ приняв мореходца Диманта, с которой

Сверстницей дева была и которую очень любила.

Образ принявши ее, сказала Паллада Афина:

25 "Вот беззаботной какой родила тебя мать, Навсикая !

Без попеченья лежит одежда блестящая в доме,

Брак же твой близок, когда и самой тебе надо одетой

Быть хорошо и одеть, кто с тобою на свадьбу поедет.

Добрая слава опрятно одетых людей провожает,

30 С радостью смотрят на них и отец и почтенная мать.

Ну-ка, давай, поедем стирать с наступлением утра.

Вместе с тобой я пойду помогать тебе, чтоб поскорее

Дело окончить. Недолго уж в девах тебе оставаться.

Взять тебя замуж хотят наиболее знатные люди

35 В крае феаков, где ты и сама ведь из знатного рода.

С ранней зарей попроси отца многославного тотчас

Мулов с повозкой велеть снарядить, чтоб сложить на повозку

Все пояса, покрывала блестящие, женские платья.

Лучше тебе и самой поехать на ней, чем ногами

40 Пешей идти: водоемы от города очень далеко".

Так сказав, на Олимп отошла совоокая дева,

Где, говорят, нерушима - вовеки - обитель бессмертных.

Ветры ее никогда не колеблют, не мочат водою

Струи дождя, не бывает там снега. Широкое небо

45 Вечно безоблачно, вечно сиянием светится ясным.

Там для блаженных богов в наслажденьях все дни протекают.

Дав указанья царевне, туда удалилась Афина.

Эос вскоре пришла пышнотронная и Навсикаю

Вмиг пробудила от сна. Изумилась она сновиденью,

50 По дому быстро пошла, чтоб родителям сон рассказать свой.

Мать и отца - обоих внутри она дома застала.

Мать пред огнем очага сидела среди женщин служанок,

Пряжу прядя из морского пурпура. Там и отец ей

Встретился. Шел он как раз на совет благородных старейшин;

55 Был он на этот совет феаками славными позван.

Близко пред милым родителем став, Навсикая сказала:

"Милый отец мой, велика высокую дать мне повозку
Прочноколесную. На реку в ней я хотела б поехать
Выстирать нашу одежду - лежит у меня она грязной.

60 Ведь и тебе самому в собраньях мужей знаменитых
На совещаньях сидеть подобает в чистой одежде.

Кроме того, пятерых сыновей ты имеешь в чертогах -
Двух женатых и трех холостых, цветущих годами.

Эти желают всегда ходить в свежевывитых платьях

65 На хороводы. А думать приходится мне ведь об этом".

Так говорила она. Но про брак ожидаемый стыдно

Было сказать ей отцу. Догадался он сам и ответил:

"Не откажу я тебе ни в мулах, дитя, ни в другом чем.

В путь отправляйся. Рабы же заложат повозку большую,

70 Прочноколесную; будет и кузов на ней для поклажи".

Так сказавши, рабам приказал он, и те ему вняли.

Вышедши из дому вон, снарядили повозку для мулов

Прочноколесную, мулов в нее запрягли крепконогих,

Из кладовой Навсикая с одеждой блестящею вышла

75 И уложила ее в скобленную гладко повозку.

Мать ей обильно в плетеной корзине еды уложила

Всякой, прибавила разных запасов, вина налила ей

В козий мех. На повозку с бельем поднялась Навсикая,

С маслом душистым сосуд золотой дала ей Арета,

80 Чтобы сама она маслом натерлась и жены-служанки.

В руки блестящие вожжи и бич взяла Навсикая.

Мулов бичом погнала. Затопав, они побежали.

С топотом дробным бежали, одежду везя и царевну,

Вслед за повозкой прекрасной прислужницы шли остальные.

85 Вскоре достигли они прекраснотрующей речки.

Были всегда там водой водоемы полны. Из-под низу

Била обильно вода, всевозможную грязь отмывая.

Выпрягли мулов они из повозки, доехав до места,

Мулов пустили на берег реки, водовертью богатой,

90 Сочной, медвяной травой питаться, а сами с повозки

Сняли руками белье и бросили в черную воду.

В яме топтали его, соревнуясь друг с другом в проворстве.

Вымыв белье и очистив его хорошо от всей грязи,

Ряд за рядом его разостлали по берегу моря,

95 Где всего более галька морскою волной обмывалась.

После того, искупавшись и густо намазавшись маслом,

Сели обедать они у самого берега речки,

Все же белье, что стирали, на солнце оставили сохнуть.

Пищей когда насладились, - царевна сама и служанки, -

100 В мяч они стали играть, поскидавши с себя покрывала.

С песней в игру повела белорукая их Навсикая.

Как стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида

Мчится по длинным хребтам Ериманфа-горы иль Тайгета,

Радуюсь сердцем на вепрей лесных и на быстрых оленей;

105 Там же и нимфы полей, прекрасные дочери Зевса,

Следом за нею несутся. И сердцем Лето веселится:

Выше всех ее дочь головой и лицом всех прекрасней, -

Сразу узнать ее можно, хотя и другие прекрасны.

Так меж своих выделялась подруг незамужняя дева.

110 Ехать обратно домой собиралась уже Навсикая,

Вымыв прекрасные платья и мулов в повозку запрягши.

Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:

Чтоб Одиссей, пробудившись, увидел прекрасную деву

И чтобы девушка та провела его в город феаков.

115 Бросила мяч в это время одной из прислужниц царевна,

Но промахнулась в нее, а попала в глубокую воду.

Вскрикнули громко они. Одиссей богоравный проснулся,

И поднялся, и раздумывать начал рассудком и духом:

"Горе! В какую страну, к каким это людям попал я?"

120 К диким ли, духом надменным и знать не желающим правды

Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?

Кажется, девичий громкий вблизи мне слышался голос.

Что это, нимфы ль играют, владелицы гор крутоглавых,

Влажных, душистых лугов и истоков речных потаенных?

125 Или достиг наконец я жилища людей говорящих?

Дай-ка, однакоже, сам я пойду, - посмотрю и узнаю".

Так сказав, из кустов поднялся Одиссей богоравный.

В частом кустарнике выломал он мускулистой рукою

Свежую ветку и ею срамные закрыл себе части.

130 Как в своей силе уверенный лев, горами вскормленный,

В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,

В стадо быков иль овец он бросается в поле, хватает

Диких оленей в лесу. Его принуждает желудок

Даже врываться в загон, чтоб овцу за оградой похитить.

135 Вышел так Одиссей из кустарника. Голым решился

Девушкам он густокосым явиться: нужда заставляла.

Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной.

Бросились все врассыпную, спасаясь на мысы над морем.

Только осталась одна Алкиноева дочь: ей вложила

140 В сердце смелость Афина и вынула трепет из членов.

Остановилась она перед ним: Одиссей колебался:

Пасть ли с мольбой перед девою прекрасной, обняв ей колени,

Или же издали с мягкой речью, с мольбой обратиться

К деве, чтоб город ему указала и платье дала бы?

145 Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:

Не подходя, умолять ее мягкими только словами,

Чтоб не обидеть девичьего сердца, обняв ей колени.

Тотчас к ней обратился он с мягким, рассчитанным словом:

"Смертная ль ты иль богиня, - колени твои обнимаю!

150 Если одно из божеств ты, владеющих небом широким,

Я бы сказал: с Артемидой, великою дочерью Зевса,

Больше всего ты сходна и ликом, и видом, и ростом.

Если же смертная ты и здесь на земле обитаешь, -

Трижды блажен твой отец, и мать твоя трижды блаженна,

155 Трижды блаженны и братья ! Каким согревающим счастьем

Из-за тебя их сердца непрерывно должны исполняться,

Глядя, как отпрыск цветущий такой идет в хороводы.

Тот, однако, среди всех остальных несравненно блаженней,

Кто тебя в дом свой введет, других превзошедши дарами.

160 Смертных, подобных тебе, не видал до сих пор никогда я

Ни среди мужчин никого, ни среди жен, - изумляюсь я, глядя!

Близ алтаря Аполлона на Делосе в давнее время

Видел такую же я молодую и стройную пальму.

Я ведь и там побывал с толпою товарищей верных,

165 Ехав дорогой, в которой так много ждало меня бедствий!

Вот и тогда, увидавши ее, я стоял в изумленьи

Долго: такого ствола на земле не всходило ни разу!

Так и тебе я, жена, изумляюсь. Но страшно боюсь я

Тронуть колени твои. Тяжелой бедой я постигнут.

170 Только вчера удалось убежать мне от темного моря.

Двадцать до этого дней от Оигии острова гнали

Бури и волны меня. Зброшен теперь и сюда я

Богом, чтоб новым напастям подвергнуться. Верно, не скоро

Будет конец им. Немало еще их доставят мне боги.

175 Жалость яви, госпожа! Претерпевши несчетные беды,

К первой к тебе я прибег. Из других ни один мне неведом

Смертный, кто в городе этом; кто в этой стране обитает.

К городу путь укажи мне и дай мне на тело накинуть

Лоскут, в какой ты белье завернула, сюда отправляясь.

180 Пусть тебе боги дадут, чего и сама ты желаешь, -

Мужа и собственный дом, чтобы в полном и дружном согласьи

Жили вы с мужем: ведь нет ничего ни прекрасней, ни лучше,

Если муж и жена в любви и в полнейшем согласьи

Дом свой ведут - в утешенье друзьям, а врагам в огорченье;

185 Больше всего ж они сами от этого чувствуют счастье".

Так Одиссею в ответ белорукая дева сказала:

"Странник! На мужа худого иль глупого ты не походишь.

Счастье Зевес меж людей благородного ль, низкого ль рода

Распределяет, кому пожелает, по собственной воле.

190 То, что послал и тебе он, ты вытерпеть должен отважно.

Нынче же, раз к нам сюда ты приходишь, в наш город и в край наш,
Ты ни в одежде нужды не увидишь, ни в чем-либо прочем,
Что несчастливцам мы встречаем даем, о защите молящим.
Город тебе покажу. Назову и людей, в нем живущих.

195 Городом этим и этой землею владеют феаки.

Дочь я прихожусь Алкиною, высокому духом;
Держится им у феаков могущество их и величье".

Так сказав, приказала подругам своим густокосым:

"Стойте, подруги! Куда разбежались вы, мужа увидев?

200 Можно ли было подумать, что враг между нами явился?

Нет среди живых человека такого - и нет и не будет,
Кто бы в стране феакийских мужей дерзнул появиться
С целью враждебною: слишком нас любят бессмертные боги.
Здесь мы живем, ото всех в стороне, у последних пределов

205 Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.

Здесь же стоит перед нами скиталец какой-то несчастный.
Нужно его приютить: от Зевса приходит к нам каждый
Странник и нищий. Хотя и немного дадим, но с любовью.
Дайте ж, подруги мои, поесть и попить чужеземцу

210 И искупайте его на реке, где потише от ветра".

Остановились подруги, одна ободряя другую;
В месте затишном его посадили, как им приказала
Дочь Алкиноя, могучего сердцем, сама Навсикая.

Плащ и хитон перед ним положили, чтоб мог он одеться,

215 Нежное масло в сосуде ему золотом передали

И предложили в прекраснотруистой реке искупаться.

Так обратился тогда Одиссей богоравный к служанкам:

"Станьте, прислужницы, так вот, подальше, чтоб сам себе мог я

Плечи от грязи отмыть и тело намазать блестящим

220 Маслом; давно уж оно моего не касалось тела.

А перед вами я мыться не стану. Мне было бы стыдно

Голым стоять, очутившись среди девушек в косах прекрасных".

Так говорил он. Они, удалившись, сказали царевне.

Черпая воду из речки, отмыл Одиссей богоравный

225 С тела всю грязь, у него покрывавшую плечи и спину.

И с головы своей счистил наевшую пену морскую.

После того как он вымылся весь и намазлся маслом,

Также и платье надел, что дала незамужняя дева,

Сделала дочь Эгиоха Зевеса, Паллада Афина,

230 Выше его и полнее на вид, с головы же спустила

Кудри густые, цветам гиацинта подобные видом.

Как серебро позолотой блестящею кроет искусный

Мастер, который обучен Гефестом и девой Афиной

Всякому роду искусств и прелестные делает вещи, -

235 Прелестью так и Афина всего Одиссея покрыла.

В сторону он отошел и сел на песок перед морем,
Весь красотой светясь. В изумлении дева глядела
И к густокосым служанкам с такой обратилась речью:
"Вот что, подруги мои белорукие, я сообщу вам:

240 Не против воли богов, Олимпом владеющих светлым,
Муж этот здесь очутился, среди богоподобных феаков.
Мне показался сперва незначительным он человеком,
Вижу теперь, что похож на богов он, владеющих небом.
Если б такого, как он, получить мне супруга, который

245 Здесь бы у нас обитал и охотно у нас бы остался!
Дайте, однако, подруги, поесть и попить чужеземцу".
Так сказала. Охотно приказу они подчинились,
Пред Одиссеем еду и питье поставили тотчас.

Жадно взялся за питье и еду Одиссей многостойкий:

250 Очень давно ничего уж не ел, ничего и не пил он.
Новая мысль между тем белорукой пришла Навсикае.
Выгладив, что постирала, в повозку белье уложила,
Крепкокопытных впрягла в нее мулов, сама в нее стала
И, ободрить Одиссея стараясь, к нему обратилась:

255 "Встань, чужеземец, и в город иди! Тебя провожу я
К дому отца Алкиноя разумного. Там ты увидишь,
Думаю я, наилучших, знатнейших людей из феаков.

Вот как теперь поступи - мне не кажешься ты неразумным:

Время, пока проезжать чрез поля и чрез нивы мы будем, -

260 Все это время за мулами вслед со служанками вместе

Быстро иди. А дорогу сама я указывать буду.

В город когда мы придем... Высокой стеной обнесен он

С той и другой стороны - превосходная гавань, но сужен

К городу вход кораблями двухвостыми: справа и слева

265 Берег ими уставлен, и каждый из них под навесом.

Вкруг Посейдонова храма прекрасного там у них площадь.

Вкопаны в землю на ней для сиденья огромные камни.

Запасены там для черных судов всевозможные снасти -

И паруса, и канаты, и гладко скобленные весла.

270 Ибо феакам нужны не колчаны, не крепкие луки,

Надобны им корабли равнобокие, весла и мачты;

Радуюсь им, испытуют они гладь моря седого.

Толков враждебных хочу избежать я, чтоб в спину насмешки

Мне не пустил кто-нибудь. Наглецов у нас много в народе.

275 Кто-нибудь скажет из худших, меня повстречавши с тобою:

- Что там за странник, большой и красивый, идет с Навсикаей?

Где его дева нашла? Не будет ли ей он супругом?

Кто он? Морскою ли бурю к нам занесенный из дальних

Стран человек? Ведь вблизи от себя мы не знаем народов.

280 Или же бог к ней какой по молитвам ее неотступным

С неба спустился и будет теперь обладать ею вечно?

Лучше б, уехав отсюда, она себе мужа сыскала

В странах других. Оскорбляет жестоко она здесь феаков

Многих и знатных, желавших ее получить себе в жены! -

285 Так они скажут. Большим для меня это будет позором.

В негодованье и я бы пришла, поступи так другая, -

Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,

В брак не вступивши открытый, иметь обращенье с мужчиной.

Быстро слово мое, чужеземец, исполни, чтоб скоро

290 Мог тебе дать мой отец возможность домой воротиться.

Встретишь ты близко к дороге священную рощу Афины

Из тополей. В ней источник струится, вокруг же лужайка.

Там у отца моего участок и сад плодоносный,

Пышный: от города он на крик отстоит человека.

295 В роще этой останься и жди там все время, покуда

В город прибыть мы успеем и в дом воротиться отцовский.

Только дождись, чтоб достигли мы дома царя Алкиноя,

В город феаков отправься тогда и расспрашивай встречных,

Как тебе к дому пройти Алкиноя, высокого сердцем.

300 Это нетрудно узнать, проводить без труда тебя сможет

Малый самый ребенок. Нигде у других ты феаков

Дома такого не встретишь, как дом Алкиноя героя.

После того как тебя там строенья и двор в себя примут,
Быстро пройди через залу мужскую и прямо направься
305 К матери нашей. Она пред огнем очага восседает,
Тонкие нити прядущая цвета морского пурпура,
Подле высокой колонны. Рабыни ж работают сзади.
Кресло отца моего пододвинуто к той же колонне,
В нем он сидит и вино, как бог бессмертный, вкушает.

310 Мимо него ты пройдешь и обнимешь руками колени
Матери нашей, чтоб радостный день возвращенья увидеть

Скоро наставшим, хоть очень далек ты от родины милой.
Если, скиталец, к тебе моя мать отнесется с вниманьем,
Можешь надеяться близких увидеть и снова вернуться

315 В дом благозванный к себе и в милую землю родную".

Так сказавши, блестящим бичом она мулов хлестнула.

Быстро они за собою теченья оставили речки.

Мулы равно хорошо и бежали и тихо шагали.

Дева правила ими, с умом их бичом подгоняя,

320 Чтобы за ними пешком поспедали подруги и странник.

Солнце меж тем уж зашло. Достигли они знаменитой

Рощи священной Афины. Там сел Одиссей богоравный, -

Сел и дочери Зевса великого начал молиться:

"Дочь Эгиоха Зевеса, послушай меня, Атритона!

325 Нынче хотя бы внемли, когда не вняла мне в то время,
Как сокрушал меня в море преславный Земли Колебатель!
Дай мне к феакам угодным прийти, возбуждающим жалость!"
Так говорил он молясь. И его услышала Афина,
Но самолично пред ним не явилась; она опасалась

330 Брата отцова: упорно он гневом пылал к Одиссею,
Богopodobному мужу, пока не достиг он отчизны.

Гомер. Одиссея. Песнь седьмая.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ.

Так божественный, стойкий в беде Одиссей там молился.

Сила мулов меж тем Навсикаю доставила в город.

Славного дома достигнув отца своего Алкиноя,

Остановилась в воротах она, и тотчас окружили

5 Братья ее, на бессмертных похожие. Выпрягши мулов,

Сняли с повозки белье и внесли во внутренность дома.

А Навсикая в покой свой пошла. Разожжен был огонь там

Горничной Евримедусой, старухой, рабой из Анейры.

В давнее время ее на судах привезли, из добычи

10 В дар отобрав Алкиною: ведь всю страну феаков

Он управлял, и народ подчинялся ему, словно богу.

Евримедусой была Навсикая воспитана в доме.

Ей и огонь разводила она и носила ей ужин.

Встал между тем Одиссей и направился в город. Афина,

15 Об Одиссее заботясь, в густом его облаке скрыла,

Чтоб кто-нибудь из феаков отважных, с ним повстречавшись,

Не оскорбил его словом, не стал бы выпрашивать, кто он.

Только успел он вступить в пленительный город феаков,

Вышла навстречу ему совоокая дева Афина,

20 Девушке юной, несущей кувшин, уподобившись видом.

Стала пред ним - и ее спросил Одиссей богоравный:

"Не проводила б меня ты, дитя мое, в дом Алкиноя -

Мужа, который над всеми людьми в этом властвует крае?

Странник я, много несчастий в пути претерпевший; сюда я

25 Прибыл из дальней земли; и здесь никого я не знаю,

Кто у вас в городе этом и в этой стране обитает".

И отвечала ему совоокая дева Афина:

"Дом, о котором спросил ты, отец чужеземец, сейчас же

Я покажу: в соседстве живет мой отец безупречный.

30 В полном молчаньи иди. Я дорогу указывать буду.

Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов.

Очень не любят у нас иноземных людей и враждебно,

Холодно их принимают, кто прибыл из стран чужедальных.

На корабли полагаясь свои быстролетные, бездны

35 Моря они испытуют, - им дал это бог Земледержец.

Быстры у них корабли, подобны крылу или мысли".

Кончив, пошла впереди Одиссея Паллада Афина,
Быстро шагая. А следом за ней Одиссей богоравный.

И между славных судами феаков никто не заметил,

40 Как через город он шел. Это сделала дева Афина

В косах прекрасных, богиня могучая: скрыла чудесно

В облаке темном его, всем сердцем любя Одиссея.

Шел Одиссей и дивился на пристани их с кораблями

И на просторные площади их, на высокие стены,

45 Крепким везде частоколом снабженные, - диво для взоров!

После того как пришли они к славному дому цареву,

Так начала говорить совоокая дева Афина:

"Вот тебе дом тот, отец чужеземец, который велел ты

Мне указать. Ты увидишь царей там, питомцев Зевеса, -

50 Пир пируют они. Войди к ним вовнутрь и боязнию

Сердца себе не смущай: наиболее во всяческом деле

Преуспевают смельчак, если даже пришел издалека.

Прежде всего подойди к госпоже, как в столовую вступишь.

Имя ее Арета; от предков она происходит

55 Тех же, которые мужа ее Алкиноя родили.

Прежде всего родили Навсифоя Земли Колебатель

И Перибея, средь жен наиболее прекрасная видом,

Самая младшая дочь отважного Евримедонта,

Бывшего в давнее время властителем буйных гигантов:

60 Но погубил он народ нечестивый, а также себя с ним.

С ней Посейдон сочетался и сына родил Навсифоя,

Духом высокого. Царствовал он над народом феаков.

От Навсифоя-царя родились Рексенор с Алкиноем.

Но Рексенор, не имев сыновей, после краткого брака

65 Был Аполлоном застрелен, оставивши дочь лишь Арету

В доме. Ее Алкиной супругою сделал своею

И почитал, как нигде не была почитаема в мире

Женщина, в мужнином доме ведущая ныне хозяйство.

Так почиталась она и теперь почитается так же

70 Милыми всеми своими детьми и самим Алкиноем,

Как и народом, который глядит на нее, как на бога,

Дружно приветствуя всюду, когда ее в городе встретит,

Ибо она и сама умом не бедна благородным.

Ласковым словом Арета и споры мужей разрешает.

75 Если, скиталец, к тебе отнесется Арета с вниманьем,

Можешь надеяться близких увидеть и снова вернуться

В дом благозванный к себе и в милую землю родную".

Так сказав, отошла совоокая дева Афина

По беспокойному морю, покинувши остров прелестный.

80 До Марафона дойдя и до улиц широких афинских,

В прочный дом Ерехтея богиня вошла. Одиссей же
К славному дому пошел Алкиноя. Пред медным порогом
Остановившись, долго стоял он, охвачен волнением, -
Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу

85 Дом высокий царя Алкиноя, отважного духом.

Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева
Внутри от порога. А сверху карниз пробегал темносиний.
Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали,
Из серебра косяки на медном пороге стояли,

90 Притолка - из серебра, а дверное кольцо - золотое.

Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно
Из серебра и из золота их Гефест изготовил,
Чтобы дворец стерегли Алкиноя, высокого духом.
Были бессмертны они и бесстаростны в вечные веки.

95 В доме самом вдоль стены, прислоненные к ней, непрерывно

Кресла внутри от порога тянулись: на них покрывала
Мягко-пушистые были наброшены - женщин работа.
В креслах этих обычно вожди восседали феаков,
Ели и пили обильно, ни в чем недостатка не видя.

100 Юноши там золотые стояли на прочных подножьях,

Каждый в руке поднимал по пылавшему факелу, ярко
Комнаты дома в ночной темноте для гостей освещая.
В доме его пятьдесят находилось женщин-невольниц;

Те золотое зерно жерновами мололи ручными,

105 Пряжу пряли другие и ткани прекрасные ткали,

Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья.

С плотно сработанной ткани струилось жидкое масло.

Как между всеми мужами феаки блистают искусством

По морю быстрый корабль направлять, так и жены искусны

110 Более прочих в тканье: одарила их щедро Афина

Знанием прекрасных работ рукодельных и разумом светлым.

Сад у ворот вне двора простирался огромный, в четыре

Гия пространством; со всех он сторон огражден был забором.

Множество в этом саду деревьев росло плодоносных -

115 Груш, гранатных деревьев, с плодами блестящими яблонь,

Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин роскошных.

Будь то зима или лето, всегда там плоды на деревьях;

Нету им порчи и нету конца; постоянно там веет

Теплый Зефир,. зарождая одни, наливая другие.

120 Груша за грушей там зреет, за яблоком - яблоко, смоква

Следом за смоквой, за гроздьями вслед поспевают другие.

Дальше, за садом, насажен там был виноградник богатый.

В части одной на открытой для солнца и ровной площадке

Гроздья сушились, а в части другой виноград собирали.

125 Там уж давили его, там едва только он наливался,

Сбросивши цвет, а уж там начинал и темнеть из-под низу.

Вслед за последней грядой виноградной тянулись рядами

Там огородные грядки со всякою овощью пышной.

Два там источника было. Один растекался по саду,

130 Весь орошая его, а другой ко дворцу устремлялся

Из-под порога двора. Там граждане черпали воду.

Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.

Долго на месте стоял Одиссей в изумленьи великом.

После того как на все с изумлением он нагляделся, -

135 Быстро шагнув чрез порог, вошел он во внутренность дома.

Там феакийских вождей и советников в сборе застал он.

Зоркому Аргоубийце творили они возлиянья:

Был он идущими спать всегда призываем последним.

Быстрым шагом пошел через дом Одиссей многостойкий,

140 Облаком скрытый, которым его окружила Афина.

Прямо к Арете направился он и к царю Алкиною,

Обнял руками колени Ареты, и в это мгновенье

Разом божественный мрак, облакавший его, расступился.

Все онемели вокруг, пред собою увидевши мужа,

145 И изумлялися, глядя. А он говорил, умоляя:

"Дочь Рексенора, подобного богу, внемли мне, Арета!

Много страдав, я к царю, я к коленям твоим прибегаю,

К вашим гостям на пиру! Да пошлют им бессмертные боги

Полное счастье на долгие дни, да наследуют дети

150 Все их имущество с частью почетной, им данной народом.

О, помогите, молю вас, домой мне скорей воротиться!

Очень давно уж от близких вдали страданья терплю я!"

Так сказав, подошел к очагу он и сел там на пепел

Возле огня. В глубочайшем молчаньи сидели феаки.

155 Заговорил наконец старик Ехеней благородный.

Всех остальных феакийских мужей превышал он годами,

Опыт имел и богатый и долгий, блистал красноречьем.

Добрых намерений полный, сказал Ехеней пред собранием:

"Нехорошо, Алкиной, и совсем неприлично, чтоб странник

160 В пепле сидел очага твоего на земле перед нами!

Эти же медлят вокруг, приказаний твоих ожидая.

Тотчас его подними, пригласи в среброгвоздное кресло

Странника сесть, а глашатаю дай приказанье в кратере

Воду с вином замешать, чтоб могли мы свершить возлиянье

165 Зевсу, который сопутствует всем, о защите молящим.

Ключница ж пусть чужеземцу поужинать даст из запасов".

Эти слова услышав, Алкиноя священная сила

Руку взяла Одиссея разумного с выдумкой хитрой:

Встать принудив с очага, усадила в блестящее кресло,

170 Храброму Лаодаманту велев уступить ему место -

Рядом сидевшему с ним, наиболее любимому сыну.

Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукоюной водою

В тазе серебряном был перед ним установлен служанкой

Для умывания. После расставила стол она гладкий.

175 Хлеб перед ним положила почтенная ключница, много

Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

Тотчас взялся за еду и питье Одиссей многостойкий.

Вестнику после того Алкиноева сила сказала:

"Воду в кратере с вином замешай, Понтоной, и сейчас же

180 Чашами всех обнеси, чтоб могли мы свершить возлиянье

Зевсу, который сопутствует всем, о защите молящим".

И замешал Понтоной вина медосладкого тотчас,

Всем им по чаше поднес, возлиянье свершая из каждой.

Как возлиянье свершили и выпили, сколько хотелось,

185 С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:

"К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!

Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает.

Кончился пир наш. Теперь на покой по домам разойдитесь.

Завтра же утром, сюда и других пригласивши старейшин,

190 Гостя мы станем в дворце угощать и прекрасные жертвы

Там же богам принесем, а потом нам пора и подумать,

Как чужеземцу отсюда без лишних трудов и страданий

В сопровождении нашем вернуться в родимую землю

Скоро и радостно, как бы оттуда он ни был далеко, -

195 Чтобы во время пути ни печали, ни зла он не встретил,

Прежде чем в край свой родной не вернется. А там уж пускай

Полностью вытерпит все, что судьба и зловещие пряжи

Выпряли с нитью ему, когда родила его мать.

Если ж кто из бессмертных под видом его посетил нас,

200 То очевидно, что боги замыслили новое что-то.

Ибо они нам обычно являются в собственном виде

Каждый раз, как мы славные им гекатомбы приносим,

Там же пируют, где мы, и с нами совместно садятся.

Даже когда и отдельно идущий им встретится путник,

205 Вида они своего не скрывают пред ним, ибо очень

Близки мы им, как циклопы, как дикое племя гигантов".

Так Алкиною в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Прочь отгони эту мысль, Алкиной! Я и видом и ростом

Не на бессмертных богов, обладающих небом широким,

210 А на обычных людей похожу, рожденных для смерти.

Нет меж несчастных людей, которых вам знать приходилось,

Ни одного, с кем бы я поравняться не мог в испытаньях.

Даже больше других я бы мог рассказать о несчатьях,

Сколько их всех перенес я по воле богов олимпийских.

215 Как ни скорблю я, однако, но дайте, прошу вас, поесть мне.

Нет подлея ничего, чем наш ненавистный желудок.

Хочешь - не хочешь, а помнить велит о себе он упорно,

Как бы ни мучился кто, как бы сердце его ни страдало.

Так же и я вот: как сердцем страдаю! А он непрестанно

220 Просит еды и питья и меня забывать заставляет

Все, что вытерпел я, и желает себя лишь наполнить.

Вас прошу я не медлить и завтра, как утро настанет,

В милую землю родную доставить меня, несчастливца.

Много терпел я, но пусть и погибну я, лишь бы увидеть

225 Мне достоянье мое, и рабов, и дом мой высокий".

Слово одоблив его, согласились все, что в отчизну

Должно его проводить, ибо все справедливо сказал он.

Сделав богам возлиянье и выпивши, сколько хотелось,

Все поднялись и для сна по жилищам своим разошлись.

230 В зале, однако, остался сидеть Одиссей богоравный,

Рядом с ним - Алкиной, подобный богам, и Арета.

Всю между тем со стола посуду убрали служанки.

Тут белорукая так начала говорить с ним Арета.

Только взглянула царица на платье - и сразу узнала

235 Плащ и хитон, что сама соткала со служанками вместе.

Так обратилась она к Одиссею со словом крылатым:

"Вот что прежде всего у тебя, чужеземец, спрошу я:

Кто ты? Откуда ты родом? И кто тебе дал это платье?

Ты говорил ведь, что прибыл сюда, потерпевши крушение?

240 И, отвечая Арете, сказал Одиссей многоумный:

"Трудно подробно тебе обо всем рассказать мне, царица.

Слишком уж много я бед претерпел от богов Уранидов.

Это ж тебе я скажу, что спросила и хочешь узнать ты.

Есть Огигия-остров средь моря, далеко отсюда.

245 Там обитает Атлантова дочь, кознодейка Калипсо,

В косах прекрасных богиня ужасная. С нею общенья

Ни из богов не имеет никто, ни из смертнорожденных.

Только меня, несчастливца, привел к очагу ее дома

Бог враждебный. Блистающей молнией быстрый корабль мой

250 Надвое Зевс расколел посреди винно-чермного моря.

Все у меня остальные товарищи в море погибли.

Я же, за киль ухватясь корабля двоехвостого, девять

Дней там носился. В десятый к Огигии-острову боги

Ночью пригнали меня, где та обитает Калипсо,

255 В косах прекрасных богиня ужасная. Ею радушно

Принят я был, и любим, и кормим. Она обещала

Сделать бессмертным меня и бесстаростным в вечные веки.

Духа, однако, в груди у меня не склонила богиня.

Семь непрерывно я пробыл там лет, орошая слезами

260 Платье нетленное, мне подаренное нимфой Калипсо.

После того же как год и восьмой, приближаясь, пришел к нам,

Вдруг мне она приказала домой отправляться, - не знаю:

Зевса ль приказ получила, сама ль изменилася в мыслях?

Крепкий велела мне плот приготовить, снабдила обильно

265 Пищей и сладким напитком, одела в нетленное платье,

Ветер потом мне попутный послала, не вредный и мягкий.

Плыл семнадцать я дней, свой путь по волнам совершал,

На восемнадцатый день показались тенистые горы

Вашего края. И мне, несчастливцу, великая радость

270 Сердце объяла. Но много еще предстояло мне горя

Встретить: его на меня обрушил Земли Колебатель,

Загородил мне дорогу, подняв бушевавшие ветры,

Море вокруг возмутил несказанно, никак не дозволив,

Чтоб на плоту меня волны терпели, стенавшего тяжко.

275 Буря мой плот наконец раскидала по бревнам. Однако

Вплавь перерезал я эту пучину морскую, доколе

К вашей земле не пригнали, неся меня, волны и ветер.

Но одолели б меня, когда б выходил я на сушу,

Волны прибоя, ударив о скалы и гибельный берег,

280 Если бы, вынырнув в бок, не поплыл я, покамест до речки

Не добрался. Показалось мне место удобным. Свободно

Было оно и от скал и давало защиту от ветра.

На берегу я упал, набирая сил. С наступленьем

Ночи бессмертной ушел я от Зевсом питаемой речки

285 В сторону, в частом кустарнике лег и глубоко зарылся

В листья. И сон на меня божество излило бесконечный.

Милым печалуюсь сердцем, зарывшись в увядшие листья,

Спал я всю ночь напролет до зари и с зари до полудня.

Солнце к закату склонилось, и сон меня сладкий оставил.

290 Тут на морском берегу я заметил игравших служанок

Дочери милой твоей, и ее между них, как богиню.

К ней я с мольбою прибег. Так мудро она поступила,

Как и подумать никто бы не мог, что при встрече поступит

Девушка столь молодая. Всегда молодежь неразумна.

295 Пищи она мне дала и вина искрометного вволю,

И искупала в реке, и эту дала мне одежду.

Хоть и с печалью в груди - всю правду тебе рассказал я".

Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:

"Нехорошо это очень придумала дочь моя, странник,

300 Что со служанками вместе тотчас тебя следовать в дом наш

Не пригласила. Ведь к первой ты с просьбою к ней обратился".

Так он сказал. И ответил ему Одиссей многоумный:

"Нет, герой, не сердись на невинную деву за это.

Мне и велела она идти со служанками вместе,

305 Только я сам отказался: мне было и стыдно и страшно,
Как бы ты, вместе увидевши нас, не разгневался сердцем.

В гнев легко на земле впадаем мы, племя людское".

Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:

"Странник, в груди у меня совсем не такое уж сердце,

310 Чтоб по-пустому сердиться. Во всем предпочтительней мера.

Если бы - Зевс, мой отец, Аполлон и Паллада Афина!

Если б такой, как ты есть, и взглядов таких же, как сам я,

Дочь мою взял ты и зятем моим называться бы начал,

Здесь оставаясь! А я тебе дом и имущество дал бы,

315 Если б ты волей остался. Держать же тебя против воли

Здесь не посмеет никто: прогневили бы Зевса мы этим.

Твой же отъезд назначаю на завтра, чтоб знал ты об этом

Точно. Ты будешь лежать себе, сном покоренный глубоким,

Наши же будут грести по спокойному морю, доколе

320 Ты не приедешь в отчизну и дом иль куда пожелаешь,

Будь это дальше гораздо, чем даже Евбея, которой

Нет отдаленней страны, по рассказам товарищей наших,

Видевших остров, когда с белокурым они Радамантом,

Тития, сына Земли, посетившим, там побывали.

325 Путь по глубокому морю они без труда совершили

В сутки одни, до Евбеи доплыв и назад воротившись.

Вскоре увидишь ты сам, как мои корабли быстроходны,
Как гребцы по волнам ударяют лопатками весел".

Так говорил он. И в радость пришел Одиссей многостойкий.

330 Жарко моляся, воззвал он, и слово сказал, и промолвил:

"Зевс, наш родитель! О, если бы все, что сказал Алкиной мне,
Он и исполнил! Была бы ему на земле хлеבודарной
Неугасимая слава. А я бы домой воротился!"

Так Одиссей с Алкиноем вели меж собой разговоры.

335 Велено было меж тем белорукой Аретой служанкам

В сени для гостя кровать принести, из подушек красивых,
Пурпурных ложе устроить, покрыть это ложе коврами,
Сверху пушистым застлать одеялом, чтоб им покрываться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из зала,

340 Быстро на прочной кровати постель для него постелили,

После того подошли и приветливо гостю сказали:

"Странник, иди почивать! Постель для тебя уж готова".
Радостно было ему идти, чтоб предаться покою.

Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный

345 Под колоннадою гулко звучащей, в сверленной постели.

Сам Алкиной же в покоях высокого дома улегся,

Где с госпожою супругой делил и кровать и постель он.

Гомер. Одиссея. Песнь восьмая.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встала с постели своей Алкиноя священная сила,

Встал и потомок богов Одиссей, городов разрушитель.

Гостя тотчас повела Алкиноя священная сила

5 К площади, где невдали корабли находились феаков.

К месту пришедши, уселись на гладко отесанных камнях

Рядом друг с другом. Паллада ж Афина пошла через город,

Вестника образ приняв при царе Алкиное разумном,

В мыслях имея своих возвращенье домой Одиссея.

10 Остановившись пред каждым, Афина ему говорила:

"Ну же, скорее, вожди и советники славных феаков!

Все собирайтесь на площадь, чтоб там чужеземца послушать.

Только недавно он в дом Алкиноя разумного прибыл,

Вытерпев в море крушенье. Бессмертным подобен он видом".

15 Так возбудила она любопытство и рвение в каждом.

Смертные быстро сошлись, заполняя сиденья и площадь.

Много граждан пришло в изумленье большое, увидев

Многоразумного сына Лаэрта. Афина излила

Невыразимую прелесть на плечи и голову гостя,

20 Сделала выше его и полнее на вид, чтоб милее

Стал он собравшимся всем феакийским мужам, чтоб внушил им

Страх и почтенье к себе, чтоб во всех одержал он победу

Играх, в которых они испытать Одиссея хотели.

После того как сошлись и толпа собралась большая,

25 С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:

"К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков:

Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает.

Этот вот странник, - а кто он, не знаю, - в скитаниях прибыл

В дом мой сюда из восточных иль западных стран иноземных.

30 Просит отправки домой и срок умоляет назначить.

Мы, как всегда, переезд ему этот охотно устроим:

Нет никого и не будет такого, кто, в дом мой пришедши,

Долго б у нас в ожиданьи сидел, об отъезде тоскуя.

Спустим же черный корабль, отправляемый плавать впервые,

35 В море священное. Юношей двух и еще пятьдесят к ним

Выберем в целом народе, кто всех наиболее надежен.

Все они пусть свои весла привяжут к уключинам, сами ж

Выйдут и, в дом наш пришедши, заботу приложат, чтоб быстро

Справить обед, а уж я в изобильи всего приготовлю.

40 Юношам это я сделать даю приказанье. Другие ж

Все вы, цари-скиптроносцы, в прекрасный дворец мой придите,

Там угостим мы радушно прибывшего к нам чужестранца.

Ни от кого пусть отказа не будет. На пир позовите

И Демодока, певца. Бог дал ему сердце нам песней

45 Радовать, как бы о чем ему петь ни велело желанье".

Так он сказал и пошел. А следом за ним скиптроносцы.

Вестник пошел за певцом, Демодоком божественным. Двое

Выбранных юношей, с ними других пятьдесят, как велел он,

К берегу быстро пошли всегда беспокойного моря.

50 К морю и к ждавшему их кораблю подошли они скоро.

Сдвинули прежде всего корабль на глубокую воду,

Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,

К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,

Как полагается все, и потом паруса распустили,

55 В месте глубоком корабль укрепили. Все это окончив,

К дому большому пошли Алкиноя, разумного духом.

Мужи заполнили двор, колоннады и комнаты дома.

Все собрались во дворец - и старые и молодые.

К пиру велел Алкиной двенадцать баранов зарезать,

60 Восемь свиней белозубых и пару быков тяжконогих.

Кожу содрали, рассекли и пир приготовили пышный.

Всем дорогого певца привел в это время глашатай.

Муза его возлюбила, но злом и добром одарила:

Зренья лишила его, но дала ему сладкие песни.

65 Кресло ему Понтоной среброгвоздное в зале поставил

Посреди пировавших, придвинув к высокой колонне,

Над головою его на гвозде он повесил формингу

Звонкую, давши слепцу до нее прикоснуться руками.

Возле поставил корзину прекрасную, стол пододвинув,

70 Рядом же - кубок, чтоб пил, как только он духом захочет.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как желанье питья и еды утолили,

Муза внушила певцу пропеть им сказанье из ряда

Песен, молва о которых до самых небес достигала.

75 Пел он о ссоре царя Одиссея с Пелеевым сыном,

Как, на пиршестве пышном бессмертных, неистово оба

Между собой разругались; владыка ж мужей Агамемнон

Рад был безмерно, что ссора меж лучших возникла ахейцев;

Знаменьем добрым была эта ссора: в Пифоне священном

80 Так ему Феб предсказал, когда чрез порог перешел он

Каменный с целью спросить оракула: бедствий начало

Зевс в это время как раз накатил на троян и ахейцев.

Вот про это и пел знаменитый певец. Свой широкий

Пурпурный плащ Одиссей, мускулистыми взявши руками,

85 Сдвинул чрез голову вниз и лицо в нем прекрасное спрятал.

Стыдно было ему проливать пред феаками слезы.

Каждый раз, лишь кончал певец тот божественный пенье,

Плащ спускал Одиссей с головы своей, вытерев слезы,

Чашу двуручную брал и творил возлиянье бессмертным.

90 Только, однако, опять начинал он и знатные гости

Петь побуждали его, восторгаясь прекрасною песней, -

Снова вздыхал Одиссей, плащом с головою покрывшись.

Скрытыми слезы его для всех остальных оставались,

Только один Алкиной те слезы заметил и видел,

95 Сидя вблизи от него и вздохи тяжелые слыша.

К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:

"К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!

Дух свой насытили мы для всех одинаковым пиром,

Также формингою звонкой, цветущею спутницей пира.

100 Выйдем отсюда теперь, к состязаньям различным приступим,

Чтоб чужестранец, домой воротившись к друзьям своим милым,

Мог рассказать им, насколько мы всех остальных превосходим

В бое кулачном, в прыжках, в борьбе и стремительном беге".

Так он сказал и пошел. А следом за ним остальные.

105 Вестник повесил на гвоздь формингу певца Демодока,

За руку взял Демодока и вывел его из столовой.

Той же дорогою вел он его, какой и другие

Знатные шли феакийцы, желавшие игры увидеть.

Все они к площади шли. А за ними народ несчислимый

110 Следом валил. И тогда благородные юноши встали.

Встали и вышли вперед Акроней, Окиал с Елатреем,

Следом Навтей и Примней, за ними Понтей с Анхиалом,
Также Анабесиней и Прорей, Фоон с Еретмеем,
И Амфиал, Полинеем, Тектоновым сыном, рожденный.

115 Вышел еще Евриал Навболид, с людобойцем Аресом
Схожий; и видом и ростом он всех превышал феакийцев.
С Лаодамантом одним он ни тем, ни другим не равнялся.
На состязание вышли и трое сынов Алкиноя:
Лаодамант, Клитоней, подобный бессмертным, и Галий.

120 Было объявлено первым из всех состязание в беге.
Бег с черты начался. И бросились все они разом
И по равнине помчались стремительно, пыль поднимая.
На ноги был быстрходнее всех Клитоней безупречный:
Сколько без отдыха мулы проходят под плугом по пашне,

125 Ровно настолько других обогнал он и сзади оставил.
Вышли другие потом на борьбу, приносящую муки.

В ней победил Евриал, превзошедший искусством и лучших.

В прыганьи взял Амфиал преимущество перед другими,

В дискометаньи искуснее всех Елатрей оказался,

130 В бое кулачном же - Лаодамант, Алкиноем рожденный.

После того как насытили все они играми сердце,

Лаодамант, Алкиноем рожденный, к ним так обратился:

"Спросим-ка с вами, друзья, чужестранца, в каких

состязаньях

Опытен он и умел. Ведь ростом совсем он не низок,

135 Голени, бедра и руки над ними исполнены силы,

Шея его мускулиста, и сила как будто большая.

Также годами не стар он, лишь бедами сломлен большими.

Думаю я, ничего не бывает зловреднее моря:

Самого крепкого мужа способно оно обессилить".

140 Так он сказал. Евриал, ему отвечая, промолвил:

"Лаодамант! Весьма произнес ты разумное слово!

К гостю сам подойди и свое предложение сделай".

Доблестный сын Алкиноя едва только это услышал,

Вышел, и встал в середине, и так Одиссею промолвил:

145 "Ну-ка, отец чужеземец, вступи-ка и ты в состязанье,

Если искусен в каком. А должен бы быть ты искусен.

Ведь на земле человеку дает наибольшую славу

То, что ногами своими свершает он или руками.

Выйди, себя покажи и рассей в своем духе печали:

150 Твой ведь отъезд уж теперь недалек. Корабль быстроходный

На воду с берега спущен, товарищи наши готовы".

И, отвечая ему, сказал Одиссей многоумный:

"Лаодамант, не в насмешку ль вы мне предлагаете это?

Не состязанья в уме у меня, а труды и страданья, -

155 Все, что в таком изобильи пришлось претерпеть мне доселе.

Нынче же здесь, вот на этом собраньи, тоскуя сижу я,
О возвращеньи домой и царя и народ умоляя".

Прямо в лицо насмехаясь, сказал Евриал Одиссею:

"Нет, чужестранец, тебя не сравнил бы я с мужем, искусным

160 В играх, которых так много везде у людей существует!

Больше похож ты на мужа, который моря объезжает
В многовесельном судне во главе мореходцев-торговцев,
Чтобы, продав свой товар и опять корабли нагрузивши,
Больше нажить барыша. На борца же совсем не похож ты!"

165 Грозно взглянув на него, отвечал Одиссей многоумный:

"Нехорошо ты сказал! Человек нечестивый ты, видно!
Боги не всякого всем наделяют. Не все обладают
И красноречьем, и видом прекрасным, и разумом мудрым.
С виду иной человек совершенно как будто ничтожен,

170 Слову ж его божество придает несказанную прелесть;

Всем он словами внушает восторг, говорит без запинки,
Мягко, почтительно. Каждый его на собраньи заметит.
В городе все на него, повстречавшись, глядят, как на бога.
С богом бессмертным другой совершенно наружностью сходен,

175 Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.

Так и с тобою: наружностью ты выдаешься меж всеми,
Лучше и бог бы тебя не создал. Но разумом скуден.

Дух мне в груди взволновал ты своей непристойною речью.

Нет, не безопытен я в состязаньях, как ты утверждаешь.

180 Думаю я, что на них между первыми был я в то время,

Как еще мог полагаться на юность свою и на руки.

Нынче ж ослаб я от бед и скорбей. Претерпел я немало

В битвах жестоких с врагами, в волнах разъяренного моря.

Все же и так, столько бед претерпев, в состязанье вступаю!

185 Язвенно слово твое. Разжег ты меня этим словом!"

Так он сказал, поднялся и, плаща не снимая, огромный

Диск рукою схватил, тяжелее намного и толще

Диска, которым пред тем состязались феаки друг с другом,

И, размахавши, его запустил мускулистой рукою.

190 Камень, жужжа, полетел. Полет его страшный услышав,

К самой присели земле длинновеслые мужи феаки,

Славные дети морей. Из руки его вылетев быстро,

Диск далеко за другими упал. Уподобившись мужу,

Знаком отметила место Афина и так объявила:

195 "Даже слепой отличил бы на ощупь твой знак, чужестранец!

Ибо лежит он не в куче средь всех остальных, а гораздо

Дальше их всех. Ободрись! За тобою осталась победа!

Так же, как ты, или дальше никто из феаков не бросит!"

Так сказала Афина, и радость взяла Одиссея,

200 Что на собраньи нашелся товарищ, к нему благосклонный.

На сердце сделалось легче, и так продолжал говорить он:

"Юноши, прежде добросьте до этого диска: а следом

Брошу другой я, и так же далеко; быть может, и дальше.

Я и других приглашаю к другим состязаньям, которых

205 Только их дух пожелает. Уж больно я вами рассержен!

Бег ли, борьба ли, кулачный ли бой - на все я согласен!

С Лаодамантом одним я ни в чем состязаться не стану:

Здесь ведь хозяин он мне: кто станет с хозяином биться."

Должен быть дураком, ни на что человеком не годным

210 Тот, кто в чужой стороне хозяину делает вызов

На состязанье: себе самому только вред принесет он.

Из остальных же на всех я пойду, никого не отвергну.

Каждого рад я при встрече познать и себя испытать с ним.

Сколько ни есть среди мужей состязаний, не плох ни в одном я.

215 Руки недурно мои полированным луком владеют:

Прежде других поражу я противника острой стрелою

В гуще врагов, хоть кругом бы и очень товарищей много

Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.

Луком один Филоктет меня побеждал неизменно

220 Под Илионом, когда мы, ахейцы, в стрельбе состязались;

Что же до прочих, то лучше меня никого, полагаю,

Нет теперь между смертных людей, кто питается хлебом.

Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы -

Против Геракла иль против Еврита, царя Эхалии.

225 Луком не раз состязались они и с самими богами,

Вот почему и погиб великий Еврит, не достигнув

Старости в доме своем; умертвил Аполлон его - в гневе,

Что его вызвать посмел он в стрельбе состязаться из лука.

Дальше могу я достигнуть копьем, чем иные стрелю.

230 Только боюсь, чтоб ногами меня кто-нибудь из феаков

Не победил: истощили меня не совсем, как обычно,

Ярые волны морские: не всю ведь дорогу проделал

На корабле я сюда. И члены мои ослабели".

Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.

235 Только один Алкиной, ему отвечая, промолвил:

"Странник, сказать ничего нам обидного ты не желаешь,

Но лишь присущую хочешь тебе показать добродетель

В гневе, что этот вот муж тебя оскорбил пред собранием.

Нет, добродетели, странник, твоей ни один не оспорит,

240 Слово умеющий молвить, согласное с здравым рассудком.

Выслушай слово теперь и мое, чтоб мужам благородным

Мог ты его повторить, когда, со своею супругой

И со своими детьми у себя беззаботно пируя,

О добродетелях вспомнишь, какие Зевес-промыслитель

245 Издавна, с самых еще отцовских времен, даровал нам.

Мы ни в кулачном бою, ни в борьбе далеко не отличны.

На ноги быстры зато, мореходцы же - первые в мире.

Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару,

Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе.

250 Ну-ка, идите сюда, танцовщики лучшие наши,

Гостю искусство свое покажите, чтоб, в дом свой вернувшись,

Мог он друзьям рассказать, насколько мы всех превосходим

В плавании по морю, в ног быстроте и в пеньи и в пляске.

Для Демодока же пусть кто-нибудь за формингою сходит

255 Звонкою - где-то она у меня здесь находится в доме".

Так Алкиной боговидный сказал, и тотчас же глашатай

К царскому дому пошел и с полой вернулся формингой.

Распорядители, девять числом, избранцы народа,

Встали. Для игрища все приготавливать было их дело.

260 Выровняв место, они от площадки народ оттеснили.

Вестник пришел между тем и принес Демодоку формингу

Звонкую. Вышел певец в середину. Его окружили

Юноши в первой поре возмужалости, ловкие в плясках,

И по площадке священной затопали враз. Одиссей же

265 Взглядом следил, как их ноги мелькали, и духом дивился.

Тот играл на форминге и голосом начал прекрасным

Петь, как слюбились Арес с Афродитой красивовеночной,
Как они в доме Гефеста в любви сопряглися впервые
Тайно; Арес, ей немало даров подарив, обесчестил

270 Ложе Гефеста-владыки. Тотчас Гелиос к нему с вестью

Этой явился, - он видел, как те, обнимаясь, лежали.

Только услышал Гефест это боль приносящее слово,

В кузню к себе он пошел, на обоих замыслив худое,

И, наковальню на плаху поставивши, выковал сети

275 Нерасторжимые, чтобы их крепко держали, поймавши.

Хитрый окончивши труд и злобой к Аресу пылая,

В спальню к себе он пошел, где ложе его находилось,

Ножки кровати вокруг отовсюду опутал сетями

И с потолка эти сети спустил паутиною тонкой,

280 Так что не только никто из людей увидеть их не мог бы,

Но и из вечных богов, - до того их искусно сковал он.

Эти тончайшие сети вокруг ложа коварно раскинув,

Сделал он вид, что на Лемнос отправился, в тот благоданный

Город, который меж всех он земель наиболее любит.

285 Не был слеп, следя за Гефестом, Арес златокудрый.

Только что прочь удалился Гефест, знаменитый художник,

Быстро направил Арес шаги свои к дому Гефеста,

Жаждая страстно любви Кифереи красивовеночной.

Та лишь недавно вернулась домой от родителя Зевса
290 И, отдыхая, сидела. Вошел он во внутренность дома,
За руку взял Афродиту, по имени назвал и молвил:
"Милая, ляжем в постель, насладимся с тобою любовью!
Нету ведь дома Гефеста. Вершины Олимпа покинув,
К синтиям грубоголым на Лемнос отправился муж твой".
295 Так ей сказал он. И с радостью с ним улеглась Афродита.
Лежа в постели, заснули они напоследок. Внезапно
Тонкие сети Гефеста с такой охватили их силой,
Что ни подняться они не могли, ни двинуться членом.
Тут они поняли оба, что бегство для них невозможно.
300 Близко пред ними предстал знаменитый хромец обоногий.
Прежде чем в Лемнос прибыть, с дороги домой он вернулся:
Зорко следивший за всем Гелиос известил его тотчас.
Милым печалуясь сердцем, вбежал во дворец он поспешно,
Остановился в дверях, охваченный яростью дикой,
305 И завопил во весь голос, богов созывая бессмертных:
"Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Вот посмотрите на это смешное и гнусное дело, -
Как постоянно бесчестит меня, хромонокого, Зевса
Дочь, Афродита-жена, как бесстыдного любит Ареса!
310 Он крепконог и прекрасен на вид, а я хромоногим
На свет родился. Однако виновен-то в этом не я же, -

Только родителей двое, родившие так меня на свет.

Вот посмотрите, как оба, любовно обнявшись друг с другом,

Спят на постели моей! Как горько смотреть мне на это!

315 Но я надеюсь, что больше им так уж лежать не придется,

Как ни любили б друг друга. Пройдет у них скоро охота!

Будут теперь их держать здесь искусные сети, доколе

Всех целиком не отдаст мне родитель супруги подарков,

Мною врученных ему за бесстыдную женщину эту!

320 Дочь хоть прекрасна его, но как же разнуздана нравом!"

Так он сказал. Во дворец меднозданный собрались боги.

Тотчас пришел Посейдон-земледержец, пришел и владыка

Феб Аполлон дальнострельный, пришел и Гермес-благодаеть.

Что до богинь, то они из стыдливости дома остались.

325 Вечные боги, податели благ, столпились у входа.

Смех овладел неугасный блаженными всеми богами,

Как увидали они, что Гефест смастерил многоумный.

Так не один говорил, поглядев на стоявшего рядом:

"Злое не в прок. Над проворством тут медленность верх
одержала.

330 Как ни хромает Гефест, но поймал он Ареса, который

Всех быстротой превосходит богов, на Олимпе живущих.

Взят он искусством - и вот с него пеня за брак оскорбленный!"

Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.

Зевсов сын, Аполлон-повелитель, Гермесу промолвил:

335 "Ну-ка, скажи, сын Зевса, Гермес, Благодавец, Вожатый!

Не пожелал ли бы ты, даже крепкой окутанный сетью,

Здесь на постели лежать с золотой Афродитою рядом?"

Аргоубийца-вожатый тотчас Аполлону ответил:

"Если бы это случилось, о царь Аполлон дальнострельный, -

340 Пусть бы опутан я был хоть бы втрое крепчайшею сетью, -

Пусть бы хоть все на меня вы глядели богини и боги, -

Только бы мне тут лежать с золотой Афродитою рядом!"

Так он сказал. Поднялся меж богами бессмертными хохот.

Смех одного Посейдона не брал. Умолял он Гефеста,

345 Славного дивным искусством, чтоб дал он свободу Аресу.

Громко к нему со словами крылатыми он обратился:

"Освободи. Я тебе за него поручусь, как прикажешь;

Плату тебе при богах свидетелях всю он заплатит".

Но, возражая, сказал знаменитый хромец обоногий:

350 "Этого - нет, не проси у меня, Посейдон-земледержец!

Плохо, когда поручитель поруку дает за плохого.

Как же тебя при богах свидетелях мог бы связать я,

Если б Арес ускользнул и от сети моей и от платы?"

И, отвечая, сказал Посейдон, сотрясающий землю:

355 "Если даже Арес, ускользнув от условленной платы,

Скроется бегством, то все тебе сам за него заплачу я".

Быстро на это сказал знаменитый хромец обоногий:

"Просьбу твою я никак не могу и не смею отвергнуть".

Это ответивши, сеть распустила Гефестова сила.

360 Освободившись от уз неразрывных, и бог и богиня

Оба мгновенно вскочили. Арес во Фракию умчался,

В Кипр унеслась Афродита улыбкалюбивая, в Пафос.

В Пафосе есть у нее алтарь благовонный и роща.

Там искупали богиню хариты и тело натерли

365 Маслом нетленным, какое обычно для вечно живущих,

И облекли ее в платье прелестное, диво для взоров.

Так им пел знаменитый певец. Одиссей его слушал

И наслаждался в душе. Наслаждались равно и другие-

Славные дети морей, длинновеслые мужи феаки.

370 Лаодаманту и Галию дал Алкиной приказанье,

Чтоб в одиночку сплясали: никто с ними спорить не смог бы.

Взяли тотчас они в руки пурпуровый мяч превосходный;

Был этот мяч изготовлен для них многоумным Полибом.

Мяч тот, откинувшись сильно, один под тенисты тучи

375 Быстро бросал, а другой, от земли подскочивши высоко,

Ловко ловил его прежде, ч-м почвы касался ногами.

После того же как в мяч они, прыгая вверх, наигрались,

Стали оба уж просто плясать по земле многодарной,

Часто сменяясь: другие же юноши, их обступивши,

380 Хлопали мерно в ладони. И шум получался немалый.

Тут Алкиною-царю сказал Одиссей богоравный:

"Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!

Ты похвалился, что с вами никто не сравняется в пляске, -

Правда твоя! Это видел я сам и безмерно дивлюся!"

385 В радость при этом пришла Алкиноя священная сила.

К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:

"К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!

Этот странник, как кажется мне, чрезвычайно разумен.

Надобно нам предложить по обычаю гостю подарки.

390 Правят ведь в нашей стране двенадцать царей превосходных

Нашим могучим народом: меж ними тринадцатый сам я.

Свежевымытый плащ и хитон и еще по таланту

Ценного золота каждый из них пусть для гостя доставит.

Тотчас же эти дары принесем, чтоб, в руках их имея,

395 С радостным духом пошел чужестранец на пиршество наше.

А Евриал пусть вину перед гостем искупит как словом,

Так и подарком: весьма говорил неприлично он с гостем".

Так сказал Алкиной. И одобрили все его слово.

Вестника каждый послал за подарком своим чужестранцу.

400 А Евриал, отвечая царю Алкиною, промолвил:

"Царь Алкиной, меж всех феакийских мужей наилучший!

Гостю доставить я рад возмещение, как приказал ты.

В дар я вручу ему меч целомедный с серебряной ручкой,

В крепких ножнах из недавно распиленной кости слоновой,

405 Много будет достоин подарок блистательный этот!"

Так сказав, ему в руки вложил он свой меч среброгвоздный

И со словами крылатыми громко к нему обратился:

"Радуйся много, отец чужеземец! И если сказал я

Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет!

410 Пусть тебе боги дадут и жену увидеть и в отчизну

Скоро вернуться: давно уж вдали ты от близких страдаешь".

И, отвечая ему, сказал Одиссей хитроумный:

"Радуйся, друг мой, и ты, да пошлют тебе счастье боги!

Пусть никогда и потом не раскаешься ты, что прекрасный

415 Мне этот меч подарил, словами со мной примирившись".

Так он ответил и меч среброгвоздный накиннул на плечи.

Солнце зашло, и ему доставлены были подарки.

Славные вестники все их в жилище внесли Алкиноя.

Там сыновья Алкиноя могучего взяли подарки.

420 К матери их отнесли, уважаемой всеми Арете.

Всех за собой повела Алкиноя священная сила.

В дом вошедши, они в высокие кресла уселись,

И обратилась тогда Алкиноева сила к Арете:

"Ну-ка, жена, принеси нам сундук, изо всех наилучший!

425 В этот сундук свежeweмытый плащ и хитон ты положишь,

Жаркий огонь под котлом разожгите и воду согрейте,

Чтобы, помывшись и видя лежащие в полном порядке

Все дары, что феаки сюда принесли чужестранцу,

Пиршеством он наслаждался у нас и слушал бы песни.

430 Я ж ему эту чашу прекрасную дам золотую,

Чтобы, все дни обо мне вспоминая, творил возлиянья

В доме своем и Крониду отцу и прочим бессмертным".

Так сказал Алкиной. И рабыням велела Арета

Медный треножник большой на огонь поскорее поставить.

435 Те, поставив треногий котел на пылавшее пламя,

Влили воды до краев и дров под котел подложили.

Брюхо сосуда огонь охватил. Вода согревалась.

Из кладовой между тем сундук превосходный Арета

Вынесла гостю, в сундук дорогие сложила подарки -

440 Платье и золото все, что феаки ему надавали.

А от себя еще плащ положила прекрасный с хитоном.

К гостю Арета потом обратилась со словом крылатым:

"Крышку теперь огляди и сундук завяжи поскорее,

Чтобы в дороге чего у тебя не украли, покуда

445 Сладким ты будешь покоиться сном в корабле чернобоком",

Это когда услышал Одиссей, в испытаниях твердый,

Тотчас крышку приладив, сундук завязал поскорее

Хитрым узлом, как Цирцея его обучила когда-то.

Тут же ключница в ванну ему пойти предложила,

450 Чтобы помыться. И радость его охватила при виде

Ванны горячей. С тех пор как дом он Калипсо покинул,

Видеть заботу ему о себе приходилось не часто.

Там же забота о нем постоянна была, как о божестве!

Вымывши в ванне, рабыни всего его маслом натерли,

455 В плащ прекрасный потом и хитон облекли его плечи.

Выйдя из ванны, пошел он к мужам, уж вино распивавшим.

Дочь Алкиноя, красу от богов получившая вечных,

Возле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.

На Одиссея она с большим восхищеньем смотрела

460 И со словами к нему окрыленными так обратилась:

"Радуйся, странник, и помни меня, как вернешься в отчизну.

Мне ты ведь прежде всего спасением жизни обязан".

Ей отвечая, тотчас же сказал Одиссей многоумный:

"Высокодушного дочь Алкиноя царя, Навсикая!

465 Только бы Зевс-промыслитель, супруг громомечущий Геры,

Дал мне домой воротиться и день возвращенья увидеть,

Там не устану тебе возносить я молитвы, как богу,

В вечные веки: ведь жизнь-то мне, дева, ты сохранила!"

Молвил и рядом с царем Алкиноем уселся на кресло.

470 Было уж роздано мясо, в кратерах вино намешали.

Всем дорогого певца привел в это время глашатай,

Чтимого целым народом слепца Демодока. Его он

Между гостей усадил, спиною к высокой колонне.

К вестнику тут обратясь, сказал Одиссей многоумный,

475 Жирный кусок от хребта белозубого вепря отрезав.

Большую часть от него для себя он, однако, оставил:

"Вестник, возьми это мясо, снеси Демодоку, чтоб съел он.

Рад я вниманье ему оказать, хоть и очень печалюсь.

Честь певцам и почет воздавать все обязаны люди,

480 Что на земле обитают: ведь пенью певцов обучила

Муза сама, и племя певцов она любит сердечно".

Вестник тотчас же пошел. И герою-певцу Демодоку

Передал мясо. И принял певец его, радуясь духом.

Руки немедленно к пище готовой они протянули,

485 После того как желанье питья и еды утолили,

Так Демодоку сказал Одиссей, в испытаниях твердый:

"Выше всех людей, Демодок, я тебя бы поставил!

Иль Аполлоном самим, иль Музой обучен ты пенью.

Больно уж верно поешь ты про все, что постигло ахейцев,

490 Что они сделали, сколько трудились и сколько страдали,

Словно иль сам ты все это видел, иль от видевших слышал.

Ну-ка, к другому теперь перейди, расскажи, как Епеем

С помощью девы Афины построен был конь деревянный,

Как его хитростью ввел Одиссей богоравный в акрополь,

495 Внутрь поместивши мужей, Илион разоривших священней.

Если так же об этом ты все нам расскажешь, как было,

Тотчас всем людям скажу я тогда, что бог благосклонный

Даром тебя наградил и боги внушают те песни".

Так он сказал. И запел Демодок, преисполненный бога.

500 Начал с того он, как все в кораблях прочнопалубных в море

Вышли данайцев сыны, как огонь они бросили в стан свой,

А уж первейшие мужи сидели вокруг Одиссея

Средь прибежавших троянцев, сокрывшись в коне деревянном.

Сами троянцы коня напоследок в акрополь втащили.

505 Он там стоял, а они без конца и без толку кричали,

Сидя вокруг. Между трех они все колебались решений:

Либо полое зданье погибельной медью разрушить,

Либо, на край притащив, со скалы его сбросить высокой,

Либо оставить на месте, как вечным богам приношенье.

510 Это последнее было как раз и должно совершиться,

Ибо решила судьба, что падет Илион, если в стены

Примет большого коня деревянного, где аргивяне

Были запрятаны, смерть и убийство готова троянцам.

Пел он о том, как ахейцы разрушили город высокий,

515 Чрево коня отворивши и выйдя из полой засады;

Как по различным местам высокой рассыпались Трои,

Как Одиссей, словно грозный Арес, к Деифобову дому

Вместе с царем Менелаем, подобным богам, устремился,

Как на ужаснейший бой он решился с врагами, разбивши

520 Всех их при помощи духом высокой Паллады Афины.

Это пел знаменитый певец. Непрерывные слезы

Из-под бровей Одиссея лицо у него увлажняли.

Так же, как женщина плачет, упавши на тело супруга,

Павшего в первых рядах за край свой родной и за граждан,

525 Чтоб отвратить от детей и от города злую погибель:

Видя, что муж дорогой ее в судорогах бьется предсмертных,

С воплем к нему припадает она, а враги, беспощадно

Древками копий ее по спине и плечам избивая,

В рабство уводят с собой на труды и великие беды.

530 Блекнут щеки ее в возбуждающей жалость печали, -

Так же жалостно слезы струились из глаз Одиссея.

Скрытыми слезы его для всех остальных оставались,

Только один Алкиной те слезы заметил и видел,

Сидя вблизи от него и вздохи тяжелые слыша.

535 К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:

"К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!

Пусть играть Демодок перестанет на звонкой форминге.

Радость пеньем своим он вовсе не всем доставляет.

С самых тех пор, как за ужином мы и певец нам поет здесь,

540 Не прекращает все время, как вижу я, горького плача

Гость наш; большое какое-то горе его угнетает.

Пусть же певец перестанет, чтоб все мы равно наслаждались,

Гость и хозяева. Так оно будет намного прекрасней:

Все ведь мы делаем здесь для почтенного нашего гостя -

545 Мы и готовим отъезд и подносим с любовью подарки.

Всякий просящий защиты и странник является братом

Мужу, который хотя бы чуть-чуть прикоснулся к рассудку.

Вот почему не скрывай ты от нас осторожною мыслью

То, что тебя я спрошу. Разумнее будет ответить.

550 Имя скажи нам, каким тебя мать и отец называли

Вместе со всеми, кто в городе жил и вокруг города также.

Нет никого совершенно, как только на свет он родится,

Средь благородных иль низких людей, кто бы был безымянным.

Каждому, только родивши, дают уж родители имя.

555 Так назови же мне землю свою, государство и город,

Чтобы, тебя отвозя, туда свою мысль направляли

Наши суда: у феаков на них не имеется кормчих,

Нет и руля, как у всех остальных кораблей мореходных.

Сами они понимают и мысли мужей и стремленья,

560 Знают и все города и все плодоносные нивы

Смертных людей; через бездны морские, сквозь мглу и туманы

Быстро мчатся они и все ж не боятся нисколько

Вред на волнах претерпеть или в море от бури погибнуть.

Но от отца моего Навсифоя пришлось мне когда-то

565 Вот что узнать: говорил он, сердит на феаков жестоко

Бог Посейдон, что домой невредимыми всех мы развозим.

Некогда, он утверждал, феакийский корабль многопрочный

При возвращеньи обратно по мглисто-туманному морю

Бог разобьет и высокой горою наш город закроет.

570 Так говорил мне старик. А исполнит ли то Земледержец

Иль не исполнит, пусть будет по воле великого бога.

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

Как заблудился ты, что за края тебе видеть пришлось,

Где побывал в городах и к людям каким попадал ты,

575 К диким ли, духом надменным и знать не желающим правды,

Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?

Также скажи, почему ты печалишься духом и плачешь,

Слыша рассказ о судьбе аргосских данайцев и Трои?

Боги назначили эту судьбу им и выпряли гибель

580 Людям, чтоб песнями стали они и для дальних потомков.

Может быть, кто у тебя из родни благородной погиб там,
Зять иль тесть? После тех, кто нам близок по крови и роду,
Эти из всех остальных всего нам дороже бывают.

Или погиб у тебя благородный товарищ с приятным

585 Нравом? Нисколько, мы знаем, не хуже и брата родного

Тот из товарищей наших, который разумное знает".

Гомер. Одиссея. Песнь девятая.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Так отвечая ему, сказал Одиссей многоумный:

"Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!

Как мне приятно и сладко внимать песнопеньям прекрасным

Мужа такого, как этот, - по пению равного богу!

5 В жизни, я думаю, нет свершений приятней, чем если

Радостью светлой сердца исполнены в целом народе,

Если, рассевшись один близ другого в чертогах прекрасных,

Слушают гости певца, столы же полны перед ними

Хлеба и жирного мяса; и, черпая смесь из кратера,

10 В кубки ее разливает, гостей обходя, виночерпий.

Это мне из всего представляется самым прекрасным.

Но от меня о плачевных страданиях моих ты желаешь

Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим.

Что же мне прежде, что после и что под конец рассказать вам?

15 Слишком уж много я бед претерпел от богов Уранидов.

Прежде всего я вам имя свое назову, чтобы знали

Вы его, я ж, если час неизбежный меня не настигнет,

Гостем считался бы вашим, хотя и живущим далеко.

Я - Одиссей Лаэртид. Измышленьями хитрыми славен

20 Я между всеми людьми. До небес моя слава доходит.

На издалека заметной Итаке живу я. Гора там

Вверх выдается - Нерит, колеблющий листья. Немало

Там и других островов, недалеких один от другого:

Зам и Дулихий, покрытый лесами обильными Закинф.

25 Плоская наша Итака лежит, обращенная к мраку,

К западу, прочие все - на зарю и на солнце, к востоку.

Почва ее камениста, но юношей крепких питает.

Я же не знаю страны прекраснее милой Итаки.

Нимфа Калипсо меня у себя удержать порывалась

30 В гроте глубоком, желая своим меня сделать супругом;

Также старалась меня удержать чародейка Цирцея

В дальней Эе, желая своим меня сделать супругом:

Духа, однако, в груди мне на это она не склонила.

Слаще нам нет ничего отчизны и сродников наших,

35 Если бы даже в дому богатейшем вдали обитали

Мы на чужой стороне, в отдалении от сродников наших.

Ну, расскажу я тебе о печальном моем возвращении,

Зевсом ниспосланном мне, когда Илион я покинул.

Ветер от стен илионских к Исмару пригнал нас, к киконам.

40 Город я этот разрушил, самих же их гибели предал.

В городе много забравши и женщин и разных сокровищ,

Начали мы их делить, чтоб никто не ушел обделенным.

Стал тут советовать я как можно скорее отсюда

Всем убежать, но меня не послушались глупые люди.

45 Было тут выпито много вина и зарезано было

Много у моря быков криворогих и жирных баранов.

Те между тем из киконов, кто спасся, призвали киконов,

Живших в соседстве, - и больших числом и доблестью лучших,

Внутри материк населявших, умевших прекрасно сражаться

50 И с лошадой, а случится нужда, так и пешими биться.

Столько с зарею явилось их, как цветов или листьев

В пору весны. И тогда перед нами, злосчастными, злая

Зевсова встала судьба, чтобы много мы бед испытали.

Близ кораблей наших быстрых жестокая битва вскипела.

55 Стали мы яро друг в друга метать медноострые копья.

С самого утра все время, как день разрастался священный,

Мы, защищаясь, упорно стояли, хоть было их больше.

Но лишь склонилось солнце к поре, как волов распрягают,

Верх получили киконы, вполне одолевши ахейцев.

60 С каждого судна по шесть сотоварищей наших погибло.

Всем остальным удалось убежать от судьбы и от смерти.

Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,

Сами избегнув конца, но товарищей милых лишившись.

В море, однако, не вывел двухвостых судов я, покуда

65 Трижды каждого мы не позвали из наших несчастных

Спутников, павших на поле в бою под руками киконов.

Тучи собирающий Зевс на суда наши северный ветер

С вихрем неслыханным ринул и скрыл под густейшим туманом

Сушу и море. И ночь ниспустилася с неба на землю.

70 Мчались суда, зарываясь носами в кипящие волны.

Вихрем на три, на четыре куска паруса разорвало.

Мы, испугавшись беды, в корабли их, свернув, уложили,

Сами же веслами стали к ближайшему берегу править.

На берегу мы подряд пролежали два дня и две ночи,

75 И пожирали все время нам дух и печаль и усталость.

Третий день привела за собой пышнокосяя Эос.

Мачты поставив и снова подняв паруса, на суда мы

Сели. Они понеслись, повинуюся ветру и кормчим.

Тут невредимым бы я воротился в родимую землю,

80 Но и волна, и течение, и северный ветер - в то время,

Как огибал я Малею - отбили меня от Киферы.

Девять носили нас дней по обильному рыбою морю

Смертью грозящие ветры. В десятый же день мы приплыли

В край лотофагов, живущих одной лишь цветочною пищей.

85 Выйдя на твердую землю и свежей водою запасшись,

Близ кораблей быстроходных товарищи сели обедать.

После того как едой и питьем мы вполне насладились,

Спутникам верным своим приказал я пойти и разведать,

Что за племя мужей хлебоядных живет в этом крае.

90 Выбрал двух я мужей и глашатая третьим прибавил.

В путь они тотчас пустились и скоро пришли к лотофагам.

Гибели те лотофаги товарищам нашим нисколько

Не замышляли, но дали им лотоса только отведать.

Кто от плода его, меду по сладости равного, вкусит,

95 Тот уж не хочет ни вести подать о себе, ни вернуться,

Но, средь мужей лотофагов оставшись навеки, желает

Лотос вкушать, перестав о своем возвращеньи и думать.

Силою их к кораблям привел я, рыдавших, обратно

И в кораблях наших полых, связав, положил под скамьями.

100 После того остальным приказал я товарищам верным

В быстрые наши суда поскорее войти, чтоб, вкусивши

Лотоса, кто и другой не забыл о возврате в отчизну.

Все они быстро взошли на суда, и к уключинам сели

Следом один за другим, и ударили веслами море.

105 Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем.

Прибыли вскоре в страну мы не знающих правды циклопов,

Гордых и злых. На бессмертных надеясь богов, ни растений

Не насаждают руками циклопы, ни пашни не пашут.

Без пахоты и без сева обильно у них все родится -

110 Белый ячмень и пшеница. Дают виноградные лозы

Множество гроздий, и множат вино в них дожди Громовержца.

Ни совещаний, ни общих собраний у них не бывает.

Между горами они обитают, в глубоких пещерах

Горных высоких вершин. Над женой и детьми у них каждый

115 Суд свой творит полновластно, до прочих же нет ему дела.

Плоский есть там еще островок, в стороне от залива,

Не далеко и не близко лежащий от края циклопов,

Лесом покрытый. В великом там множестве водятся козы

Дикие. Их никогда не пугают шаги человека;

120 Нет охотников там, которые бродят лесами,

Много лишений терпя, по горным вершинам высоким.

Стад никто не пасет, и поля никто там не пашет.

Ни пахоты никакой, ни сева земля там не знает,

Также не знает людей; лишь блеющих коз она кормит.

125 Ибо циклопы не знают еще кораблей краснобоких,

Плотников нет корабельных у них, искусных в постройке
Прочновесельных судов, свое совершающих дело,
Разных людей города посещая, как это обычно
Делают люди, общаясь друг с другом чрез бездны морские.

130 Эти и дикий тот остров смогли бы им сделать цветущим,
Ибо не плох он и вовремя все там могло бы рождаться;
Много лугов там лежит вдоль берега моря седого,
Влажных и мягких: могли бы расти виноградные лозы.
Гладки для пашен поля; богатейшую жатву с посевов

135 Вовремя можно собирать, ибо много под почвою жира.
Гавань удобная там, никаких в ней не нужно причалов -
Якорных камней бросать иль привязывать судно канатом.
К суше пристав с кораблем, мореплавателю там остается,
Сколько захочет, пока не подуют попутные ветры.

140 В самом конце этой бухты бежит из пещеры источник
С светлоструистой водой, обросший вокруг тополями.
В этот залив мы вошли. Благодетельный бог нам какой-то
Путь указал через мрачную ночь: был остров невидим.
Влажный туман окружал корабли. Нам луна не светила

145 С неба высокого. Тучи густые ее закрывали.
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке.
Также не видели мы и высоких, на берег бегущих

Волн до поры, как суда наши прочные врезались в сушу.

К суше пристав, на судах паруса мы немедля спустили,

150 Сами же вышли на берег прибоем шумящего моря

И, в ожидании Эос божественной, спать улеглись.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Вставши, по острову стали бродить мы, немало дивясь.

Нимфы, дочери Зевса эгидодержавного, горных

155 Подняли коз, чтобы было товарищам чем пообедать.

Гнутые луки тогда, длинноострые легкие копья

Из кораблей мы достали и, на три толпы разделившись,

Стали метать. И богатую бог даровал нам добычу.

Было двенадцать со мной кораблей, и досталось по девять

160 Коз на корабль: для себя ж одного отобрал я десяток.

Так мы весь день напролет до зашествия солнца сидели,

Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались:

Ибо еще на судах моих быстрых вино не иссякло

Красное. Много его в амфорах на каждый корабль наш

165 Мы погрузили, священный разрушивши город киконов.

Видели близко мы землю циклопов. С нее доходили

Дым, голоса их самих, овечье и козье блянье.

Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.

Спать мы все улеглись у прибоем шумящего моря.

170 Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.

Всех я тогда на собрание созвал и вот что сказал им:

- Здесь все другие останьтесь, товарищи, мне дорогие!

Я ж на моем корабле и с дружиной моей корабельной

К этим отправлюсь мужам и исследую, кто эти мужи, -

175 Дикие ль, гордые духом и знать не хотящие правды

Или радушные к гостю и с богобоязненным сердцем. -

Так сказав и взойдя на корабль, приказал и другим я,

Севши самим на корабль, развязать судовые причалы.

Тотчас они на корабль поднялись, и к уключинам сели

180 Следом один за другим, и ударили веслами море.

Быстро достигли мы близко лежащего края циклопов.

С самого боку высокую мы увидали пещеру

Близко от моря, над нею - деревья лавровые. Много

Там на ночевку сходилось и коз и овец. Вкруг пещеры

185 Двор простирался высокий с оградой из вкопанных камней,

Сосен больших и дубов, покрытых густою листвою.

Муж великанского роста в пещере той жил. Одиноко

Пас вдалеке от других он барашков и коз. Не водился

С прочими. Был нелюдим, никакого не ведал закона.

190 Выглядел чудом каким-то чудовищным он и несходен

Был с человеком, вкушающим хлеб, а казался вершиной

Лесом поросшей горы, высоко над другими стоящей.

Прочим спутникам верным моим приказал я на берег

Вытащить быстрый корабль и там близ него оставаться.

195 Сам же, выбрав двенадцать товарищей самых надежных,

В путь с ними двинулся. Козий мех захватили с собою

С красным сладким вином. Марон Еванфид его дал нам,

Жрец Аполлона владыки, который Исмар охраняет, -

Дал нам за то, что его пощадили с женой мы и сыном

200 Из уваженья к нему. В Аполлоновой роще тенистой

Жрец обитал. Даров он блистательных дал мне немало:

Золота семь подарил мне талантов в искусных изделиях,

Серебrolитный кратер подарил, а потом еще также

Целых двенадцать амфор мне наполнил вином превосходным,

205 Сладким и чистым, напитком божественным. Ни из служанок,

Ни из рабов о вине том никто в его доме не ведал,

Кроме его самого, супруги и ключницы верной.

Если кто, пить собираясь, один наполнял только кубок

Красным вином этим сладким и двадцать примешивал кубков

210 С чистой водою к вину, то сладчайший, чудеснейший запах

Шел от кратера. Не мог тут никто от питья воздержаться.

Мех большой с тем вином захватил я с собой и мешок с ним

Кожаный с пищею. Дух мой отважный мгновенно почуял,

Что человека я встречу, большой облеченного силой,

215 Дикого духом, ни прав не хотящего знать, ни законов.

Быстро в пещеру вошли мы, но в ней не застали циклопа.

Жирных коз и овец он пас на лугу недалеко.

Все внимательно мы оглядели, вошедши в пещеру.

Полны были корзины сыров; ягнята, козлята

220 В стойлах теснились; по возрасту он разместил их отдельно:

Старших со старшими, средних со средними, новорожденных

С новорожденными; сывороткой были полны все сосуды,

Там же подойники, ведра стояли, готовые к дойке.

Спутники тотчас меня горячо уговаривать стали,

225 Взявши сыров, удалиться, потом же как можно скорее,

Выгнав козлят и барашков из стойл, на корабль быстроходный

Их погрузить и пуститься в дорогу соленою влагой.

Я не послушался их, а намного б то выгодней было!

Видеть его мне хотелось - не даст ли чего мне в подарок.

230 Но не радушным ему предстояло явиться пред нами!

Тут мы костер развели, и жертву свершили, и сами,

Сыра забравши, поели и, сидя в глубокой пещере,

Ждали, покуда со стадом пришел он. Огромную тяжесть

Леса сухого он нес, чтобы ужин на нем приготовить.

235 Сбросил внутри он пещеры дрова с оглушительным шумом.

Сильный испуг охватил нас, мы все по углам разбежались.

Жирных коз и овец загнал великан тот в пещеру -

Всех, которых доят: самцов же, козлов и баранов -

Их он снаружи оставил, в высокой дворовой ограде.

240 Поднял огромный камень и вход заградил им в пещеру -

Тяжким, которого с места никак не сумели бы сдвинуть

Двадцать две телеги четырехколесных добротных.

Вот какую скалою высокою вход заложил он!

Коз и овец подоил, как у всех это принято делать,

245 И подложил сосунка после этого к каждой из маток.

Белого взял молока половину, мгновенно заквасил,

Тут же отжал и сложил в сплетенные прочно корзины,

А половину другую оставил в сосудах, чтоб мог он

Взять и попить молока, чтоб ему оно было на ужин.

250 Все дела, наконец, переделав свои со стараньем,

Яркий костер он разжег - и нас увидал, и спросил нас:

- Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?

Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,

Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,

255 Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам? -

Так говорил он. Разбилось у нас тогда милое сердце.

Грубый голос и облик чудовища в ужас привел нас.

Но, несмотря и на это, ему отвечая, сказал я:

- Мы - ахейцы. Плыдем из-под Трои. Различные ветры

260 Сбили далеко с пути нас над бездной великою моря.

Едем домой. Но другими путями, другою дорогой

Плыть нам пришлось. Таково, очевидно, решение Зевса.

Вождь наш - Атрид Агамемнон: по праву мы хвалимся этим.

Славой сейчас он высокой покрылся по всей поднебесной,

265 Город великий разрушив и много народу избивши.

Мы же, прибывши сюда, к коленям твоим припадаем,

Молим, - прими, угости нас радушно, иль, может, иначе:

Дай нам гостинец, как это в обычае делать с гостями.

Ты же бессмертных почти: умоляем ведь мы о защите.

270 Гостеприимец же Зевс - покровитель гостей и молящих.

Зевс сопутствует гостю. И гости достойны почтения. -

Так я сказал. Свирепо взглянувши, циклоп мне ответил:

- Глуп же ты, странник, иль очень пришел к нам сюда

издалека,

Если меня убеждаешь богов почитать и бояться.

275 Нет нам дела, циклопам, до Зевса-эгидодержавца

И до блаженных богов: мы сами намного их лучше!

Не пощажу ни тебя я из страха Кронидова гнева,

Ни остальных, если собственный дух мне того не прикажет.

Вот что, однако, скажи мне: к какому вы месту пристали

280 На корабле своем - близко ль, далеко ль отсюда, чтоб знать мне. -

Так он выпытывал. Был я достаточно опытен, понял

Сразу его и хитро отвечал ему речью такую:

- Мой уничтожил корабль Посейдон, сотрясающий землю,

Бросив его возле вашей земли о прибрежные скалы

285 Мыса крутого. Сюда занесло к вам судно мое ветром.

Мне же вот с этими вместе от смерти спастись удалось. -

Так я сказал. Он свирепо взглянул, ничего не ответив,

Быстро вскочил, протянул к товарищам мощные руки

И, ухвативши двоих, как щенков, их ударил о землю.

290 По полу мозг заструился, всю землю вокруг увлажняя,

Он же, рассекши обоих на части, поужинал ими, -

Все без остатка сожрал, как лев, горами вскормленный,

Мясо, и внутренность всю, и мозгами богатые кости.

Горько рыдая, мы руки вздымали к родителю Зевсу,

295 Глядя на страшное дело, и что предпринять нам не знали.

После того как циклоп огромное брюхо наполнил

Мясом людским, молоком неразбавленным ужин запил он

И посредине пещеры меж овцами лег, растянувшись.

В духе отважном своем такое я принял решение:

300 Близо к нему подойти и, острый свой меч обнаживши,

В грудь ударить, где печень лежит в грудобрюшной преграде,

Место рукою нащупав. Но мысль удержала другая:

Здесь же на месте постигла б и нас неизбежная гибель;

Мы не смогли бы никак от высокого входа руками

305 Прочь отодвинуть огромный циклопом положенный камень.

Так мы в стенаниях частых священной зари дожидались.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встал он, огонь разложил: как обычно все делают, маток

Всех подоив, подложил сосунка после этого к каждой.

210 Все дела наконец переделав с великим старанием,

Снова товарищей двух он схватил и позавтракал ими.

Завтрак окончивши, стадо свое он погнал из пещеры,

Камень очень легко отодвинув от входа и тотчас

Вход им снова закрыв, как покрывкой колчан закрывают;

315 С криком и свистом погнал циклоп свое жирное стадо

В горы. Оставшись в пещере, я стал размышлять, не удастся ль

Мне как-нибудь отомстить, не даст ли мне славу Афина.

Вот наилучшим какое решение мне показалось:

Подле закуты лежала большая дубина циклопа -

320 Свежий оливковый ствол: ее он срубил и оставил

Сохнуть, чтоб с нею ходить. Она показалась нам схожей

С мачтой на корабле чернобоком двадцативесельном,

Груз развозящем торговый по бездне великого моря.

Вот какой толщины и длины была та дубина.

325 К ней подойдя, от нее отрубил я сажень маховую,
Спутникам отдал обрубок, его приказавши очистить.
Сделали кол они гладким. Его на конце заострил я
Взял и, сунув в костер, обжег на углях раскаленных,
Тщательно после того запрятав в навозе, который

330 Кучей огромной лежал назади, в углубленьи пещеры.

Тем, кто остался в живых, предложил я решить жеребьевкой,
Кто бы осмелился кол заостренный, со мною поднявши,
В глаз циклопу вонзить, как только им сон овладеет.
Жребий выпал на тех, которых как раз и желал я;

335 Было их четверо; сам я меж ними без жребия - пятый.

К вечеру он подошел, гоня густорунное стадо.
Жирное стадо в пещеру просторную тотчас загнал он
Все целиком - никого на высоком дворе не оставил,
Либо предчувствуя что, либо бог его так надоумил.

340 Поднял огромный он камень и вход заградил им в пещеру,

Коз и овец подоил, как у всех это принято делать,
И подложил сосунка после этого к каждой из маток.
Все дела, наконец, переделав свои со стараньем,
Снова товарищей двух он схватил и поужинал ими.

345 Близко тогда подошел я к циклопу и так ему молвил,

Полную черным вином поднося деревянную чашу:
- Выпей вина, о циклоп, человеческого мяса поевши,

Чтобы узнал ты, какой в нашем судне напиток хранился.

Я в подношенье его тебе вез, чтоб меня пожалел ты,

350 Чтобы отправил домой. Но свирепствуешь ты нестерпимо.

Кто же тебя, нечестивец, вперед посетит из живущих

Многих людей, если так беззаконно со мной поступил ты? -

Так говорил я. Он принял и выпил. Понравился страшно

Сладкий напиток ему. Второй он потребовал чаши:

355 - Ну-ка, пожалуйста, дай мне еще и теперь же скажи мне

Имя твое, чтобы мог я порадовать гостя подарком.

Также циклопам в обильи дает плодородная почва

В гроздьях тяжелых вино, и дождь наполняет их соком;

Это ж вино, что поднес ты, - амвросия, нектар чистейший! -

360 Молвил, и снова вина искрометного я ему подал.

Трижды ему подносил я, и трижды, дурак, выпивал он.

После того как вино затуманило ум у циклопа,

С мягкой и вкрадчивой речью такой я к нему обратился:

- Хочешь, циклоп, ты узнать мое знаменитое имя?

365 Я назову его. Ты же обещанный дай мне подарок.

Я называюсь Никто. Мне такое название дали

Мать и отец; и товарищи все меня так величают. -

Так говорил я. Свирепо взглянувши, циклоп мне ответил:

- Самым последним из всех я съем Никого. Перед этим

370 Будут товарищи все его съедены. Вот мой подарок! -

Так он сказал, покачнулся и, навзничь свалился, и, набок
Мощную шею свернувши, лежал. Овладел им тотчас же
Всепокоряющий сон. Через глотку вино изрыгнул он
И человеческого мяса куски. Рвало его спьяну.

375 Тут я обрубок дубины в горящие уголья всунул,

Чтоб накалился конец. А спутников всех я словами
Стал ободрять, чтобы кто, убоясь, не отлынул от дела.
Вскоре конец у дубины оливковой стал разгораться,
Хоть и сырая была. И весь он зарделся ужасно.

380 Ближе к циклопу его из огня подтащил я. Кругом же

Стали товарищи. Бог великую дерзость вдохнул в них.

Взяли обрубок из дикой оливы с концом заостренным,
В глаз вонзили циклопу. А я, упираясь сверху,
Начал обрубок вертеть, как в бревне корабельном вращает

385 Плотник сверло, а другие ремнем его двигают снизу,

Взявшись с обеих сторон; и вертится оно непрерывно.
Так мы в глазу великана обрубок с концом раскаленным
Быстро вертели. Ворочался глаз, обливаемый кровью:
Жаром спалило ему целиком и ресницы и брови;

390 Лопнуло яблоко, влага его под огнем зашипела.

Так же, как если кузнец топор иль большую секиру

Сунет в холодную воду, они же шипят, закаляясь,

И от холодной воды становится крепче железо, -

Так зашипел его глаз вокруг оливковой этой дубины.

395 Страшно и громко завыл он, завывала ответно пещера.

В ужасе бросились в стороны мы от циклопа. Из глаза

Быстро он вырвал обрубок, облитый обильною кровью,

В бешенстве прочь от себя отшвырнул его мощной рукою

И завопил, призывая циклопов, которые жили

400 С ним по соседству средь горных лесистых вершин по пещерам.

Громкие вопли услышав, сбежались они отовсюду,

Вход обступили в пещеру и спрашивать начали, что с ним:

- Что за беда приключилась с тобой, Полифем, что кричишь ты

Чрез амвросийную ночь и сладкого сна нас лишаешь?

405 Иль кто из смертных людей насильно угнал твоё стадо?

Иль самого тебя кто-нибудь губит обманом иль силой? -

Им из пещеры в ответ закричал Полифем многомогущий:

- Други, Никто! Не насилье меня убивает, а хитрость! -

Те, отвечая, к нему обратились со словом крылатым:

410 - Раз ты один и насилья никто над тобой не свершает,

Кто тебя может спасти от болезни великого Зевса?

Тут уж родителю только молись, Посейдону-владыке! -

Так сказавши, ушли. И мое рассмеялось сердце,

Как обманули его мое имя и тонкая хитрость.

415 Охая тяжко и корчась от боли, обшарил руками

Стены циклоп, отодвинул от входа скалу, в середине

Входа в пещеру уселся и руки расставил, надеясь

Тех из нас изловить, кто б со стадом уйти попытался.

Вот каким дураком в своих меня мыслях считал он!

420 Я же обдумывал, как бы всего это лучше устроить,

Чтоб избавленье от смерти найти как товарищам милым,

Так и себе; тут и планов и хитростей ткал я немало.

Дело ведь шло о душе. Беда надвигалась близко.

Вот наилучшим какое решение мне показалось.

425 Было немало баранов кругом, густорунных и жирных,

Очень больших и прекрасных, с фиалково-темною шерстью.

Их потихоньку связал я искусно сплетенной лозою,

Взяв из охапки ее, где спал великан нечестивый.

По три барана связал я; товарища нес под собою

430 Средний; другие же оба его со сторон прикрывали.

Трое баранов несли товарища каждого. Я же...

Был в этом стаде баран, меж всех остальных наилучший.

За спину взявшись его, соскользнул я барану под брюхо

И на руках там повис и, в чудесную шерсть его крепко

435 Пальцами впившись, висел, отважным исполненный духом.

Тяжко вздыхая, прихода божественной Эос мы ждали.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Стал на пастбище он козлов выгонять и баранов.

Матки ж в закутах, еще недоенные, громко блеяли, -

440 Вздупося вымя у них. Хозяин, терзаемый злою

Болью, ощупывал сверху у всех пробегавших баранов

Пышноволнистые спины. Совсем он, глупец, не заметил,

Что привязано было под грудью баранов шерстистых.

Самым последним баран мой наружу пошел, отягченный

445 Шерстью густою и мною, исполнившим замысел хитрый.

Спину ощупав его, сказал Полифем многомошный:

- Ты ли, любимец мой милый? Последним сегодня пещеру

Ты покидаешь; обычно не сзади других ты выходишь:

Первым из всех, величаво шагая, вступаешь на луг ты,

450 Нежно цветущий, и первым к теченьям реки подбегаешь;

Первым с пастбища также спешешь и домой возвратиться

Вечером. Нынче ж - последний меж всеми. Иль ждешь ты, тоскуя,

Глаза хозяйского? Злой человек его начисто выжег,

С помощью спутников жалких, мне чувства вином отуманив.

455 Имя злодею - Никто. И смерти ему не избежать!

Если бы чувствовать мог ты со мною и мог бы сказать мне,

Где от гнева ему моего удастся укрыться,

Я бы о землю ударил его и пещеру повсюду

Мозгом его бы обрызгал. Тогда бы нашло облегчение

460 Сердце мое от беды, что негодный Никто причинил мне. -

Так произнес он и выпустил вон из пещеры барана.

Я недалеко от входа в пещеру и внешней ограды

Первым на ноги стал и, товарищей всех отвязавши,

С ними поспешно погнал тонконогое жирное стадо

465 Длинным обходным путем, пока мы судна не достигли.

Радостно встретили нас товарищи милые наши, -

Тех, кто смерти избег; о погибших же плакали горько.

Плакать, однако, я им не позволил, мигнувши бровями,

Но повелел поскорей, погрузив тонкорунное стадо

470 Все целиком на корабль, пуститься соленою влагой.

Все они быстро взошли на корабль, и к уключинам сели

Следом один за другим, и ударили веслами море.

Столько, однако, отплывши, за сколько кричавшего мужа

Можно услышать, насмешливо я закричал Полифему:

475 - Что же, циклоп? Не у так уж бессильного мужа, как видно,

В полой пещере своей пожрал ты товарищей милых!

Так и должно было, гнусный злодей, приключиться с тобою,

Если ты в доме своем гостей поедать не страшишься.

Это - возмездье тебе от Зевса и прочих бессмертных! -

480 Так я сказал. Охватила его еще большая злоба.

Быстро вершину высокой горы оторвал он и бросил.

Пред кораблем черноносим с огромною силою камень

Грянулся в воду так близко, что чуть не разбил его носа.

Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.

485 Как от морского прибоя, большая волна поднялася,

И подхватила корабль, и к суше назад погнала нас.

Шест длиннейший я в руки схватил и, упершись, корабль наш

В сторону прочь оттолкнул: ободряя товарищей, молча

Им головою кивнул, на весла налечь призывая,

490 Чтобы спастись нам. Нагнулись они и ударили в весла.

Только лишь вдвое настолько ж от острова мы удалились,

Снова циклопу собрался я крикнуть. Товарищи в страхе

Наперерыв меня стали удерживать мягкой речью:

- Дерзкий! Зачем раздражаешь ты этого дикого мужа?

495 В море швырнувши утес, обратно погнал он корабль наш

К суше, и думали мы, что уж гибели нам не избегнуть.

Если теперь он чей голос иль слово какое услышит, -

И корабельные бревна и головы нам раздробит он,

Мрамор швырнув остробокий: добросить до нас он сумеет. -

500 Но не могли убедить моего они смелого духа.

Злобой неистовой в сердце горя, я ответил циклопу:

- Если, циклоп, из смертных людей кто-нибудь тебя спросит,

Кто так позорно тебя ослепил, то ему ты ответишь:

То Одиссей, городов разрушитель, выколол глаз мне,
505 Сын он Лаërта, имеющий дом на Итаке скалистой. -

Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:

- Горе! Сбылось надо мной предсказание древнее нынче!

Был здесь один предсказатель, прекрасный на вид и высокий,

Сын Еврима Телам, знаменитейший в людях провидец.

510 Жил и состарился он, прорицая циклопам в земле их.

Он предсказал мне, что это как раз и случится со мною, -

Что от руки Одиссея я зренье свое потеряю.

Ждал я все время, однако: придет и большой и прекрасный

Муж к нам какой-то сюда, облеченный великою силой.

515 Вместо того малорослый урод, человечешко хилый,

Зренье отнял у меня, вином перед этим смиривши!

Что ж, Одиссей, воротись, чтоб мог тебе дать я подарок

И упросить Земледержца послать тебе путь безопасный.

Сыном ему прихожусь я, и хвалится он, что отец мне.

520 Он лишь один излечить меня мог бы, когда захотел бы:

Кроме него же никто из блаженных богов или смертных. -

Так циклоп говорил. Но, ему возражая, сказал я:

- О, если б мог я, лишивши тебя и дыханья и жизни,

Так же верно тебя к Аиду отправить, как верно

525 То, что уж глаза тебе даже сам Посейдон не излечит! -

Так я ответил. Тогда Посейдону он начал молиться,

Обе руки простирая наверх, к многозвездному небу:

- Слух преклони, Посейдон, черновласый Земли Колебатель!

Если я впрямь тебе сын и хвалишься ты, что отец мне, -

530 Дай, чтоб домой не попал Одиссей, городов разрушитель,

Сын Лаэрттов, имеющий дом на Итаке скалистой.

Если ж судьба ему близких увидеть и снова вернуться

В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную, -

Пусть после многих несчастий, товарищей всех потерявши,

535 Поздно в чужом корабле он вернется и встретит там горе! -

Так говорил он, молясь, и был Черновласым услышан.

Камень еще тяжелее и больше поднял он и быстро

Бросил его, размахав и напрягши безмерную силу.

Он позади корабля черноносого с силой огромной

540 Грянулся в воду так близко, что чуть по корме не ударил.

Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.

Волны корабль подхватили и к суше вперед понесли нас.

К острову прибыли мы, на каком находилась стоянка

Прочих судов крепкопалубных наших; в большом беспокойстве

545 Нас поджидая все время, товарищи возле сидели.

К суше пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили,

Сами же вышли на берег прибоем шумящего моря.

Выгрузив коз и овец циклопа из полого судна,

Начали мы их делить, чтоб никто не ушел обделенным.

550 Стадо меж всеми деля, товарищи в пышных поножах

Мне еще дали отдельно барана. У самого моря

Я чернотучному Зевсу Крониду, владыке над всеми,

В жертву сжег его бедра. Но Зевс моей жертвы не принял:

Думал он, как бы устроить, чтоб все без остатка погибли

555 Прочные наши суда и товарищи, мне дорогие.

Так мы весь день напролет до зашествия солнца сидели,

Ели обильное мясо и сладким вином утешались.

Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю,

Все мы спать улеглись у прибоем шумящего моря.

560 Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встал я от сна. Ободря товарищей, им приказал я,

Севши тотчас в корабли, отвязать судовые причалы.

Все они быстро взошли на суда, и к уключинам сели

Следом один за другим, и ударили веслами море.

565 Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,

Сами конца избежав, но лишившись товарищей милых".

Гомер. Одиссея. Песнь десятая.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ.

"Вскоре приехали мы на остров Эолию. Жил там

Милый бессмертным богам Эол, Гиппотом рожденный.

Остров плавучий его неприступною медной стеною

Был окружен, берега из обрывистых скал состояли.

5 В пышном дворце у Эола двенадцать детей родились -

Шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих здоровьем.

Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.

Пищу вкушают они с отцом и с матерью доброй

В доме отца, и стоят перед ними несчетные яства,

10 Жареным пахнет в дому, голоса на дворе отдаются -

Днем. По ночам же они, со стыдливými женами рядом,

Под одеялами спят на своих просверленных кроватях.

В город пришли мы, в чертог прекрасный Эола. Радушно

Месяц он нас принимал и расспрашивал очень подробно

15 Про Илион, про суда аргивян, про возврат наш обратно.

Все про это ему я рассказывал, как что случилось.

После и сам я его попросил, чтоб устроил отъезд мне.

Он не ответил отказом и в путь меня тотчас отправил.

Шкуру содравши с быка девяти годового, в той шкуре

20 Крепко Эол завязал все пути завывающих ветров.

Стражем сделал его Громовержец над всеми ветрами,

Дав ему власть возбуждать иль обуздывать их по желанью.

На корабле моем полом шнуром он серебряным мех тот

Перевязал, чтоб ни малого быть не могло дуновенья.

25 Только Зефиру велел провожать нас дыханьем попутным,
Чтобы понес и суда и самих нас. Но было не должно
Этому сбыться. Себя неразумьем своим мы сгубили.
Девять суток мы плыли - и ночи и дни непрерывно.
В день десятый вдали уж поля показались Итаки,
30 Видны нам были огни пылавших костров недалеких.
Сладкий тут сон низошел на меня, ибо очень устал я:

Шкотами паруса я непрерывно работал, веревок
Не доверял никому, чтоб скорее отчизны достигнуть.
Начали спутники тут меж собою вести разговоры.
35 Думалось им, что везу серебра я и золота много,
Мне подаренных Эолом, отважным Гиппотовым сыном.
Так не один говорил, поглядев на сидевшего рядом:
- Вот удивительно! Как почитают повсюду и любят
Этого мужа, в какой бы он край или город ни прибыл!
40 Много прекрасных сокровищ уже из троянской добычи
Он с собою везет. А мы, совершившие тот же
Путь, возвращаемся в край наш родимый с пустыми руками.
Также теперь и Эол одарил его дружески щедро.
Ну-ка, давайте скорее посмотримте, что там такое,
45 Сколько в мешке серебра и золота ценного скрыто. -
Верх одержало среди них предложенье злосчастное это.

Мех развязали они. И вырвались ветры на волю.

Плачущих спутников вмиг ураган подхватил и понес их

Прочь от родных берегов в открытое море. Проснувшись,

50 Духом отважным своим я меж двух колебался решений:

Броситься ль мне с корабля и погибнуть в волнах разъяренных

Иль все молча снести и остаться еще среди живущих.

Снес я все и остался. На дне корабля, завернувшись

В плащ свой, лежал я. Назад, к Эолову острову, буря

55 Наши суда уносила. Товарищи горько рыдали.

Выйдя на твердую землю и свежей водою запасшись,

Близ кораблей быстроходных товарищи сели обедать.

После того как едой и питьем утолили мы голод,

В спутники взяв одного из товарищей наших, пошел я

60 С вестником к славному дому Эола. Его мы застали

Вместе с женою его и со всеми детьми за обедом.

К дому его подойдя, у дверных косяков на порог мы

Сели. В большое они изумленье пришли и спросили:

- Ты ль, Одиссей? Каким божеством ты попутан враждебным?

65 Мы так заботливо в путь снарядили тебя, чтоб ты прибыл

В землю родную, и в дом, и куда б ни явилось желанье! -

Так говорили они. И ответил я, сердцем печалясь:

- Спутники вызвали эту беду, и притом еще сон мой

Гибельный. Но - помогите! Ведь вы это можете сделать! -

70 С мягкими к ним обращаясь словами, я так говорил им.

Все замолчали вокруг. Отец же ответил мне речью:

- Прочь уйди скорее, мерзейший муж среди смертных!

Я не смею как гостя принять иль в дорогу отправить

Мужа такого, который блаженным богам ненавистен!

75 Раз ты вернулся, богам ненавистен ты. Вон же отсюда! -

Так промолвивши, выгнал меня он, стенавшего тяжко.

Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем.

Греблей мучительной дух истощался людей из-за нашей

Собственной глупости: ветер попутный теперь уж не дул нам.

80 Шестеро суток мы плыли - и ночи и дни непрерывно.

В день же седьмой в Телепил мы приехали - город высокий

Лама в стране лестригонской. Пастух, свое стадо пригнавший,

Перекликается там с пастухом, кто свое выгоняет.

Муж, не знающий сна, получал бы двойную там плату:

85 Пас бы сначала быков, а потом бы - овец белорунных,

Ибо дороги и ночи и дня там сходятся близко.

В гавань прекрасную там мы вошли. Ее окружают

Скалы крутые с обеих сторон непрерывной стеною.

Около входа высоко вздымаются друг против друга

90 Два выбегающих мыса, и узок вход в эту гавань.

Спутники все с кораблями двуххвостыми в гавань вступили

И в глубине ее близко поставили друг возле друга

Быстрые наши суда: никогда не бывало в заливе

Волн ни высоких, ни малых, и ровно блестела поверхность.

95 Я лишь один удержал вне гавани черный корабль мой, -

Там снаружи, пред входом, к скале привязавши канатом.

После того поднялся на расселый утес я и стал там.

Не было видно нигде человеческих работ иль воловьих,

Дым только видели мы, как с земли поднимался клубами.

100 Спутникам верным своим приказал я пойти и разведать,

Что за племя мужей хлебоядных живет в этом крае.

Выбрал двух я мужей и глашатая третьим прибавил.

Выйдя на сушу, пошли они торной дорогой, которой

С гор высоких дрова доставлялись телегами в город.

105 Шедшая по воду дева пред городом им повстречалась -

Дева могучая, дочь Антифата, царя лестригонов.

Шла она вниз к прекрасным струям родника Артакии.

Этот источник снабжал ключевой водою весь город.

К деве они подошли и, окликнувши, спрашивать стали,

110 Кто в этом городе царь, кто те, что ему подначальны.

Быстро она указала на дом высокий отцовский.

В дом вошедши, супругу царя они в доме застали.

Величиною была она с гору. Пришли они в ужас.

Вызвала вмиг из собрания она Антифата, супруга

115 Славного. Страшную гибель посланцам моим он замыслил.

Тотчас схватив одного из товарищей, им пообедал.

Два остальные, вскочив, к кораблям побежали обратно.

Клич боевой его грянул по городу. Быстро сбежалось

Множество толп лестригонов могучих к нему отовсюду.

120 Были подобны они не смертным мужам, а гигантам.

С кручи утесов бросать они стали тяжелые камни.

Шум зловещий на всех кораблях поднялся наших черных, -

Треск громимых судов, людей убиваемых крики.

Трупы, как рыб, нанизав, понесли они их на съеденье.

125 Так погубили они товарищей в бухте глубокой.

Я же, сорвавши с бедра мой меч отточенный, поспешно

На черноносом своем корабле обрубил все причалы.

После того, ободряя товарищей, им приказал я

Дружно на весла налечь, чтоб избегнуть беды угрожавшей.

130 Смерти боясь, изо всей они мочи ударили в весла.

Радостно в море корабль побежал от нависших утесов.

Все без изъятья другие суда нашли там погибель.

Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,

Сами избегнув конца, но товарищей милых лишившись.

135 Прибыли вскоре на остров Эю. Жила там Цирцея

В косах прекрасных - богиня ужасная с речью людскою.

Полный мыслей коварных Эет приходился ей братом.

От Гелиоса они родились, светящего смертным,

Матерью ж Перса была, Океаном рожденная нимфа.

140 К берегу там мы корабль свой причалили в полном молчаньи

В пристани тихой; какой-то указывал бог нам дорогу.

На берег выйдя, мы там пролежали два дня и две ночи,

И пожирали все время нам сердце печаль и усталость.

Третий день привела за собой пышнокосая Эос.

145 Взявши копье и отточенный меч, поспешно пошел я

С места, где был наш корабль, на высокий утес, не увижу ль

Где я следов работы людей, не услышу ль их голос?

Я стоял и глядел, на расселистом стоя утесе.

Вдруг на широкодорожной земле у чертога Цирцеи

150 Дым я увидел над чащей густою дубового леса.

Тут я рассудком и духом раздумывать стал, не пойти ли

Мне на разведку, уж раз я сверкающий дым за приметил.

По размышленьи, однако, полезнее мне показалось

Раньше пойти к кораблю и к шумящему берегу моря,

155 Спутникам дать пообедать, потом их послать на разведку.

В то уже время, когда к кораблю своему подходил я,

Сжалился кто-то из вечных богов надо мной, одиноким:

Встретился прямо на самой дороге огромный олень мне
Высокорогий. С лесного он пастбища к речке спускался

160 На водопой, покоренный палящею силою солнца.

Только он вышел из леса, его средь спины в позвоночник
Я поразил и навывлет копьем пронизал медноострым.

В пыль он со стоном свалился. И дух отлетел от оленя.

Я, на него наступивши ногою, копье свое вырвал

165 Вон из раны и наземь его положил возле трупя.

После того из земли лозняку я надергал и прутьев,

Сплел, крутя их навстречу, веревку в сажень маховую,

Страшному чудищу ноги связал заплетенной веревкой,

Тушу на шею взвалил и пошел, на копье опираясь,

170 К берегу моря. Нести ж на плече лишь одною рукою

Было ее невозможно. Уж больно огромен был зверь тот.

Пред кораблем его сбросив, я начал товарищей спящих

Мягко будить ото сна, становясь возле каждого мужа:

- Очень нам на сердце горько, друзья, но в жилище Аида

175 Спустимся все ж мы не раньше, чем день роковой наш наступит.

Есть еще и еда и питье в корабле нашем быстром!

Вспомним о пище, друзья, не дадим себя голоду мучить! -

Так я сказал. И послушались слов моих спутники тотчас.

Лица раскрывши, глядеть они стали гурьбой на оленя

180 Близ беспокойного моря. Уж больно огромен был зверь тот.

После того как глазами они нагляделись досыта,
Вымыли руки и начали пир изобильный готовить роскошный.
Так мы весь день напролет до восшествия солнца сидели,
Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.

185 Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.

Все мы спать улеглись у прибоем шумящего моря.

Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.

Всех я тогда на собранье созвал и вот что сказал им:

- Слушайте слово мое, хоть и много пришлось уж страдать вам!

190 Нам совершенно, друзья, неизвестно, где тьма, где заря здесь,

Где светносное солнце спускается с неба на землю,

Где оно снова выходит. Давайте размыслим скорее,

Есть ли нам выход какой? Я думаю, нет никакого.

Я на скалистый утес сейчас поднимался и видел

195 Остров, безбрежною влагой морской, как венком, окруженный,

Плоско средь моря лежащий. И видел я - дым поднимался

Густо вдали из широко растущего темного леса. -

Так говорил я. Разбилось у спутников милое сердце,

Вспомнились им и дела Антифата, царя лестригонов,

200 И людоеда-циклопа насильства, надменного духом.

Громко рыдали они, проливая обильные слезы.

Не получили, однако, от слез проливаемых пользы.

Тут разделил я красивопоножных товарищей на две

Части и каждой из них предводителя дал. Над одною

205 Был предводителем я, над другой - Еврилох боговидный.

Жребий взявши, мы в медный их бросили шлем и встряхнули.

Выпал жребий идти Еврилоху, отважному сердцем.

В путь он отправился. Двадцать с ним два человека дружины.

Плакали шедшие, плакали те, что на месте остались.

210 Вскоре в горной долине лесистой, на месте закрытом,

Дом Цирцеи из тесаных камней они увидали.

Горные волки и львы сидели повсюду вокруг дома.

Были Цирцеей они околдованы зельями злыми.

Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они поднялись

215 И подошли к ним, приветно виляя большими хвостами,

Как пред хозяином, зная, что лакомый кус попадет им,

Машут хвостами собаки, когда от обеда идет он,

Так крепкокогтые волки и львы виляли хвостами

Около них. Но они испугались ужасных чудовищ.

220 Остановились пред дверью богини прекрасноволосой

И услышали прекрасно поющую в доме Цирцею.

Около стана ходя, нетленную ткань она ткала -

Тонкую, мягкую; ткать лишь богини такую умеют.

Спутникам стал говорить Полит, над мужами начальник,

225 Между товарищей всех наиболее мне милый и близкий.

- Кто-то, друзья, так прекрасно и звонко у ткацкого стана

Песню поет, - по всему ее звуки разносятся полю.

Женщина то иль богиня? Скорей подадим-ка ей голос! -

Так он сказал. И они закричали, ее вызывая.

230 Вышла Цирцея немедля, блестящие двери раскрыла

И позвала. Ничего не предчувствуя, в дом к ней вошли все.

Только один Еврилох не пошел, заподозрив худое.

В дом их Цирцея ввела, посадила на стулья и кресла,

Сыра, зеленого меда и ячной муки замесила

235 Им на прамнийском вине и в напиток подсыпала зелья,

Чтобы о милой отчизне они совершенно забыли.

Им подала она. Выпили те. Цирцея, ударив

Каждого длинным жезлом, загнала их в свиную закутку.

Головы, волосы, голос и вся целиком их наружность

240 Стали свинными. Один только разум остался, как прежде.

Плачущих, в хлев загнала их Цирцея и бросила в пищу

Им желудей и простых и съедобных и дичьных ягод -

Пищу, какую бросают в грязи почивающим свиньям.

Быстро назад к кораблям прибежал Еврилох сообщить нам

245 Весть о товарищах наших, об участи их злополучной.

Как ни старался, не мог ни единого молвить он слова,

Раненный в сердце печалью великой. Глаза его были

Полны слезами. И духом предчувствовал плач он печальный.

Все мы, его окружив, с изумленьем расспрашивать стали.

250 Он наконец рассказал про жестокою спутников участь.

- Как ты велел, Одиссей многославный, пошли мы чрез чашу.

Вскоре в горной долине лесистой, на месте закрытом,

Мы увидали прекраснейший дом из отесанных камней.

Кто-то звонко там пел, ходя возле ткацкого стана,

255 Женщина или богиня. Они ее вызвали криком.

Вышла немедля она, блестящие двери раскрыла

И позвала. Ничего не предчувствуя, в дом к ней вошли все.

Я за другими один не пошел, заподозрив худое.

Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.

260 Долго-долго сидел я и ждал. Но никто не вернулся. -

Так говорил он. Тотчас же на плечи свой меч среброгвоздный,

Медный, большой я набросил, за спину же лук свой повесил

И Еврилоху вести повелел меня той же дорогой.

Но, охватив мне колени руками обеими, стал он

265 Жарко молить и с тоскою крылатое слово промолвил:

- Зевсов питомец, оставь меня здесь, не веди! Не хочу я!

Знаю, и сам не вернешься назад и с собой никого ты

Не приведешь из товарищей наших. Как можно скорее

Лучше отсюда бежим, чтобы смертного часа избегнуть! -

270 Так говорил он. Но я, ему возражая, ответил:

- Ты, Еврилох, если хочешь, останься у берега моря

С прочими. Ешь тут и пей себе. Я же отправлюсь.

Необходимость могучая властно меня заставляет. -

Так я сказал и пошел от нашей стоянки и моря.

275 Я миновал уж долину священную, был уж готов я

В дом просторный войти многосведущей в зельях Цирцеи.

Вдруг, как уж к дому я шел, предо мной златожезлый явился

Аргоубийца Гермес, похожий на юношу видом

С первым пушком на губах, - прелестнейший в юности возраст!

280 За руку взял он меня, по имени назвал и молвил:

- Стой, злополучный! Куда по горам ты бредешь одиноко,

Здешнего края не зная? Товарищи все твои в хлеве

Густо теснятся, в свиней превращенные зельем Цирцеи.

Или, чтоб выручить их, сюда ты идешь? Уж поверь мне:

285 Ты не вернешься назад, останешься тут с остальными.

Но не пугайся. Тебя от беды я спасу и избавлю.

На! Иди с этим зельем целебным в жилище Цирцеи.

От головы твоей гибельный день отвратит оно верно.

Все я тебе сообщу, что коварно готовит Цирцея.

290 В чаше тебе замешает напиток и зелья подсыпет.

Не околдует, однако, тебя. До того не допустит

Средство целебное, что тебе дам я. Запомни подробно:

Только ударит тебя жезлом своим длинным Цирцея,

Вырви тотчас из ножен у бедра свой меч медноострый,

295 Ринься с мечом на Цирцею, как будто убить собираясь.

Та, уstraшенная, ложе предложит тебе разделить с ней.

Ты и подумать не смей отказаться от ложа богини,

Если товарищей хочешь спасти и быть у ней гостем.

Пусть лишь она поклянется великою клятвой блаженных,

300 Что никакого другого несчастья тебе не замыслит,

Чтоб ты, раздетый, не стал беззащитным и сил не лишился. -

Так сказавши, Гермес передал мне целебное средство,

Вырвав его из земли, и природу его объяснил мне;

Корень был черен его, цветы же молочного цвета.

305 "Моли" зовут его боги. Отрыть нелегко это средство Смертным мужам.

Для богов же - для них невозможного нету.

После того на великий Олимп через остров лесистый

Путь свой направил Гермес. К жилищу Цирцеи пошел я.

Сильно во время дороги мое волновалось сердце.

310 Остановился пред дверью богини прекрасноволосой.

Ставши там, закричал я. Богиня услышала крик мой.

Вышедши тотчас, она распахнула блестящие двери

И позвала. С сокрушенным за ней я последовал сердцем.

Введши, меня посадила в серебряногвоздное кресло

315 Тонкой, прекрасной работы; была там для ног и скамейка.

Мне в золотом приготовила кубке питье, чтобы пил я,

И, замышляя мне зло, подбавила зелья к напитку.

Выпить дала мне. Я выпил. Но чары бесплодны остались.

Быстро жезлом меня длинным ударив, сказала Цирцея:

320 - Живо! Пошел! И свиньею валяйся в закуте с другими! -

Так мне сказала. Но вырвавши меч медноострый из ножен,

Ринулся я на Цирцею, как будто убить собираясь.

Вскрикнула громко она, подбежав, обняла мне колени,

Жалобным голосом мне начала говорить и спросила:

325 - Кто ты, откуда? Каких ты родителей? Где родился ты?

Я в изумленьи: совсем на тебя не подействовал яд мой!

Не было мужа досель, кто пред зельем таким устоял бы

В первый же раз, как питье за ограду зубную проникнет.

Неодолимый какой-то в груди твоей дух, как я вижу.

330 Не Одиссей ли уж ты, на выдумки хитрый, который,

Как говорил мне не раз златожезленный Аргобийца,

Явится в черном сюда корабле, возвращаясь из Трои?

Ну, так вложи же в ножны медноострый свой меч, а потом мы

Ляжем ко мне на постель, чтоб, сопрягшись любовью и ложем,

335 Мы меж собою могли разговаривать с полным доверьем. -

Так мне сказала. Но я, возражая богине, ответил:

- Как же ты хочешь, Цирцея, чтоб ласковым стал я с тобою,
Если товарищей ты у себя здесь в свиней превратила,

А самого меня держишь, замысливши зло, и велишь мне

340 В спальню с тобою идти и на ложе с тобою подняться,

Чтобы, раздетый, я стал беззащитным и силы лишился?

Нет, ни за что не взойду я на ложе твое, о богиня,

Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,

Что никакого другого несчастья мне не замыслишь. -

345 Так я сказал. И тотчас же она поклялась, как просил я.

После того как она поклялась и исполнила клятву,

Я немедля взошел на прекрасное ложе Цирцеи.

В зале Цирцеина дома служанки меж тем суетились.

Было их четверо там - прислужниц - при доме Цирцеи.

350 Все происходят они от источников, роц и священных

Рек, течение свое стремящих в соленое море.

Первая кресла покрыла коврами пурпурными сверху

Тонкой, прекрасной работы, под низ же постлала холстину.

К креслам покрытым вторая столы пододвинула быстро

355 Из серебра, на столах золотые расставив корзины.

Третья вино замешала в кратере серебряном, меду

Равное сладостью, кубки поставив кругом золотые.

Воду в треногий котел наносила четвертая, снизу

Жаркий огонь разожгла, и стала вода согреваться.

360 После того как вода закипела в сияющей меди,

В ванну Цирцея меня усадила, приятно смешала

Воду и голову мне поливала и плечи, покуда

Вся в моих членах усталость, губящая дух, не исчезла.

Вымывши, маслом она блестящим мне тело натерла,

365 Плечи одела мои прекрасным плащом и хитоном.

Введши, меня посадила в серебряногвоздное кресло

Тонкой; прекрасной работы; была там для ног и скамейка.

Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой

В тазе серебряном был предо мною поставлен служанкой

370 Для умыванья; после расставила стол она гладкий.

Хлеб предо мной положила почтенная ключница, много

Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

Есть пригласила Цирцея меня. Но к еде не тянуло.

Думал совсем о другом я и духом чувствовал злое.

375 Как увидела Цирцея, что молча сижу я и к пище

Рук протянуть не хочу, охваченный горем жестоким,

Близко ко мне подошла и крылатое молвила слово:

- Что, Одиссей, за столом сидишь ты, подобно немому,

Дух разъедая себе, ни питья не касаясь, ни пищи?

380 Или коварства какого еще от меня ожидаешь?

Страхи отбрось. Ведь тебе поклялася я клятвою крепкой. -

Так мне сказала. Но я, отвечая богине, промолвил:

- Есть ли, Цирцея, меж честных людей хоть один, кто
спокойно

Сесть за еду и питье разрешить себе сможет, покуда

385 Освобожденных друзей не увидит своими глазами?

Если ж вполне непритворно ты хочешь, чтоб ел я и пил бы,

Освободи их, чтоб милых товарищей мог я увидеть. -

Так говорил я. Цирцея пошла чрез палаты и вышла,

Жезл держа свой в руке, и, свиную открывши закуту,

390 Выгнала вон подобья свиней девятигодовалых.

Вышедши, стали они одна близ другой, а Цирцея,

Всех обходя по порядку, их мазала зелием новым.

Тотчас осыпалась с тел их щетина, которою густо

Были покрыты они от ужасного зелья Цирцеи.

395 Все они сделались снова мужами - моложе, чем прежде,

Стали значительно выше и ростом и видом прекрасней.

Сразу узнавши меня, пожимать они руки мне стали.

Всеми сладостный плач овладел. Загудели покои

Дома высокого. Жалость саму охватила богиню.

400 Близко став предо мною, богиня богинь мне сказала:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!

На берег моря теперь к своему кораблю отправляйся.

Прежде всего ваш корабль бысролетный втащите на сушу,

Снасти судна и имущество все отнесите в пещеру,

405 Сам же обратно вернись, приведи и товарищей верных. -

Так мне сказала. Ее я послушался сердцем отважным.

Быстро направился я к кораблю и к шумящему морю.

Там, вблизи корабля, застал я товарищей верных,

Тяжкой объятых печалью и льющих обильные слезы.

410 Как на деревне телята к пасущимся в стаде коровам,

В скотный вернувшимся двор, когда напнулись досыта,

Прыгая, мчатся навстречу и их удержать уж не могут

Стойла; мыча непрерывно, вокруг матерей они быстро

Бегают. Так и ко мне, когда увидали глазами,

415 Спутники кинулись, плача. Такое они испытали,

Словно вернулись внезапно на остров скалистый Итаку,

В край свой родимый и город, где выросли все и родились.

Мне огорченно они окрыленное бросили слово:

- Так возвращенье твое нам радостно, Зевсов питомец,

420 Словно назад мы вернулись в Итаку, родимую землю.

Но расскажи, как погибли другие товарищи наши. -

Так говорили они. И весело я им ответил:

- Вытащим прежде всего наш корабль бысролетный на сушу,

Снасти судна и имущество все отнесемте в пещеру,

425 Сами же все поспешите за мною отправиться следом

В дом священный Цирцеи. Товарищей всех вы найдете

Там едящих и пьющих, и все у них есть в изобильи. -

Так я сказал. И словам моим тотчас они подчинились.

Только один Еврилох их всех удержать попытался

430 И со словами крылатыми к спутникам так обратился:

- Что вы, безумцы, куда? К каким еще бедам стремитесь?

В дом Цирцеи идти вы хотите! Но всех ведь она вас

Или в свиней превратит, иль в волков, или в львов. И придется

Волей-неволей вам быть сторожами Цирцеина дома!

435 Так же совсем и циклоп на скотном дворе своем запер

Наших товарищей, с дерзким пришедших туда Одиссеем.

Из-за безумства его и погибли товарищи наши! -

Так говорил Еврилох. И в сердце своем я подумал:

Вырвав из ножен с бедра мускулистого меч, не срубить ли

440 Голову с шеи ему, чтоб на землю она покатилась,

Хоть он и близкий мне родственник был. Но товарищи дружно

Наперерыв меня стали удерживать мягкой речью:

- Богорожденный, пускай он останется, если позволишь,

На берегу близ судна, пускай его здесь охраняет.

445 Нас же, других, поведи к священному дому Цирцеи. -

Так сказали они и пошли от судна и от моря.

На берегу близ судна Еврилох не остался, однако, -

Следом пошел, моего испугавшись ужасного гнева.

Спутников наших, в жилище Цирцеи оставшихся, чисто

450 Вымыла в ванне богиня и маслом натерла блестящим,

После надела на них шерстяные плащи и хитоны.

Мы их застали сидящими в зале за пиром богатым.

Только что все, повстречавшись, в лицо увидели друг друга,

Скорбно они зарыдали и стонами дом огласили.

455 Близко став предо мною, богиня богинь мне сказала:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!

Слезы и горестный плач прекратите вы. Знаю сама я,

Сколько вы бед претерпели в водах многорыбного моря,

Сколько вреда принесли вам враждебные люди на суше.

460 Сядьте теперь за еду и вино распивайте, покуда

Снова в груди у себя вы прежний свой дух обретете, -

Тот, с каким вы когда-то покинули землю родную

Вашей скалистой Итаки. Теперь, изнуренные духом,

Робкие, только о тяжелых скитаньях вы помните, сердцем

465 Всякую радость забыв: ведь бед вы познали немало. -

Так сказала. Ее мы послушались сердцем отважным.

Дни напролет у нее мы в течение целого года

Ели обильное мясо и сладким вином утешались.

Год наконец миновал, и Оры свой круг совершили,

470 Месяц за месяцем сгиб, и- длинные дни воротились.

Вызвали тут меня как-то товарищи все и сказали:

- Вспомни, несчастный, хотя бы теперь об отчизне любимой,

Раз уж судьбою тебе спастись суждено и вернуться

В дом твой с высокою кровлей и в милую землю родную. -

475 Так мне сказали, и я их послушался сердцем отважным.

Целый мы день напролет до зашествия солнца сидели,

Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.

Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.

Спутники спать улеглись в тенистых покоях чертога.

480 Я же, к Цирцее взойдя на прекрасное ложе, колени

Обнял ее и молил. И слух преклонила богиня.

Так со словами крылатыми я обратился к Цирцее:

- Данное мне обещанье исполни, Цирцея, - в отчизну

Нас отошли. Уже рвуся я духом домой возвратиться,

485 Как и товарищи все, которые сердце мне губят,

Тяжко горяю вокруг, как только ты прочь удалишься. -

Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!

Нет, пусть никто против воли в моем не останется доме.

490 Раньше, однако, другую дорогу свершить вам придется, -

Съездить в жилище Аида и Персефонеи ужасной.

Должен ты там спросить Тиресия фивского душу, -

Старца слепого, провидца, которого ум сохранился.

Разум удержан ему Персефоной и мертвому. Души

495 Прочих умерших порхают в жилище Аида, как тени. -

Так сказала - и мне мое милое сердце разбила.

Плакал я, сидя в постели, и сердце мое не желало

Больше жить на земле и видеть сияние солнца.

Долго в постели катался и плакал я. Этим насытись,

500 Я, отвечая Цирцее, такое ей слово промолвил:

- Кто же меня, о Цирцея, проводит такую дорогой?

Не достигал еще царства Аида корабль ни единый. -

Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!

505 Не беспокойся о том, кто вас через море проводит.

Мачту только поставь, распусти паруса и спокойно

Можешь сидеть. Дуновенье Борей корабль понесет ваш.

Переплывешь наконец теченья реки Океана.

Берег там низкий увидишь, на нем Персефонины роща

510 Из тополей чернолистных и ветел, теряющих семя.

Близ Океана глубокопучинного судно оставив,

Сам ты к затхлому царству Аидову шаг свой направишь.

Там впадает Пирифлегетон в Ахеронтовы воды

Вместе с Коцитом, а он рукавом ведь является Стикса.

515 Соединяются возле скалы два ревущих потока.

Слушай с вниманием: как только туда ты, герой, доберешься,

Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиной,

И на краю ее всем мертвецам соверши возлиянье -

Раньше медовым напитком, потом вином медосладким

520 И напоследок - водой. И ячной посыпь все мукою.

Главам бессильным умерших мольбу принеси с обещаньем,

В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,

В жертву принести им и много в костер драгоценностей бросить.

Старцу ж Тиресию - в жертву принести одному лишь, отдельно,

525 Черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.

Славное племя умерших молитвой почтивши, овцу ты

Черную вместе с бараном над ямою в жертву зарежь им,

Поворотив их к Эребу и в сторону сам отвернувшись

По направленью к теченьям реки Океана. Тотчас же

530 Множество явится душ мертвецов, распрощавшихся с жизнью.

Ты немедля тогда товарищам дай приказанье,

Чтобы тот скот, что лежит там, зарезанный гибельной медью,

Шкуры содравши, сожгли и молитвы свои вознесли бы

Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.

535 Сам же вытащи меч медноострый и, севши у ямы,

Не позволяй ни одной из бессильных теней приближаться
К крови, покуда ответа не даст на вопросы Тиресий.

Явится он пред тобой, повелитель народов, немедля.

Все он тебе про дорогу расскажет, и будет ли долог

540 Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю. -

Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.

Плащ мне Цирцея тогда подала и хитон, чтоб одеться.

Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,

Тонкое, мягкое, - пояс прекрасный на бедра надела,

545 Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.

Встал я, пошел через дом и начал товарищей спящих

Мягко будить ото сна, становясь возле каждого мужа:

- Будет храпеть вам, друзья, сладчайшему сну отдаваясь!

В путь нам пора. Мне Цирцея царица дала указанья! -

550 Так им сказал я. И духом отважным они подчинились.

Но и оттуда не всех невредимыми вывести смог я.

Юноша был на моем корабле, Ельпенор, не чрезмерно

Храбрый в бою и умом среди других выдававшийся мало.

Сильно подвыпивши, он, удалясь от других, для прохлады

555 Спать улегся на крыше священного дома Цирцеи.

Сборы услышав в дорогу, товарищей говор и крики,

На ноги он ошалело вскочил, позабывши, что должно

Было назад ему, к спуску на лестницу, шаг свой направить;

Он же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком

560 Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.

После того как из дома товарищи вышли, сказал я:

- Вы полагаете, ехать отсюда домой нам придется,

В землю родную? Цирцея другой предназначила путь нам:

Едем мы в царство Аида и Персефонеи ужасной.

565 Душу должны спросить мы Тиресия, фивского старца. -

Так я сказал. И разбилось у спутников милое сердце.

Сели на землю они, и рыдали, и волосы рвали.

Не получили, однако, от слез проливаемых пользы.

Тою порою, как шли к кораблю мы и к берегу моря

570 С тяжелой печалью на сердце, роняя обильные слезы,

Пред кораблем нашим черным внезапно явилась Цирцея

И близ него привязала барана и черную овцу,

Мимо легко, незаметно пройдя. Если бог не желает,

Кто его может увидеть глазами, куда б ни пошел он?

Гомер. Одиссея. Песнь одиннадцатая.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

После того как пришли к кораблю мы и к берегу моря,

Прежде всего мы корабль на священное море спустили,

Мачту потом с парусами в корабль уложили наш черный,

Также овцу погрузили с бараном, поднялись и сами

5 С тяжелой печалью на сердце, роняя обильные слезы.
 Был вослед кораблю черноносому ветер попутный,
 Парус вздувающий, добрый товарищ, нам послан Цирцеей
 В косах прекрасных, богиней ужасною с речью людскою.
 Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы

10 Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
 Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
 Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
 Мы наконец Океан переплыли глубоко текущий.
 Там страна и город мужей коммерийских. Всегдашний

15 Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце
 Не освещает лучами людей, населяющих край тот,
 Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо,
 Или спускается с неба, к земле направляясь обратно.
 Ночь зловещая племя несчастных людей окружает.

20 К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана,
 Двинулись вдоль по теченью реки Океана, покуда
 К месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея.
 Жертвенный скот я держать Тримеду велел с Еврилохом,
 Сам же, медный отточенный меч свой извлеки из ножен,

25 Выкопал яму. Была шириной и длиной она в локоть.
 Всем мертвецам возлиянье свершил я над этою ямой -

Раньше медовым напитком, потом - вином медосладким

И напоследок - водой. И ячной посыпал мукою.

Главам бессильных умерших молитву вознес я с обетом,

30 В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принести им и много в костер драгоценностей бросить,
Старцу ж Тиресию - в жертву принести одному лишь, отдельно,
Черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.

Давши обет и почтивши молитвами племя умерших,

35 Взял я барана с овцой и над самую ямой зарезал.

Черная кровь полилась. Покинувши недра Эреба,

К яме слетелися души людей, распрощавшихся с жизнью.

Женщины, юноши, старцы, немало выдавшие горя,

Нежные девушки, горе познавшие только впервые,

40 Множество павших в жестоких сраженьях мужей, в нанесенных
Острыми копьями ранах, в пробитых кровавых доспехах.

Все это множество мертвых слетелось на кровь отовсюду

С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас. Тотчас же

Я приказание бывшим со мною товарищам отдал,

45 Что б со скота, что лежал зарезанный гибельной медью,

Шкуры содрали, а туши сожгли, и молились бы жарко

Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.

Сам же я, вытащив меч медноострый и севши у ямы,

Не позволял ни одной из бессильных теней приближаться

50 К крови, покуда ответа не дал на вопросы Тиресий.

Первой душа Ельпенора-товарища к яме явилась.

Не был еще похоронен в земле он широкодорожной:

Тело оставили мы неоплаканным, непогребенным

Там, у Цирцеи в дому: тогда не до этого было.

55 Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.

Я, обратившись к нему, слова окрыленные молвил:

- Как ты успел, Ельпенор, сойти в этот сумрак подземный?

Пеший, скорее ты прибыл, чем я в корабле моем черном. -

Так я сказал. И прорвавшись рыданиями, он мне ответил:

60 - Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Божеской злою судьбой и чрезмерным вином я погублен.

Спавши на крыше Цирцеи, совсем позабыл я, что должно

Было обратно мне, к спуску на лестницу, шаг свой направить.

Я же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком

65 Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.

Ради тех, кто отсутствует здесь, кто дома остался,

Ради отца твоего, что вскормил тебя, ради супруги,

Ради сына, который один в твоём доме остался!

Знаю ведь я, что отсюда, из дома Аида, уехав,

70 Прочный корабль ты обратно на остров Эю направишь.

Вспомни же там обо мне, умоляю тебя, повелитель!

Не оставляй меня там неоплаканным, непогребенным,
В путь отправляясь домой, - чтобы божьего гнева не вызвать.

Труп мой с доспехами вместе, прошу я, предайте сожжению,

75 Холм надо мною насыпьте могильный близ моря седого,
Чтоб говорил он и дальним потомкам о муже несчастном.

Просьбу исполни мою и весло водрузи над могилой

То, которым живой я греб среди товарищей милых. -

Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:

80 - Все, несчастливец, о чем попросил ты, свершу и исполню. -

Так, меж собою печальный ведя разговор, мы сидели:

Меч протянув обнаженный над ямою, кровь охранял я,

Призрак же все продолжал говорить, за ямою стоя.

Вдруг ко мне подошла душа Антиклеи умершей,

85 Матери милой моей, Автоликом отважным рожденной.

В Трою в поход отправляясь, ее я оставил живою.

Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз покатались.

Все же, хотя и скорбя, ей первой приблизиться к крови

Я не позволил, покамест Тиресий не дал мне ответа.

90 В это время душа Тиресия старца явилась,

Скипетр держа золотой; узнала меня и сказала:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

О несчастливец, зачем ты сияние солнца покинул,

Чтобы печальную эту страну и умерших увидеть?

95 Но отойди же от ямы, свой меч отложи отточенный,

Чтобы мне крови напиться и всю тебе правду поведать. -

Так говорил он. И в ножны вложивши свой меч среброгвоздный,

В сторону я отошел. Когда безупречный провидец

Черной крови напился, такие слова мне сказал он:

100 - О возвращении сладком домой, Одиссей, ты мечтаешь.

Трудным тебе его сделает бог. Забыть он не может,

Что причинил ты ему, и гневом пылает жестоким,

Злобясь, что милого сына его ослепил ты. Однако

Даже при этом, хоть много страдавши, домой вы вернетесь,

105 Если себя и товарищей ты обуздаешь в то время,

Как, переплыв на своем корабле винно-чермное море,

К острову ты Тринакрии пристанешь и, выйдя на сушу,

На поле жирных увидишь овец и коров Гелиоса,

Светлого бога, который все видит на свете, все слышит.

110 Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,

Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.

Если же тронешь стада - и тебе предвещаю я гибель,

И кораблю, и товарищам всем. Ты смерти избегнешь,

Но после многих лишь бед, потерявши товарищей, в дом свой

115 Поздно в чужом корабле вернешься и встретишь там горе:

Буйных мужей, добро у тебя расточающих нагло;

Сватают в жены они Пенелопу, сулят ей подарки.

Ты, воротившись домой, за насилия их отомстишь им.

После того как в дому у себя женихов перебьешь ты

120 Гибельной медью, - открыто иль хитростью, - снова отправься

Странствовать, выбрав весло по руке, и странствуй, доколе

В край не прибудешь к мужам, которые моря не знают,

Пищи своей никогда не солят, никогда не видали

Пурпурнощеких судов, не видали и сделанных прочно

125 Весел, которые в море судам нашим крыльями служат.

Признак тебе сообщу я надежнейший, он не обманет:

Если путник другой, с тобой повстречавшийся, скажет,

Что на блестящем плече ты лопату для веянья держишь, -

Тут же в землю воткни весло свое прочной работы,

130 И кабана, что свиней покрывает, быка и барана

Жертвой прекрасной зарежь колебателю недр Посейдону, -

И возвращайся домой, и святые сверши гекатомбы

Вечно живущим богам, владеющим небом широким,

Всем по порядку. Тогда не средь волн разъяренного моря

135 Тихо смерть на тебя низойдет. И, настигнутый ею,

В старости светлой спокойно умрешь, окруженный всеобщим

Счастьем народов твоих. Все сбудется так, как сказал я. -

Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:

- Жребий этот, Тиресий, мне сами назначили боги.

140 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

Видю я тут пред собою скончавшейся матери душу.

Молча она возле крови сидит и как будто не смеет

Сыну в лицо посмотреть и завести разговор с ним. Скажи же,

Как это сделать, владыка, чтоб мать моя сына узнала? -

145 Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:

- Легкое слово тебе я скажу, и его ты запомни.

Тот из простившихся с жизнью умерших, кому ты позволишь

К крови приблизиться, станет рассказывать все, что ни спросишь.

Тот же, кому подойти запретишь, удалится обратно. -

150 Так мне сказала душа владыки Тиресия старца

И, прорицание дав, удалилась в обитель Аида.

Я же на месте остался у ямы и ждал, чтобы к черной

Крови приблизилась мать и испила ее. Напилася

Крови она и печально ко мне обратилась с речью:

155 - Сын мой, как ты добрался сюда, в этот сумрак подземный,

Будучи жив? Нелегко живому все это увидеть.

Реки меж вами и нами велики, течения ужасны,

Прежде всего - Океан; чрез него перебраться не может

Пеший никак, если прочного он корабля не имеет.

160 Или из Трои теперь лишь, так долго в морях проскитавшись,

Прибыл сюда ты с своими людьми и судном? Неужели

Ты еще не был в Итаке, жены своей, дома не видел? -

Так говорила она. И, ей отвечая, сказал я:

- Милая мать, приведен я в обитель Аида нуждою.

165 Мне спросить надо было Тиресия Фивского душу.

Не приближался еще я к ахейской стране, на родную

Землю свою не ступал. Все время в страданиях скитаюсь

С самой поры, как повел Агамемнон божественный всех нас

В конебогатую Троию сражаться с сынами троянцев.

170 Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:

Что за Кера тебя всех печалюющей смерти смирила?

Долгой болезнью ль была ты настигнута, иль Артемида

Нежной стрелою своею, приблизясь, тебя умертвила?

Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною,

175 Все ли в руках их находится власть иль теперь обладает

Ею другой уж, и думают все, что домой не вернусь я?

О настроеньях и мыслях законной жены расскажи мне:

Дома ль она остается близ сына и все охраняет

Или на ней уж ахеец какой-нибудь знатный женился? -

180 Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:

- Держится стойко и твердо супруга твоя Пенелопа

В доме твоём. В бесконечной печали, в слезах непрерывных

Долгие дни она там и бессонные ночи проводит.

Не перешел ни к кому еще сан твой прекрасный. Спокойно

185 Сын твой владеет уделом своим, принимает участие

В пиршествах общих, как мужу, творящему суд, подобает.

Все приглашают его. Отец же твой больше не ходит

В город, в деревне живет у себя. Ни хорошей кровати,

Ни одеяла старик не имеет, ни мягких подушек.

190 В зимнюю пору он в доме ночует с рабами своими

В пепле, вблизи очага, покрывшись убогой одеждой.

В теплую ж пору, как лето придет иль цветущая осень,

Он в виноградном саду, где попало, на склоне отлогом

Кучу листьев опавших себе нагребет для постели, -

195 Там и лежит. И вздыхает, печали своей отдаваясь,

Все ожидая тебя. Безотрадно он старость проводит.

Так же и я вот погибла, и час поразил меня смертный.

Но не в доме моем Артемида, стрелок дальнзоркий,

Нежной стрелою своей, подошедши, меня умертвила.

200 Не от болезни я также погибла, которая часто,

Силы людей истощая, из членов их дух изгоняет.

Нет, тоска по тебе, твой разум и мягкая кротость

Отняли сладостный дух у меня, Одиссей благородный! -

Так говорила. Раздумался я, и пришло мне желанье

205 Душу руками обнять скончавшейся матери милой.

Трижды бросался я к ней, обнять порываясь руками.

Трижды она от меня ускользала, подобная тени

Иль сновиденью. И все становилось острее мое горе.

Громко позвал я ее и слова окрыленные молвил:

210 - Мать, что бежишь ты, как только тебя я схватить собираюсь,

Чтоб и в жилище Аида, обнявши друг друга руками,

Оба с тобою могли насладиться мы горестным плачем?

Иль это призрак послала преславная Персефонея

Лишь для того, чтоб мое усугубить великое горе? -

215 Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:

- Сын дорогой мой, меж всеми людьми наиболее несчастный.

Зевсова дочь Персефона тебя обмануть не желает.

Но такова уж судьба всех смертных, какой бы ни умер:

В нем сухожильями больше не связано мясо с костями;

220 Все пожирает горящего пламени мощная сила,

Только лишь белые кости покинутся духом; душа же,

Вылетев, как сновиденье, туда и сюда запорхает.

Но постарайся вернуться на свет поскорее и помни,

Что я сказала, чтоб все рассказать при свиданьи супруге. -

225 Так мы беседу вели. Предо мною явились внезапно

Женщины. Выслала их Персефона преславная. Были

Жены и дочери это давно уж умерших героев.

К яме они подбежали и черную кровь обступили.

Я же раздумывал, как бы мне всех расспросить их отдельно.

230 Вот наилучшим какое решение мне показалось:

Вынув из ножен с бедра мускулистого меч медноострый,

Я не позволил им к крови приблизиться всею толпою,

Поочередно они подходили и все о потомстве

Мне сообщали своим. Я расспрашивал их по порядку.

235 Прежде других подошла благороднорожденная Тиро

И про себя рассказала, что на свет она родилася

От Салмонея, сама же - жена Эолида Крефея.

Страсть зародил Енипей в ней божественный, самый прекрасный

Между потоков других, по земле свои воды струящих.

240 Часто она приходила к прекрасным струям Енипея.

Образ принявши его, Земледержец, Земли Колебатель,

В устьи потока того, водовертью богатого, лег с ней.

Воды пурпурные их обступили горой и, нависши

Сводом над ними, и бога и смертную женщину скрыли.

245 Девушку в сон погрузив, развязал он ей девственный пояс.

После того как свое вожделенье на ней утолил он,

Бог ее за руку взял, и по имени назвал, и молвил:

- Радуйся, женщина, нашей любви! По прошествии года

Славных родишь ты детей, ибо ложе бессмертного бога

250 Быть не может бесплодным. А ты воспитай и вскорми их.

В дом свой теперь воротись, но смотри, называть опасайся

Имя мое! Пред тобой Посейдон, сотрясающий землю. -

Так сказав, погрузился в волнами кипевшее море,

Пелия Тиро, зачавши, на свет родила и Нелея.

255 Сделались оба они слугами могучими Зевса.

Пилос песчаный достался Нелею. Богатый стадами

Пелий Иолком владел, хоровыми площадками славным.

Кроме того, родила царица среди жен и Крефею,

Амифаона, бойца с колесницы, Эсона, Ферета.

260 После нее Антиопу увидел я, дочь Асопа.

Мне хвалилась она, что объятия Зевса познала

И родила ему двух сыновей, Амфиона и Зефа.

Первые были они основатели Фив семивратных

И обнесли их стеной: хоть, могучие, жить без прикрытья

265 В Фивах они не могли, хоровыми площадками славных.

Амфитрионову после жену я увидел Алкмену.

Ею Геракл был рожден дерзновеннейший, львиное сердце,

После того как с Зевесом она сочеталась в объятьях.

Дочь Креонта бесстрашного с ней я увидел, Мегару.

270 Мужем был ей Геракл, могучеством всех превзошедший.

После того Епикасту, прекрасную мать Эдипа,

Видел я. Страшное дело она по незнанию свершила:

Вышла замуж за сына. Отца умертвил он и в жены

Мать свою взял. Но тотчас же об этом людей повестили

275 Боги. Но все и, и страданья терпя, в возлюбленных Фивах

Царствовать он продолжал губительным божьим решением.

Мать же в обитель Аида-привратника, мощного бога,

Собственной волей сошла, на балке повесившись в петле,

Взятая горем. Ему же оставила беды, какие

280 От материнских эриний в обильи людей постигают.

Также Хлориду прекрасную там я увидел. Когда-то

За красоту ее взял себе в жены Нелей, заплативши

Выкуп несчетный. Была она младшая дочь Амфиона,

Сына Иасия; царствовал он в Орхомене минийском.

285 В Пилосе ставши царицей, детей родила она славных

Нестора, Хромия, Периклимена, бесстрашного в битвах.

Мощную также Перо родила она, диво меж смертных.

Сватались к ней все соседи. Однако Нелей соглашался

Только тому ее дать, кто сумеет угнать из Филаки

290 Стадо коров круторогих Ификла, славного силой.

Трудно их было угнать. Лишь один безупречный гадатель

Их обещался добыть. Но настигла его при попытке

Злая судьба божества - пастухи и тяжелые узы.

Месяц один за другим протекал, и дни убегали,

295 Год свой круг совершил, и снова весна воротилась.

Тут на свободу его отпустила Ификлова сила:

Все он ему предсказал, и решение Зевса свершилось.

После того я и Леду увидел, жену Тиндарея.

От Тиндарея у ней родились два сына могучих -

300 Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевком.

Оба землю они жизнедарною взяты живыми

И под землю от Зевса великого почестъ имеют:

День они оба живут и на день потом умирают.

Честь наравне им с богами обоим досталась на долю.

305 Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел.

Мне рассказала она, что сошлась с Посейдоном-владыкой.

Два у ней сына на свет родились - кратковечные оба, -

Славный везде Эфиальт и От, на бессмертных похожий.

Щедрая почва обоих вскормила высокими ростом.

310 Славному лишь Ориону они в красоте уступали.

Только девять им минуло лет - шириной они были

В девять локтей, в вышину ж девяти сажений достигали.

Даже бессмертным богам грозили они дерзновенно

Весь заполнить Олимп суматохой войны многобурной.

315 Оссу они на Олимп взгромоздить собирались, шумящий

Лесом густым Пелион - на Оссу, чтоб неба достигнуть.

Если б успели они возмужать, то и сделали б это.

Но умертвил их обоих рожденный Лето пышнокудрой

Зевсов сын до того, как зацвел под висками у братьев

320 Легкий пушок, подбородки же их волосами покрылись.

Федру, Прокриду прекрасную я увидал, Ариадну,

Дочь кознодея Миноса, которую с Крита когда-то

Вез с собою Тезей на священный акрополь афинский,

Но не успел насладиться - убила ее Артемида

325 По обвиненью ее Дионисом на острове Дие.

Мэру я видел, Климену с ужасной для всех Эрифилой,

Ценное золото в дар принявшей за гибель супруга.

Всех же не смог бы решительно я ни назвать, ни исчислить,

Сколько там дочерей и супруг я увидел героев, -

330 Прежде бессмертная б кончилась ночь. И давно уж пора мне

Спать, - на корабль ли пошедши к товарищам, здесь ли оставшись.

Мой же отъезд пусть будет заботою божьей и вашей".

Так он закончил. В глубоком молчании гости сидели.

Все в тенистом чертоге охвачены были восторгом.

335 Тут белорукая так начала говорить им Арета:

"Как вам, скажите, феаки, понравился этот пришелец

Видом и ростом высоким, внутри же - умом благородным?

Гость хотя он и мой, но все вы к той чести причастны.

Вот почему не спешите его отправлять и не будьте

340 Скупы в подарках. Ведь в них он нуждается очень. У вас же

Много накоплено дома богатств изволением бессмертных".

К ним обратился потом и старик Ехепей благородный,

Всех остальных феакийских мужей превышавший годами..

"Нет ничего, что бы шло против помыслов наших и целей,

345 В том, что сказала царица. Друзья, согласимся же с нею.

А порешить все и сделать - на то Алкиноева воля".

Вот что тогда Алкиной, ему отвечая, промолвил:

"Все, что сказано, будет на деле исполнено так же

Верно, как то, что я жив и что я феакийцами правлю.

350 Гость же пускай наш потерпит. Хоть очень в отчизну он рвется,

Все же до завтра придется ему подождать, чтоб успел я

Все приношенья собрать. Об его ж возвращеньи подумать -

Дело мужей, всех прежде - мое, ибо я здесь властитель".

И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:

355 "Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!

Если б еще мне и на год вы тут приказали остаться,

Чтобы поездку устроить и славных набрать мне подарков,

Я б согласился охотно: намного мне выгодней было б

С более полными в землю отцов возвратиться руками.

360 Был бы я боле тогда уважаем и был бы милее

Всем, кто увидит меня, когда я в Итаку вернуся".

Тотчас царь Алкиной, ему отвечая, промолвил:

"Смотрим мы на тебя, Одиссей, - и никак не возможно

Думать, что лжец, проходимец пред нами, каких в изобилии

365 Черная кормит земля средь густо посеянных смертных,

Нагло сплетающих ложь, какой никому не распутать.

Прелесть в словах твоих есть, и мысли твои благородны.

Что ж до рассказа о бедах твоих и о бедах ахейцев, -

Словно певец настоящий, искусный рассказ свой ведешь ты!

370 Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:

Видел кого-либо ты из товарищей там богоравных,

Бившихся также под Троей и участь свою там принявших?

Ночь эта очень длинна, без конца. И еще нам не время

Спать. Продолжай же рассказ о чудесных твоих приключениях,

375 Я до зари здесь божественной рад оставаться все время,

Если про беды свои мне рассказывать ты пожелаешь".

И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:

"Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!

Время для длинных рассказов одно, для сна же - другое.

380 Если, однако, еще ты послушать желаешь, охотно

И про другое тебе расскажу, что гораздо плачевней, -

Про злоключенья товарищей тех, что позднее погибли:

Из многостонных боев с троянцами целыми вышли,

При возвращеньи ж погибли стараньями женщины гнусной.

385 После того как рассеяла души всех жен слабосильных
Чистая Персефонея туда и сюда, появилась
Передо мною душа Агамемнона, сына Атрея,
Глядя печально. Вокруг собрались товарищей души -
Всех, кто смертную участь с ним принял в Эгистовом доме.

390 Тотчас меня он узнал, как только увидел глазами.

Громко заплакал Атрид, проливая обильные слезы,
Руки простер он, меня заключить порываясь в объятья.

Больше, однакоже, не было в нем уж могучей и крепкой
Силы, какую когда-то полны были гибкие члены.

395 Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.

Громко к нему со словами крылатыми я обратился:

- Славный герой Атреид, владыка мужей Агамемнон!

Что за Кера тебя всех печалюющей смерти смирила?

Или тебя Посейдон погубил в кораблях твоих быстрых,

400 Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров?

Или на суше тебя враги погубили в то время,

Как ты отрезать старался коровьи стада и овечьи

Или как женщин и город какой захватить домогался? -

Так говорил я. Тотчас же он, мне отвечая, промолвил:

405 - Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Не Посейдон мне погибель послал в кораблях моих быстрых,

Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров,

И не враждебные люди меня погубили на суше.

Смерть и несчастье готовя, Эгист пригласил меня в дом свой

410 И умертвил при пособьи супруги моей окаянной:

Стал угощать - и зарезал, как режут быка возле яслей.

Так печальнейшей смертью я умер. Зарезаны были

Тут же вокруг и товарищи все, как свиньи, которых

Много могущий себе разрешить, богатейший хозяин

415 К свадьбе, к пирушке обычной иль к пиру роскошному режет.

Видеть, конечно, немало убийств уж тебе приходилось -

И в одиночку погибших и в общей сумятице боя.

Но несказанной печалью ты был бы охвачен, увидев,

Как меж кратеров с вином и столов, переполненных пищей,

420 Все на полу мы валялись, дымившемся нашею кровью.

Самым же страшным, что слышать пришлось мне, был голос Кассандры,

Дочери славной Приама. На мне Клитемнестра-злодейка

Деву убила. Напрасно слабевшей рукою пытался

Меч я схватить, умирая, - рука моя наземь упала.

425 Та же, бесстыжая, прочь отошла, не осмелившись даже

Глаз и рта мне закрыть, уходившему в царство Аида.

Нет ничего на земле ужаснее, нет и бесстыдней

Женщины, в сердце своем на такое решившейся дело!

Что за дело она неподобное сделать решилась,

430 Мужу законному смерть приготовив коварно! А я-то

Думал, что в дом я к себе ворочуся на радость и детям

И домочадцам! Такое позорное дело свершивши,

И на себя она стыд навлекла и навек осрамила

Племя и будущих жен слабосильных, пускай и невинных. -

435 Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:

- Горе! Поистине, Зевс протяженно гремящий издавна

Возненавидел потомков Атрея, которым гибель

Шлет через женщин. Убито нас много мужей за Елену,

Ныне ж тебе издалека устроила смерть Клитемнестра. -

440 Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:

- Вот почему на жену полагаться и ты опасайся.

Не раскрывай перед нею всего, что в мыслях имеешь.

Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.

Но для тебя, Одиссей, чрез жену не опасна гибель:

445 Слишком разумна она и хорошие мысли имеет,

Старца Икария дочь, благонравная Пенелопея.

Мы, на войну отправляясь, ее молодою женою

Дома оставили, был у груди ее малым младенцем

Мальчик, который теперь меж мужей заседает в собраньи.

450 Счастлив твой сын! Воротившись, отец его дома увидит,

Так же и сам он прижмется к отцу, как обычно бывает.

Мне же супруга моя не позволила даже на сына

Всласть наглядеться. Я был во мгновение ею зарезан.

Слово другое скажу, и обдумай его хорошенько.

455 Скрой возвращенье свое и пристань кораблем незаметно

К родине милой твоей. Ибо женщинам верить опасно.

Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:

Слышать вам не пришлось ли о сыне моем, не живет ли

Он где-нибудь в Орхомене, иль в Пилосе, крае песчаном,

460 Или же в Спарте пространной у дяди его Менелая.

Ибо не умер еще Орест божественный - жив он! -

Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:

- Что ты об этом, Атрид, выпрашивать вздумал? Не знаю,

Жив ли еще он иль умер. На ветер болтать не годится. -

465 Так, меж собою печальный ведя разговор, мы стояли,

Горем объятые тяжким, обильные слезы роняя.

Тут ко мне подошла душа Ахиллеса Пелида,

Следом - Патрокла душа, Антилоха, отважного духом,

Также Аякса, который всех лучше и видом и ростом

470 После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев.

Сразу узнала меня душа Эакида героя.

Скорбно со словом она окрыленным ко мне обратилась:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Дерзостный, что еще больше, чем это, придумать ты мог бы?

475 Как ты решился спуститься в обитель Аида, где только

Тени умерших людей, сознания лишённые, реют? -

Так говорил он. И я, отвечая Пелиду, промолвил:

- Сын благородный Пелея, храбрейший меж всеми ахеец!

За прорицаньем пришел я к Тиресию, чтобы совет мне

480 Подал он, как в каменистую мне воротиться Итаку.

Не приближался еще я к ахейской стране, на родную

Землю свою не ступал. Беда за бедою приходит.

Ты же - не было мужа счастливей тебя и не будет!

Прежде тебя наравне почитали с богами живого

485 Все мы, ахейцы, теперь же и здесь, меж умерших, царишь ты.

Так не скорби же о том, что ты умер, Пелид благородный! -

Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:

- Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату

490 У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,

Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.

Ну, а теперь расскажи мне о сыне моем достославном,

К Трое отправился ль он или нет, чтоб сражаться меж первых?

О безупречном Пелее что слышать тебе довелось?

495 Все ль еще в прежней чести он у нас в городах мирмидонских

Или же в пренебреженьи живет на Элладе и Фтии,

Так как руками его и ногами уж старость владеет?

Если б на помощь ему под сияние яркое солнца

Мог я явиться таким, каким на равнине троянской

500 Я избивал наилучших бойцов, аргивян защищая, -

Если б таким я в отчизну явился хотя б не надолго,

Страшными б сделал я силу мою и могучие руки

Всем, кто теснит старика и почести должной лишает.

Так говорил Ахиллес. И, ему отвечая, сказал я:

505 - О безупречном Пелее, по правде сказать, ничего мне

Слышать нигде не пришлось. О твоём же возлюбленном сыне

Неоптолеме всю правду тебе, как ты просишь, скажу я.

В стан корабельный его к ахейцам красивопоножным

С острова Скироса сам я привез в корабле равнобоком.

510 Если вокруг Илиона, бывало, совет мы держали,

Первым всегда выступал он со словом полезным и дельным.

Нестор, подобный богам, и я лишь его побеждали.

Но на равнине троянской, когда мы сражались медью,

Он никогда не хотел в толпе среди других оставаться.

515 Рвался далеко вперед, с любым состязаясь в отваге.

Много мужей умертвил он в ужаснейших сечах кровавых.

Всех я, однако, тебе не смогу ни назвать, ни исчислить,

Столько избил он мужей, выступая в защиту ахейцев.

Так Еврипила героя, Телефова сына, убил он

520 Острою медью, и много кетейцев-товарищей пало

Возле него из-за принятых женщиной ценных подарков.

Только Мемнон богоравный его превышал красотой.

Ну, а когда мы входили в коня работы Епея, -

Мы, вожди аргивян, - и было поручено двери

525 Мне отмыкать и смыкать в запиравшейся крепко засаде,

Все остальные вожди и советчики войска ахейцев

Слезы стирали со щек, и у каждого члены тряслися.

Что ж до него, то все время ни разу увидеть не мог я,

Чтобы прекрасная кожа его побледнела иль слезы

530 Он утирал бы с лица. Напротив, меня умолял он,

Чтоб его выпустил я из коня, и хватался за пику,

За рукоятку меча, погибель врагам замышляя.

После того же как взяли мы город высокий Приама,

С долей своей и с богатой наградой поплыл он оттуда

535 На корабле - невредимый, не раненный острою медью

Ни в рукопашную, ни издалека, как это обычно

В битвах бывает: Арес ведь свирепствует в них без разбора. -

Так я сказал. И душа быстроногого сына Эака

Лугом пошла от меня асфодельным, широко шагая,

540 Радуюсь вести, что славою сын его милый покрылся.

Горестно души других мертвецов опочивших стояли.

Все домогались услышать о том, что у каждой лежало

На сердце. Только душа Теламонова сына Аякса

Молча стояла вдали, одинокая, все на победу

545 Злобясь мою, даровавшую мне пред судами доспехи

Сына Пелеева. Мать состязанье сама учредила.

Суд же тот дети троян решили с Палладой Афиной.

О, для чего в состязаньи таком одержал я победу!

Что за муж из-за этих доспехов погиб несравненный,

550 Сын Теламонов Аякс, - и своими делами и видом

После Пелида бесстрашного всех превышавший данайцев!

С мягкой и ласковой речью к душе его я обратился:

- Сын Теламонов, бесстрашный Аякс! Неужели и мертвый

Гневаться ты на меня никогда перестать не желаешь

555 Из-за проклятых доспехов, так много нам бед причинивших!

Ты, оплот наш всегдашний, погиб. О тебе непрестанно

Все мы, ахейцы, скорбим, как о равном богам Ахиллесе,

Раннюю смерть поминая твою. В ней никто не виновен,

Кроме Зевеса, который к войскам копьеборных данайцев

560 Злую вражду проявил и час ниспослал тебе смерти.

Ну же, владыка, приблизься, чтоб речь нашу мог ты и слово

Слышать. Гнев непреклонный и дух обуздай свой упорный! -

Так я сказал. Ничего мне Аякс не ответил и молча

Двинулся вслед за другими тенями умерших к Эребу.

565 Все же и гневный он стал бы со мной говорить или я с ним,

Если б в груди у меня не исполнился дух мой желаньем

Души также других скончавшихся мертвых увидеть.

Я там увидел Миноса, блестящего Зевсова сына.

Скипетр держа золотой, над мертвыми суд отправлял он, -

570 Сидя. Они же, его окруживши, - кто сидя, кто стоя,

Ждали суда пред широковоротным жилищем Аида.

После того увидал я гигантскую тень Ориона.

По асфодельному лугу преследовал диких зверей он, -

Тех же, которых в горах он пустынных когда-то при жизни

575 Палицей медной своею избил, никогда не крушимой.

Тития также я видел, рожденного славною Геей.

Девять пелетров заняв, лежал на земле он. Сидело

С каждого бока его по коршуну; печень терзая,

В сальник въедались ему. И не мог он отбиться руками.

580 Зевсову он обесчестил супругу Лето, как к Пифону

Чрез Панопей она шла, хоровыми площадками славный.

Я и Тантала увидел, терпящего тяжкие муки.

В озере там он стоял. Достигала вода подбородка.

Жаждой томимый, напрасно воды захлебнуть он старался.

585 Всякий раз, как старик наклонялся, желая напиться,

Тотчас вода исчезала, отхлынув назад; под ногами

Черную землю он видел, - ее божество осушало.

Много высоких деревьев плоды наклоняло к Танталу -

Сочные груши, плоды блестящие яблонь, гранаты,

590 Сладкие фиги смоковниц и ягоды маслин роскошных.

Только, однако, плоды рукою схватить он пытался,

Все их ветер мгновенно подбрасывал к тучам тенистым.

Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки.

Камень огромный руками обеими кверху катил он.

595 С страшным усилием, руками, ногами в него упираясь,

В гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень

Перевалиться чрез гребень, назад обращалась тяжесть.

Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину.

Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился

600 Пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась,

После того я увидел священную силу Геракла, -

Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе

В счастья живет и имеет прекраснородимую Гебу,

Златообутою Герой рожденную дочь Громовержца.

605 Мертвые шумно метались над ним, как мечутся в страхе

Птицы по воздуху. Темной подобясь ночи, держал он

Выгнутый лук, со стрелой на тугой тетиве, и ужасно

Вкруг озирался, как будто готовый спустить ее тотчас.

Страшная перевязь блеск издавала, ему пересекши

610 Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством

Огненноокие львы, медведи и дикие свиньи,

Схватки жестокие, битвы, убийства изваяны были.

Сделавший это пускай ничего не работает больше, -

Тот, кто подобный ремень с таким изукрасил искусством!

615 Тотчас узнавши меня, лишь только увидел глазами,

Скорбно ко мне со словами крылатыми он обратился:

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Что, злополучный, и ты, как я вижу, печальную участь

Терпишь, - подобную той, какую под солнцем терпел я?

620 Был я сыном Зевеса Кронида. Страданий, однако,

Я испытал без конца. Недостойнейший муж надо мною

Властвовал, много трудов на меня возложил тяжелейших.

Был я им послан сюда, чтобы пса привести. Полагал он,

Неисполнимее подвига быть уж не может другого.

625 Подвиг свершил я и пса из жилища Аидова вывел.

Помощь мне оказали Гермес с совоокой Афиной. -

Так сказавши, обратно в обитель Аида пошел он.

Я же на месте остался и ждал, не придет ли, быть может,

Кто еще из героев, погибших в минувшее время.

630 Я б и увидел мужей стародавних, каких мне хотелось, -

Славных потомков богов, Пирифоя, владыку Тезея.

Раньше, однако, слетелись бессчетные рои умерших

С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас, что вышлет

Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны,

635 Славная Персефонея богиня из недр преисподней.

Быстро взойдя на корабль, товарищам всем приказал я,

Следом взошедши за мной, развязать судовые причалы.

Тотчас они на корабль поднялись и к уключинам сели.

Вниз по высоким волнам Океана-реки понеслись мы, -

640 Первое время на веслах, потом - под ветром попутным".

Гомер. Одиссея. Песнь двенадцатая.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.

"Вскоре покинул корабль наш течение реки Океана

И по шумящим волнам широкодорожного моря

Прибыл на остров Эю, где рано родившейся Эос

Дом, и площадки для танцев, и место, где солнце восходит.

5 Там быстроходный корабль на прибрежный песок мы втащили,

Вышли и сами на берег немолчно шумящего моря

И, в ожидании Эос божественной, спать улеглись.

Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.

Мы поднялись. Послал я товарищей к дому Цирцеи

10 Труп принести Ельпенора умершего к берегу моря.

Дров нарубивши в лесу на самом высоком из мысов,

Похоронили товарища мы с сокрушеньем и плачем.

После того же как труп и оружие вместе сожгли мы,

Холм насыпали мы и камень могильный воздвигли.

15 Сверху же в холм тот могильный весло его прочное вбили.

Так по порядку свершили мы все. От Цирцеи не скрылось

Наше прибытие из царства Аида. Она, нарядившись,

Быстро пришла к нам. За нею служанки несли в изобилии

Хлеба и мяса, сосуды с пурпурным вином искрометным.

20 Ставши меж нас в середине, богиня богинь нам сказала:

- Дерзкие! В дом низошли вы Аида живыми! Два раза

Вам умереть! Остальные же все умирают однажды.

Сядьте ж теперь за еду и вино распивайте, покуда

Длится сегодняшней день. А завтра, лишь утро забрезжит,

25 В путь отправляйтесь. Дорогу я вам покажу и подробно

Все объясню, чтоб коварство чье-либо, несущее беды,

Не причинило беды вам какой на земле иль на море. -

Так сказала. Ее мы послушались сердцем отважным.

Целый день напролет до захода мы солнца сидели,

30 Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.

Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю,

Спутники спать улеглись вблизи корабельных причалов.

За руку взявши, Цирцея меня на песок усадила

От остальных вдалеке, легла и расспрашивать стала.

35 Все подробно я стал ей рассказывать, как что случилось.

После того мне словами сказала Цирцея царица:

- Все это сделано так, как и нужно. Теперь же послушай,

Что тебе я скажу и что тебе бог сам напомнит.

Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пеньем

40 Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.

Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,

Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети

Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.

Звонкою песнью своею его очаруют сирены,

45 Сидя на мягком лугу. Вокруг же огромные тлеют

Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.

Мимо корабль твой гони. Залепи товарищам уши,

Воск размягчив медосладкий, чтоб их ни один не услышал

Спутник. А если ты сам пожелаешь, то можешь послушать.

50 Пусть лишь товарищи, руки и ноги связав тебе крепко,

Стоя привяжут концами тебя к основанию мачты,

Чтоб наслаждаться ты мог, обеим внимая сиренам.

Если ж ты станешь просить и себя развязать им прикажешь,

Пусть они еще больше ремней на тебя намотают.

55 После того как сирен товарищи сзади оставят,
Дальше тебе ни за что говорить я не стану, какую
Выбрать дорогу тебе. Умом своим собственным должен
Это решить ты. А я расскажу об обеих дорогах.
Встретишь на первой утесы высокие. Яро пред ними

60 Волны кипят синеглазой богини морской Амфитриты.
Планктами эти утесы зовут всеблаженные боги.
Мимо тех скал пролететь ни птицы не могут, ни также
Робкие голуби - те, что амвросию Зевсу приносят.
Гладкий утес одного между них каждый раз убивает.

65 Тотчас, однако, отец заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Гибельным вихрем огня и волною носимые в море.
Скалы те миновал один лишь корабль мореходный,

70 Славный повсюду Арго, от царя возвращаясь Эета.
Так же б разбился мгновенно и он о высокие скалы,
Не проведи его Гера, любившая сильно Язона.
Два на дороге второй есть утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся

75 Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины
Воздух ни летом, ни осенью там не бывает прозрачным.

Смертный не мог бы взойти на утес иль спуститься обратно.

Даже когда двадцатью бы руками владел и ногами, -

Так этот гладок утес, как будто отесанный кем-то.

80 Мрачная есть в середине утеса большая пещера.

Обращена она входом на мрак, на запад, к Эребу.

Мимо нее ты направь свой корабль, Одиссей благородный.

Даже сильнейший стрелок, с корабля нацелясь из лука,

Полой пещеры не смог бы достигнуть своею стрелою.

85 Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.

Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же -

Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,

Радость почувствовал в сердце, - хоть если бы бог с ней столкнулся

Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.

90 Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях

По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда

Полные черною смертью обильные, частые зубы.

В логове полом она сидит половиною тела,

Шесть же голов выдаются наружу над страшною бездной,

95 Шарят по гладкой скале и рыбу под нею хватают.

Тут - дельфины, морские собаки; хватают и больших

Чудищ, каких в изобилии пасет у себя Амфитрита.

Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо

Он с кораблем невредино проехал: хватает по мужу

100 Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.

Там и другую скалу, Одиссей, ты увидишь, пониже,

Близко от той. Отстоит от нее лишь на выстрел из лука.

Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.

Прямо под ней от Харибды божественной черные воды

105 Страшно бушуют. Три раза она их на дню поглощает

И извергает три раза. Смотри же: когда поглощает -

Не приближайся! Тебя тут не спас бы и сам Земледержец!

К Сциллиной ближе держися скале и как можно скорее

Мимо корабль быстроходный гони. Несравненно ведь лучше

110 Шесть людей с корабля потерять, чем всех их лишиться. -

Так говорила. И я, отвечая Цирцее, промолвил:

- Очень тебя я прошу, богиня, скажи мне всю правду:

Если погибельной я избегну Харибды, могу ли

Сциллу я отразить, как хватать она спутников станет? -

115 Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:

- О необузданный! Снова труды боевые и битвы

В мыслях твоих! Уступить и самим ты бессмертным не хочешь!

Знай же: не смертное зло, а бессмертное Сцилла. Свирепа,

Страшно сильна и дика. Сражение с ней невозможно.

120 Силою тут не возьмешь. Одно лишь спасение в бегстве.

Если там промедлишь, на бой снаряжаясь со Сциллой,

Я боюсь, что снова она, на корабль ваш напавши,
Выхватит каждой своей головою по новому мужу.

Сколько есть силы гони, и притом воззови к Кратеиде,

125 Матери Сциллы, ее породившей на пагубу смертным:

Сциллу удержит она, чтоб вторично на вас не напала.

После увидишь ты остров Тринакрию. Много пасется

Там Гелиосовых жирных овец и коров тихоходных, -

Семь овечьих прекраснейших стад и столько ж коровьих.

130 По пятьдесят в каждом стаде голов. Они не плодятся,

Не вымирают. Пасут их прекрасноволосые нимфы.

Имя одной Фаэтуса, другой же Лампетия имя.

Их Гелиос Гиперион с божественной прижил Неэрой.

Выкормив их и родивши, почтенная мать их послала

135 Жить на Тринакрию остров, в большом от нее отдалении,

Чтоб стерегли там отцовских овец и коров тихоходных.

Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,

Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.

Если же тронешь стада, - - и тебе предвещаю я гибель

140 И кораблям и товарищам всем. Ты хоть смерти избегнешь,

Поздно вернешься домой, товарищей всех потерявши. -

Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.

Встала богиня богинь и в жилище свое удалилась.

Быстро взойдя на корабль, товарищам всем приказал я,
145 Следом взошедши за мной, развязать судовые причалы.

Тотчас они на корабль поднялись, и к уключинам сели

Следом один за другим, и ударили веслами море.

Был вослед кораблю черноносому ветер попутный,

Парус вздувающий, добрый товарищ, нам послан Цирцеей

150 В косах прекрасных, богиней ужасною с речью людскою.

Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы

Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.

Сердцем сильно крушась, к товарищам я обратился:

- Не одному, не двоим только нужно, товарищи, знать нам,

155 Что предсказала мне ночью Цирцея, богиня в богинях.

Всем вам все расскажу я, чтоб знали вы, ждет ли нас гибель

Или возможно еще ускользнуть нам от смерти и Керы.

Прежде всего убеждала она, чтобы мы избегали

Пенья чудесноголосых сирен и цветочного луга.

160 Мне одному разрешила послушать. Однако должны вы

Крепко меня перед этим связать, чтоб стоял я на месте

Возле подножия мачты, концы ж прикрепите к подножью.

Если я стану просить и меня развязать прикажу вам,

Больше тотчас же еще ремней на меня намотайте.

165 Так, говоря по порядку, товарищам все рассказал я.

Быстро неся наш прочный корабль, и вскоре пред нами
Остров сирен показался - при ветре попутном мы плыли.
Тут неожиданно ветер утих, неподвижною гладью
Море простерлось вокруг: божество успокоило волны.

170 Встали товарищи с мест, паруса корабля закатали,
Бросили в трюм их, а сами, к уключинам сев на скамейки,
Веслами стали взбивать на водной поверхности пену.
Круг большой я достал пчелиного воска, на части
Мелко нарезал и сильными стал разминать их руками.

175 Быстро воск размягчился от силы, с какой его мят я,
И от лучей Гелиоса владыки Гиперионида.
Воском я всем по порядку товарищам уши замазал,
Те же, скрутивши меня по рукам и ногам, привязали
Стоя к подножию мачты концами ременной веревки,

180 Сами же, севши, седое ударили веслами море.
На расстояньи, с какого уж крик человеческий слышен,
Мчавшийся быстро корабль, возникший вблизи, не укрылся
От поджидавших сирен. И громко запели сирены:
- К нам, Одиссей многославный, великая гордость ахейцев!

185 Останови свой корабль, чтоб пение наше послушать.
Ибо никто в корабле своем нас без того не минует,
Чтоб не послушать из уст наших льющихся сладостных песен
И не вернуться домой восхищенным и много узнавшим.

Знаем все мы труды, которые в Трое пространной

190 Волей богов понесли аргивяне, равно как троянцы.

Знаем и то, что на всей происходит земле жизнедарной, -

Так голосами они прекрасными пели. И жадно

Мне захотелось их слушать. Себя развязать приказал я,

Спутникам бровью мигнув. Но они гребли, наклонившись.

195 А Перимед с Еврилохом немедленно с мест поднялся,

Больше ремней на меня навязали и крепче скрутили.

После того как сирены остались сзади и больше

Не было слышно ни голоса их, ни прекрасного пенья,

Тотчас вынули воск товарищи, мне дорогие,

200 Вмазанный мною им в уши, меня ж отпустили на волю.

Только, однакоже, остров сирен мы покинули, тотчас

Пар и большую волну я увидел и грохот услышал.

Спутники в ужас пришли, из рук их попадали весла.

Весла, шипя, по теченью забились. На месте корабль наш

205 Стал: уж не гнали его с краев заостренные весла.

Я же пошел чрез корабль и товарищей, в ужас пришедших,

Мягко стал ободрять, становясь возле каждого мужа:

- Мы ли, друзья, не успели ко всяческим бедам привыкнуть!

Право же, эта беда, что пред нами, нисколько не больше

210 Той, когда нас циклоп в пещере насильственно запер,

Но и оттуда искусство мое, мой разум и доблесть

Вывели вас. Так и эту беду вы потом вспомняете.

Нынче ж давайте исполнимте дружно все то, что скажу я.

Вы, при уключинах сидя, чрез волны глубокие моря

215 Веслами дружно гребите. Быть может, Кронид-промыслитель

Даст нам уйти и спастись от опасности, нам здесь грозящей.

Кормчий! Тебе же даю приказанье: все время, как будешь

Править рулем корабля, держи в уме своем вот что:

Дальше корабль направляй от этой волны и от пара,

220 Правь его к той вон высокой скале, чтоб сюда незаметно

Наш не втянуло корабль и нас бы не вверг ты в несчастье. -

Так говорил я. Послушались слов моих спутники тотчас.

Им не сказал я о Сцилле, о бедствии неотвратимом:

Весла они бы из рук упустили и, гресть переставши,

225 Все бы внутри корабля чернобокого спрятались в страхе.

О приказании тягостном том, что дала мне Цирцея, -

Не облекаться в доспехи для боя, - совсем позабыл я.

Славные быстро надевши доспехи и два длинноострых

Взявши копья, устремился на палубу я носовую.

230 Ждал я, - оттуда должна появиться сначала пред нами

Горная Сцилла, неся для товарищей наших несчастье.

Но ничего я увидеть не мог, и глаза утомились,

Пристально глядя все время на гору, покрытую мраком.

Узким проливом мы плыли, и в сердце теснились стенанья;

235 Сцилла с этого боку была, с другого Харибда,

Страх наводя, поглощала соленую воду морскую.

Воду когда извергала она, то вода клочкотала,

Словно в котле на огромном огне. И обильная пена

Кверху взлетала, к вершинам обоих утесов. Когда же

240 Снова глотала Харибда соленую воду морскую,

Вся открывалась пред нами кипящая внутренность. Скалы

Страшно звучали вокруг, внутри же земля открывалась

С черным песком. И товарищей бледный охватывал ужас.

Все мы, погибели близкой страхась, на Харибду глядели.

245 В это-то время как раз в корабле моем выгнутом Сцилла

Шесть схватила гребцов, наилучших руками и силой.

Я, оглянувшись на быстрый корабль и товарищей милых,

Только увидеть успел, как у поднятых в воздух мелькали

Ноги и руки. Меня они с воплем ужасным на помощь

250 Звали, в последний уж раз называя по имени скорбно.

Так же, как если рыбак на удочке длинной с уступа

В море с привязанным рогом быка лугового бросает

Корм, чтобы мелкую рыбу коварно поймать на приманку,

И, извиваясь, она на крючке вылетает на сушу, -

255 Так они бились, когда на скалу поднимала их Сцилла.

Там же при входе в пещеру она начала пожирать их.

С воплями в смертной тоске простирали ко мне они руки.

Многое я претерпел, пути испытую морские,

Но никогда ничего не случилось мне видеть ужасней!

260 После того как утесов и страшной Харибды и Сциллы

Мы избежали, тотчас же за этим на остров прекрасный

Бога мы прибыли. Много там было коров превосходных,

Широколобых, и тучных овец Гелиоса-владыки.

Издалека с корабля чернобокого в море открытом

265 Я уж услышал мычанье коров и овечье блеянье,

Шедшее к нам из загонов. И пало внезапно мне в сердце

Слово слепого провидца Тиресия, фивского старца,

Как и Цирцеи эйской, которая строго велела

Острова нам избегать Гелиоса, отрады для смертных.

270 Сердцем сильно крушась, к товарищам я обратился:

- Слушайте то, что скажу, хоть и так вы страдаете много.

Я сообщить вам хочу приказанья Тиресия старца,

Как и Цирцеи эйской, которая строго велела

Острова нам избегать Гелиоса, отрады для смертных.

275 Там, говорили они, нас ужасное зло ожидает.

Мимо поэтому черный корабль наш, друзья, направляйте! -

Так я сказал. И разбилось у спутников милое сердце.

Тотчас мне Еврилох ответил погибельной речью:

- Крепок же ты, Одиссей! Велика твоя сила! Не знают

280 Члены усталости. Право, как будто ты весь из железа!

Нам, истомленным трудом и бессонницей, ты запрещаешь

Выйти на сушу, чтоб там, на острове, морем объятom,

Вкусный ужин себе наконец мы могли приготовить.

Нет, ты на остров пустить нас не хочешь, а хочешь заставить

285 Быстро пришедшею ночью блуждать по туманному морю.

Ведь из ночей-то всегда и рождаются опасные ветры,

Гибель судов. Ну, избегнет ли кто-либо смерти грозящей,

Если на нас в темноте неожиданно вихрем ударит

Нот или буйный Зефир, которые всех наиболее

290 Быстрые губят суда даже против желанья бессмертных?

Лучше теперь покоримся велению сумрачной ночи,

На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.

Завтра же снова с зарею в широкое пустимся море. -

Так сказал Еврилох. И с ним согласились другие.

295 Стало мне ясно тогда, что беду божество нам готовит.

Голос повывисив, ему я слова окрыленные молвил:

- Я, Еврилох, здесь один. Вы меня принуждаете силой!

Вот что, однако: великой мне клятвою все поклянитесь,

Что, если стадо коров иль большую овечью отару

300 Мы повстречаем, никто святотатной рукой не посмеет

Хоть бы единой коснуться овцы иль коровы: спокойно

Пищу вы можете есть, какой нас Цирцея снабдила. -

Так я сказал. И тотчас же они поклялись, как велел я.

После того как они поклялись и окончили клятву,

305 Прочный корабль свой ввели мы в залив, окруженный скалами,

Около сладкой воды. С корабля мы спустились на берег.

Спутники начали ужин со знанием дела готовить.

После того как желанье питья и еды утолили,

Вспомнив, оплакивать стали товарищей милых, которых

310 Вдруг сорвала с корабля и съела свирепая Сцилла.

Вскоре на плакавших спутников сон ниспустился глубокий.

Ночи была уж последняя треть, и созвездья склонились.

Тучи собирающий Зевс неожиданно ветер свирепый

С вихрем неслыханным поднял и скрыл под густейшим туманом

315 Сушу и море. И ночь ниспустилася с неба на землю.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Судно извлекши, его мы втащили под своды пещеры,

Где собирались для плясок прекрасных бессмертные нимфы.

Всех я тогда на собранье созвал и вот что сказал им:

320 - Есть, друзья, и еда и питье в корабле нашем быстром.

Трогать не станем же этих коров, чтоб беды не случилось,

Ибо все эти коровы и овцы - стада Гелиоса,

Страшного бога, который все видит на свете, все слышит. -

Так говорил я. И духом отважным они подчинились.

325 Целый месяц свирепствовал Нот, непрерывно бушуя.

Не было ветров в тот месяц других, кроме Евра и Нота.

Спутники в хлебе и в красном вине не нуждались вначале

И не касались коров, хоть и очень их к мясу тянуло.

Вскоре, однакоже, все в корабле истощились запасы.

330 Стали товарищи волей-неволей ходить на охоту.

Начали птицу ловить и все, что до рук доходило;

Рыбу ловили крючками: терзал жесточайший их голод.

Как-то пошел я от моря на остров богам помолиться,

Чтобы из них кто-нибудь явил нам дорогу к возврату.

335 После того как порядком от спутников я удалился,

Вымывши руки и место, от ветров закрытое, выбрав,

Всем я молитву вознес бессмертным богам олимпийским.

После того они сладостный сон мне излили на веки.

Злое тогда Еврилох предложенье товарищам сделал:

340 - Слушайте, что я скажу, хоть и так вы страдаете много,

Всякие смерти, конечно, ужасны для смертных несчастных,

Все же печальней всего - голодную смертью погибнуть.

Выберем лучших коров в Гелиосовом стаде и в жертву

Здесь принесем их бессмертным, владеющим небом широким.

345 Если ж обратно вернемся в Итаку, в родимую землю,
Гипериону мы там Гелиосу немедля воздвигнем
Храм богатейший и много в него драгоценностей вложим.
Если ж, на нас рассердясь за коров пряморогих, корабль наш
Он погубить пожелает с согласия прочих бессмертных, -

350 Лучше согласен я сразу погибнуть, волны наглотавшись,
Нежели мучиться долго на острове этом пустынном. -
Так сказал Еврилох. И товарищи с ним согласились.
Выбрав коров наилучших, они их пригнали из стада.
Было оно недалеко. Паслось возле самого судна

355 Широколобых коров тихоходных прекрасное стадо.
Их обступили они и стали бессмертным молиться,
Гладких листьев нарвавши на дубе высоковершинном:
Белого в судне у них ячменя не имелось уж больше.
После, когда помолились, - зарезали, кожу содрали,

360 Бедрa немедля отсекли, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.
Но, не имея вина. чтоб полить им горящие жертвы,
Просто водой окропили и начали потрохи жарить.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы;

365 Прочее все, разделив на куски, наткнули на прутья.
В это-то время от век моих сладостный сон удалился.
Быстро направился я к кораблю и к шумящему морю.

От корабля двоехвостого был я совсем уже близко.

Вдруг я почувствовал запах горячий шипящего жира.

370 Вырвался стон у меня, и громко воззвал я к бессмертным:

- Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!

В гибельный сон вы меня для огромной беды погрузили!

Спутники страшное дело надумали, здесь оставаясь! -

Длинноодежная дева Лампетия вмиг к Гелиосу

375 С вестью пришла, что коровы его перерезаны нами.

Сердцем разгневался он и так обратился к бессмертным:

- Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!

Кары прошу для людей Одиссея, Лаэртова сына!

Дерзко они умертвили коров, на которых с такою

380 Радостью я любовался, - вступал ли на звездное небо

Или спускался с него, к земле направляясь обратно.

Если же им за коров соответственной кары не будет,

В царство Аида сойду я и буду светить для умерших! -

Зевс, собирающий тучи, ему отвечая, промолвил:

385 - Нет, Гелиос, продолжай освещать для богов всеблаженных,

Как и для смертнорожденных людей, жизнедарную землю.

Быстрый корабль Одиссея слепящею молнией скоро

Вдребезги я разобью посреди винно-чермного моря. -

Это я все от Калипсо прекрасноволосой услышал,

390 Ей же вожатый Гермес сообщил, как она мне сказала.

После того как спустился назад к кораблю я и к морю,
К каждому спутнику стал подходить я, браня их, но средства
Мы никакого найти не могли: уж погибли коровы.
Знаменье следом за этим послали товарищам боги:

395 Ползали шкуры, мычало на вертелах, словно живое,

Мясо - и то, что сырым еще было, и что уж поспело.

Шесть после этого дней товарищи, мне дорогие,
Ели быков Гелиоса, беря наилучших из стада.

День седьмой ниспослал собирающий тучи Кронион,

400 И прекратился тогда бушевавший неистово ветер.

Быстро взойдя на корабль, мы пустились в широкое море,
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус.

После того как мы остров оставили сзади и больше
Не было видно земли никакой, а лишь небо да море,

405 Черную тучу внезапно Кронид распростер молневержец

Над кораблем нашим полым. И море под ней потемнело.

Очень недолгое время корабль наш бежал. Завывая,

Западный ветер внезапно на нас налетел ураганом.

Силою вихря порвал он канаты, державшие мачту,

410 Оба! И мачта упала назад. Повалилися снасти

В трюм, залитый водой. На корме корабельная мачта

Кормчего в голову с маху ударила, вдребезги кости
Черепу все раздробила. И он, водолазу подобный,
С палубы в воду нырнул, и дух его кости оставил.

415 Бешено Зевс загремел и молнию бросил в корабль наш.

Молнией Зевса сраженный, в волнах наш корабль закрутился.

В воздухе серой запахло. Попадали спутники в море.

Словно вороны, вокруг корабля они стаей носились

В бурных волнах. Божество возвращенья домой их лишило.

420 По кораблю я метался, покамест дощатой обшивки

С килы волны не сбили и остова прочь не умчали.

Вместе же с килем и мачту упавшую; следом за мачтой

Длинный ременный канат из кожи воловьей тянулся.

Накрепко мачту и киль ремнем привязал я друг к другу,

425 Их обхватил, и помчал по волнам меня гибельный ветер.

Вдруг прекратился Зефир, надо мной ураганом шумевший.

Нот, появившийся вскоре, поверг меня в ужас и горе,

Как бы к погубительной он не погнал меня снова Харибде.

Целую ночь по волнам я носился. С восходом же солнца

430 Сциллы утес и Харибду я вновь увидал пред собою.

Воду соленую моря Харибда как раз поглощала.

Вверх тогда я к высокой смоковнице прыгнул из моря,

Ствол охватил и прильнул, как летучая мышь. И не мог я

Ни опереться ногами о землю, ни выше подняться:

435 Корни были глубоко внизу, а ветки высоко;

Длинные, частые, тенью они покрывали Харибду.

Крепко держался я там и ждал, чтоб Харибда обратно

Мачту и киль изрыгнула. Они наконец появились, -

Поздно: когда на собраньи судья, разрешивший уж много

440 Тяжеб меж граждан, встает, чтоб отправиться ужинать в дом свой, -

В это лишь время опять из Харибды явились бревна.

Выпустил ствол я из рук и из ног и обрушился прямо

В кипень бушующих волн вблизи от извергнутых бревен.

Влез я на бревна и начал руками, как веслами, править.

445 Сцилле ж меня не позволил родитель бессмертных и смертных

В море заметить: иначе я там бы погиб неизбежно.

Девять носился я дней. На десятый к Оигии боги

Ночью пригнали меня. Обитает там нимфа Калипсо

В косах прекрасных, богиня ужасная с речью людскою.

450 Холила нимфа меня и любила. Но что мне про это

Вам говорить? Ведь вчера уж об этом о всем рассказал я

В доме тебе и прекрасной супруге твоей. Неприятно

Снова подробно о том говорить, что уж сказано было".

Гомер. Одиссея. Песнь тринадцатая.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Так сказал Одиссей. И долго царило молчанье.

Были охвачены все восхищеньем в тенистом чертоге.

Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:

"Раз, Одиссей благородный, приехал ты в меднопорожный

5 Дом наш высокий, - к себе, я уверен, без новых скитаний

Ты уж вернешься, какие б страданья ни вытерпел раньше.

К вам же, старейшины, я обращаюсь с таким предложеньем,

К вам, что в чертоге моем почетным вином искрометным

Дух услаждаете свой и прекрасным внимаете песням:

10 Платье для гостя в сундук полированный сложено, также

Золото в тонких изделиях и все остальные подарки,

Что поднесли ему вы, советчики славных феаков.

Вот что: дадим-ка еще по большому треножнику каждый

И по котлу. А себя наградим за убытки богатым

15 Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам".

Так сказал Алкиной, и понравилось всем предложенье.

Встали они и для сна по жилищам своим разошлись.

Только, однако, явилась из тьмы розоперстая Эос,

С крепкою утварью медной они к кораблю поспешили.

20 Стала корабль обходить Алкиноя священная сила.

Сам под скамейками все разместил он подарки феаков,

Чтоб не мешали гребцам, когда они в весла ударят.

Те, к Алкиною придя, приступили к роскошному пиру.

В жертву быка принесла Алкиноя священная сила.

25 Туч собирателю Зевсу Кронида, владыке над всеми,

Бедрa сожгли, а потом за пир богатейший уселись

И наслаждались. Певец же божественный пел под формингу, -

Чтимый всеми людьми Демодок. Но голову часто

Царь Одиссей обращал к лучезарному солнцу - к закату

30 Мыслью его торопя; уж очень желал он уехать.

Так же, как жадно мечтает об ужине пахарь, который

Плугом весь день целину поднимал на волнах винноцветных;

С радостным сердцем он видит, что солнце спустилось на землю,

Что уже время на ужин брести ему шагом усталым.

35 Так наконец, Одиссею на радость, спустилось солнце.

Веслолюбивым мужам феакийским тотчас же сказал он,

Больше всего обращаясь со словом своим к Алкиною:

"Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!

В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным,

40 Сами ж - прощайте! Тут все совершается так, как желало

Сердце мое, - и отъезд и дары дорогие. Пускай их

Благословят Ураниды бессмертные! Пусть безупречной

Дома жену я найду, здоровыми - всех дорогих мне!

Вы же на радость законным супругам и детям любимым

45 Здесь оставайтесь! Пускай всевозможные блага пошлют вам

Боги, и пусть никакой с народом беды не случится!"

Слово одоблив его, согласились все, что в отчизну

Должно его переслать, ибо все справедливо сказал он.

Молвила вестнику после того Алкиноева сила:

50 "Воду с вином, Понтоной, в кратере смешай и сейчас же

Чашами всех обнеси, чтобы, Зевсу-отцу помолившись,

Гостя отправили мы в отчизну его дорогую".

И замешал Понтоной вина медосладкого тотчас,

Каждому чашу поднес, и все совершать возлиянья

55 Стали бессмертным богам, владеющим небом широким, -

Сидя в креслах своих. Поднялся Одиссей богоравный

С места, Арете вручил двоеручную чашу, потом же

Голос повысил и ей слова окрыленные молвил:

"Радуйся духом, царица, все время, пока не наступят

60 Старость и смерть, неизбежно ко всем приходящие людям.

Я отправлюсь к себе. А ты в этом доме высоком

Будь счастлива детьми, народом, царем Алкиноем!"

Так сказавши, ступил чрез порог Одиссей богоравный,

Вестника в помощь ему Алкиноева сила послала,

65 Чтоб Одиссея провел к кораблю и к берегу моря.

Женщин-рабынь с Одиссеем послала царица Арета.

Первой нести она вымытый плащ и хитон поручила,

Прочный сундук превосходной работы тащила другая,

Третья хлебы несла с вином искрометным. Когда же

70 Все подошли к кораблю и к прибоем шумящему морю,

Приняли тотчас гребцы принесенные вещи, сложили

Все их внутри корабля - и питье и дорожную пищу.

Для Одиссея ж они на корме на палубе гладкой

Полого их корабля простыню и ковер расстелили,

75 Чтоб ему спать непробудно. Взошел на корабль он, улегся

Молча. Они же попарно в порядке к уключинам сели

И отвязали канат от камня с дырой просверленной.

И наклонились гребцы и ударили веслами море.

Сон освежающий тут упал Одиссею на веки,

80 Сладкий сон, непробудный, ближайше со смертью сходный.

Как четверня жеребцов в колеснице под градом ударов,

Им непрерывно бичом наносимых, широкой равниной

Бешено мчится вперед, высоко над землей поднимаясь,

Так поднимался и нос корабля, назади ж, за кормою,

85 Громко шипела, кипя, волна многошумного моря.

Прямо вперед уносился корабль. И угнаться не смог бы

Даже и сокол за ним, быстрейшая птица меж всеми.

Быстро мчался корабль, морскую волну рассекая,

Мужа везя, по уму сравнимого только с богами.

90 Много в сердце страданий пришлось перенести ему раньше

В битвах жестоких с мужами, в волнах разъяренного моря.

Тихо спал он теперь, забыв о минувших страданиях.

Вышла на небо ночное звезда светозарная, людям

Близость пришествия рано рожденной зари возвещая.

95 К острову тут подошел быстролетный корабль мореходный.

Есть в итакийской стране залив один превосходный

Старца морского Форкина. У входа его выдаются

Два обрывистых мыса, отлого спускаясь к заливу.

Мысы залив защищают снаружи от поднятых бурей

100 Яростных волн. И корабль крепкопалубный, с моря зашедши

В этот залив на стоянку, без привязи всякой стоит в нем.

Где заливу конец, длиннолистая есть там олива.

Возле оливы - пещера прелестная, полная мрака.

В ней - святилище нимф; наядами их называют.

105 Много находится в этой пещере амфор и кратеров

Каменных. Пчелы туда запасы свои собирают.

Много и каменных длинных станков, на которых наяды

Ткут одеянья прекрасные цвета морского пурпура.

Вечно журчит там вода ключевая. В пещере два входа:

110 Людям один только вход, обращенный на север, доступен.

Вход, обращенный на юг, - для бессмертных богов. И дорогой

Этою люди не ходят, она для богов лишь открыта.

Все наперед это зная, в залив они въехали. Быстро

До половины взбежал на сушу корабль их с разбега:

115 Руки могучих гребцов корабль этот веслами гнали.

Только что врезался в берег корабль их, сработанный прочно,

С палубы прежде всего они Одиссея подняли

Вместе с блестящим ковром, с простыней, на которых лежал он,

И на прибрежный песок покоренного сном положили.

120 После достали богатства, какие ему чрез посредство

Высокодушной Афины феаки преславные дали.

Все их сложили они у подножья тенистой оливы,

Прочь от дороги, чтоб как-нибудь кто из людей проходящих

Раньше, чем сам Одиссей пробудился, вреда не принес бы.

125 Сами же тотчас отплыли домой. Но Земли Колебатель

Не позабыл об угрозах, которыми он Одиссею

Раньше грозил. Обратился он к Зевсу, чтоб дело решил он:

"Зевс, наш родитель! Теперь никакой меж бессмертных богов

мне

Чести не будет, когда уже смертные люди, феаки,

130 Не почитают меня, от меня же ведущие род свой!

Вот, например, с Одиссеем: я ждал, что домой он вернется

Лишь после множества бед. Возвращения его не лишал я

Вовсе: его ты ему обещал и кивнул головою.

Эти ж на быстром судне отвезли его, спящего, морем

135 И на Итаке ссадили, без счета даров надававши,
Вдоволь золота, меди и тканой прекрасной одежды, -
Столько, сколько б наверно привезть он не мог и из Трои,
Если б домой со своею он долей добычи вернулся".

Зевс, собирающий тучи, ему отвечая, промолвил:

140 "Что говоришь ты, Земли Колебатель широкодержавный!

Очень тебя почитают бессмертные. Да и возможно ль
Не почитать одного из старейших богов и знатнейших?
Если ж тебя человек оскорбит, то настолько ничтожны
Силы его пред тобой, что всегда ты отмстить ему сможешь.

145 Действуй теперь как желаешь и как тебе сердцем хотелось".

Тотчас ответил ему Посейдон, сотрясающий землю:

"Все бы тотчас, Чернооблачный, сделал я так, как сказал ты,
Только я гнева боюсь твоего, я его избегаю.

Ну, а теперь я намерен прекрасный корабль феакийский,

150 В край свой обратно идущий по мглисто-туманному морю,

В щепы разбить, чтоб они наконец перестали в отчизну

Странников всех развозить. А город горой окружу им".

Зевс, собирающий тучи, ему возражая, промолвил:

"Вот как, по-моему, было б, мой милый, всего наилучше:

155 Только что в городе люди, на море взглянувши, заметят

Быстро бегущий корабль, преврати его в камень близ суши,

Вид корабля сохранив, чтоб в большое пришли изумленье
Граждане. Города ж им горой окружать бы не нужно".

Это когда услышал Посейдон, сотрясающий землю,

160 В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился.

Там он ждал. Подходил уже близко корабль мореходный,
Быстро плывя. Подошел к нему близко Земли Колебатель,
Сделал скалою его и в дно ее втиснул морское,
Крепко ударив ладонью. И после того удалился.

165 Между собою в большом удивленьи вели разговоры

Славные дети морей, длинновеслые мужи феаки.

Так не один говорил, взглянув на сидевшего рядом:

"Боги! Да кто ж там корабль быстролетный, бегущий в
отчизну,

Вдруг удержал среди моря, когда уже весь был он виден?"

170 Так не один говорил. И не знали, как все случилось.

С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:

"Горе нам! Нынче сбывается все, что отец мой когда-то

Мне предсказал! Говорил он: сердит на феаков жестоко

Бог Посейдон, что домой невредимыми всех мы развозим.

175 Будет день, утверждал он, когда феакийский корабль наш

При возвращеньи обратно по мгlisto-туманному морю

Бог разобьет и высокой горою наш город окружит.

Так говорил мне старик. И теперь все сбывается это.

Вот что: давайте исполнимте дружно все то, что скажу я:

180 Если отныне какой-нибудь смертный в наш город приедет,
Больше не будем его домой отправлять. Посейдону ж
В жертву двенадцать отборных быков принесем, и, быть может,
Сжалится он, не окружит нам города длинной горою".

Так говорил он. И в страхе быков они стали готовить.

185 Так земных сотрясателю недр, Посейдону-владыке,
Жарко молились вожди и советчики славных феаков,
Стоя вокруг алтаря. Одиссей пробудился лежащим
В крае отцовском своем. Совершенно его не узнал он,
Ибо давно уж там не был. Притом же окрестность покрыла

190 Мглою туманной Паллада Афина, чтоб не был и сам он
Узнан никем, чтоб успела ему все сказать по порядку,
Чтоб не узнали его ни жена, ни друзья, ни из граждан
Кто-либо прежде, чем он женихам не отмстит за бесстыдство.
Вот потому и другим показалось все Одиссею, -

195 Все: и тропинки в горах и глади спокойных заливов,
Темные главы деревьев густых и высокие скалы.
Быстро вскочил он, стоял и глядел на родимую землю.
После того зарыдал, руками по бедрам ударил

И обратился к себе, неудержным охваченный страхом:

200 "Горе! В какую страну, к каким это людям попал я?

К диким ли, духом надменным и знать не желающим правды,

Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?

Все сокровища эти - куда отнести их? Куда тут

Сам я попал? Отчего не остался я там, у феаков!

205 Я б как молящий прибегнуть к кому-нибудь мог и из прочих

Мощных царей, кто б меня полюбил и в отчизну отправил.

Тут же - не знаю, куда это спрятать? А если на месте

Все здесь оставлю, боюсь, чтоб не стало добычей другого.

Горе! Как вижу, не так справедливы, не так уж разумны

210 Были со мною вожди и советчики славных феаков!

В землю другую меня отвезли! Обещались на остров

Издали видный Итаку отвезть, и нарушили слово.

Да покарает их Зевс, покровитель молящих, который

Зорко следит за людьми и всем погрешившим отмщает!

215 Дай-ка, однако, взгляну на богатства свои, подсчитаю, -

Не увезли ли чего в своем корабле они полом?"

Так он сказал и считать тазы и треножки начал,

Золото в тонких изделиях, прекрасные тканые платья.

В целости все оказалось. В жестокой тоске по отчизне

220 Стал он бродить по песку близ немолчно шумящего моря,

Скорбью безмерной крушась. Подошла к нему близко Афина,

Юноши образ приняв, овечье пасущего стадо,

Нежного видом, какими бывают властителей дети.

Плащ двойной на плечах ее был превосходной работы;

225 Было копье у нее, в сандалях блестящие ноги.

Радость при виде ее взяла Одиссея, Навстречу

Деве пошел он и громко слова окрыленные молвил:

"В местности этой, о друг, с тобой повстречался я с первым.

Здравствуй! Прошу я тебя, не прими меня с сердцем недобрым,

230 Но сбереги мне вот это, спаси и меня. Я как богу

Жарко молюся тебе и к коленям твоим припадаю.

Также и вот что скажи мне вполне откровенно, чтоб знал я:

Что за земля? Что за край? Что за люди его населяют?

Остров ли это какой-нибудь, издали видный, иль в море

235 Мысом далеко врезается здесь материк плодородный?"

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

"Глуп же ты, странник, иль очень пришел к нам сюда

издалека,

Если расспрашивать вздумал об этой земле. Не совсем уж

Так неизвестна она. Ее очень многие знают

240 Как среди тех, кто лицом к заре обитает и к солнцу,

Так и средь тех, кто живет назади, к туманам и мраку.

Сильно скалиста она, в повозке на ней не проедешь,

Но не совсем уж бедна, хоть пространством не очень обширна.

Вволю хлеба на ней, и вволю вина там родится,

245 Ибо дожди выпадают нередко и росы обильны.

Пастбищ много прекрасных для коз и коров. И леса есть

Всякого рода. И много на ней водопадов богатых.

Имя Итаки, о странник, достигло наверно и Трои, -

А ведь она от ахейской земли, как я слышал, не близко".

250 Так сказала. И в радость пришел Одиссей многостойкий.

Рад он был, что отчизна пред ним, как ему сообщила

Зевса эгидодержавного дочь, Паллада Афина.

Громко к ней со словами крылатыми он обратился,

Правды, однакоже, ей не сказал, удержал в себе слово -

255 Хитрости много всегда таилось в груди Одиссея:

"Слышал я об Итаке уж в Крите просторном, далеко

За морем. Нынче ж и сам я пределов Итаки достигнул,

Эти богатства забравши. Оставивши столько же детям,

Я убежал, умертвив быстроногого там Орсилоха,

260 Идоменея сына, на Крите широкопросторном

Всех трудящихся тяжело людей побеждавшего в беге, -

Из-за того, что отнять у меня все богатства хотел он,

В Трое добытые, ради которых так много страдал я

В битвах жестоких с мужами, в волнах разъяренного моря;

265 Из-за того, что отцу я его не хотел подчиниться,

В Трое служа у него, а отряд свой отдельный составил.

Медью его я убил, когда возвращался он с поля,

Возле дороги устроив с товарищем верным засаду.

Ночь непроглядная небо тогда покрывала, никто нас

270 Видеть не мог из людей, и тайно свершилось убийство.

Все же, как только его я убил заостренною медью,

К славным тотчас финикийцам бежал на корабль я и с просьбой

К ним обратился, добычу богатую в дар предложивши.

Я попросил, на корабль меня взявши, отвезть или в Пилос,

275 Или в Элиду, божественный край многославных эпейцев;

Сила ветра, однако, от этих краев их отбила -

Против желания их: они обмануть не хотели.

Сбившись с дороги, сюда мы приехали позднею ночью.

В бухту с трудом мы на веслах корабль свой ввели, и, хоть были

280 Голодны все, но никто об ужине даже не вспомнил.

Так, сойдя с корабля, близ него на песок и легли мы.

Сильно устал я, и сладостный сон на меня ниспустился.

А финикийцы богатства мои с корабля отгрузили

И на песок их сложили близ места того, где лежал я,

285 Сами ж в Сидонию, край хорошо населенный, отплыли.

На берегу я остался один с растерзанным сердцем".

Так говорил он. В ответ улыбнулась богиня Афина

И Одиссея рукою погладила, образ принявши

Стройной, прекрасной жены, искусной в прекрасных работах.

290 Громко со словом она окрыленным к нему обратилась:

"Был бы весьма вороват и лукав, кто с тобой состязаться

Мог бы в хитростях всяких; то было бы трудно и богу.

Вечно все тот же: хитрец, ненасытный в коварствах! Ужели

Даже в родной очутившись земле, прекратить ты не можешь

295 Лживых речей и обманов, любимых тобою сызмальства?

Но говорить перестанем об этом. Ведь оба с тобою

Мы превосходно умеем хитрить. И в речах и на деле

Всех превосходишь ты смертных; а я между всеми богами

Хитростью славлюсь и острым умом. Ужель не узнал ты

300 Дочери Зевса, Паллады Афины? Всегда ведь с тобою

Рядом стою я во всяких трудах и тебя охраняю.

Я же и сделала так, что понравился всем ты феакам.

Нынче сюда я пришла, чтоб с тобой о дальнейшем подумать

И чтоб сокровища спрятать, какие тебе на дорогу

305 Славные дали феаки по мысли моей и совету,

Также чтоб знал ты, какие судьба тебе беды готовит

В доме твоём. Все должен ты вытерпеть, хочешь, не хочешь.

Не проболтайся, однако, смотри, никому ни из женщин,

Ни из мужчин, что домой из скитаний ты прибыл. Все муки

310 Молча носи, подчиняясь насильям людей обнаглевших".

Так Афине в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Трудно, богиня, тебя узнать человеку при встрече,

Как бы он опытен ни был: со всяким сходна ты бываешь.

Это крепко я помню, что ты мне была благосклонна

315 Раньше, когда мы, ахейцев сыны, воевали под Троей.

После того же как город высокий Приама мы взяли,

Морем домой как отплыли и бог всех ахейцев рассеял,

Больше тебя я не видел, Кронидова дочь, не заметил,

Чтоб, на корабль мой взойдя, ты меня от беды защитила.

320 С сердцем разбитым в груди я долго скитался, покуда

Боги меня наконец от напастей решили избавить.

Только когда очутился я в крае богатом феаков,

Ты ободрила меня и в город сама проводила.

Нынче ж во имя отца твоего умоляю; не верю

325 Я, чтобы вправду в Итаку я прибыл; в другой здесь какой-то

Я нахожуся стране, а ты надо мной посмеяться

Только хотела, мне это сказав, чтоб меня одурачить!

Вправду ль, скажи мне, я в землю родную к себе возвратился?"

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

330 "Дух в груди у тебя всегда, Одиссей, одинаков.

Вот почему и не в силах я бросить тебя, несчастливца.

Ты осторожен, умен, не теряешь присутствия духа.

С радостью всякий другой человек, воротившись из долгих
Странствий, домой поспешил бы, чтоб видеть детей и супругу.

335 Ты же стремишься скорей обо всех расспросить и разведать.

Прежде жену испытать ты желаешь, которая стойко
И доме тебя ожидает. В печали, в слезах непрерывных
Долгие дни она там и бессонные ночи проводит.

Что ж до меня, то сомнения я никогда не имела,

340 Знала, что сам ты вернешься, хоть спутников всех потеряешь,

Но не хотелось мне с Посейдоном-владыкой бороться,
Дядею мне по отцу. К тебе он пылает жестоким
Гневом, злобясь на то, что сына его ослепил ты.
Дай же тебе покажу я Итаку, чтоб ты убедился.

345 Это вот старца морского Форкина залив пред тобою.

Там, где кончается он, длиннолистую видишь оливу?
Возле оливы - пещера прелестная, полная мрака.
Там святилище нимф; наядами их называют.

В этой просторной пещере со сводом высоким нередко

350 Нимфам ты приносил гекатомбы отборные в жертву.

Это вот - Нерит-гора, одетая лесом дремучим".

Разогнала тут богиня туман. Открылась окрестность.

В радость пришел Одиссей многостойкий, когда вдруг увидел

Край свой родной. Поцелуем припал он к земле жизнедарной,

355 Поднял руки потом и начал молиться наядам:

"Зевсовы дочери, нимфы наяды, я вас никогда уж
Больше увидеть не думал! Приветствую вас я молитвой
Радостной! Будем мы вам и дары приносить, как бывало,
Если добычица Зевсова дочь благосклонно допустит,

360 Чтобы остался я жив и чтоб сын мой возлюбленный вырос".

Снова сказала ему совоокая дева Афина:

"Не беспокойся! Теперь не о том ты заботиться должен.
Нужно сейчас же, теперь, в углубленьи чудесной пещеры
Все сокровища спрятать, чтоб в целости там оставались.

365 Сами ж подумаем, как бы получше нам действовать дальше".

Так сказала богиня и в мрак углубилась пещеры,
Ощупью в ней закоулки ища. Одиссей же ко входу
Золото стал подносить и прочную медную утварь,
Платья богатые - все, что ему подарили феаки.

370 Тщательно их уложила и вход заградила скалою

Дочь эгидодержавного Зевса, Паллада Афина.
Сели оба они у подножья священной оливы,
Стали обдумывать, как погубить женихов обнаглевших.
Первою речь начала совоокая дева Афина:

375 "Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Как укротить женихов тебе этих бесстыдных, подумай.
Держатся в доме твоём уж три года они господами,

Святаясь к равной богам Пенелопе и выкуп давая.

Та, все время тебя дожидаясь в глубокой печали,

380 Всем надежду дает, обещается каждому порознь,

Вести ему посылает, в уме же желает иное".

Так богине в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Вот оно как! Предстояло и мне, значит, дома погибнуть,

Злую такую же участь приняв, как Атрид Агамемнон,

385 Если б всего наперед, богиня, ты мне не сказала.

Дай же мне мудрый совет, чтоб ведал я, как отомстить им.

Стой сама близ меня и дерзкую смелость внуши мне,

Как и в то время, когда разрушали твердыню мы Трои.

Если б ты мне и теперь, Совоокая, так помогала,

390 Я с тридцатью бы мужами в сраженье вступил в одиночку, -

Вместе с тобою, богиня, с твоей благосклонной подмогой".

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

"Нет, не оставлю тебя и тебя не забуду, как только

Время наступит нам дело начать. Не один, полагаю,

395 Из женихов, достоянье твое поедающих в доме,

Кровью своею и мозгом обрызжет широкую землю.

Дай-ка, однако, я сделаю так, чтоб тебя не узнали.

Сморщю прекрасную кожу твою на членах упругих,

Череп от русых волос обнажу и рубищем бедным

400 Плечи покрою, чтоб всякий глядел на тебя с отвращеньем.

Мутными станут глаза, такие прекрасные прежде,

Чтобы противным на вид ты всем женихам показался,

Как и оставленным дома тобою супруге и сыну.

Сам же ты прежде всего к свинопасу отправься, который

405 Ваших свиней стережет. Он привержен тебе неизменно.

Любит дитя он твое, Пенелопу разумную любит.

Возле свиней ты его и найдешь. А пасется их стадо

Подле Вороньей горы, вблизи родника Аретусы.

Воду черную там они пьют и едят в изобильи

410 Желуди дуба и все, от чего у них жир нарастает.

Там ты останься. Подсев, расспроси обо всем свинопаса,

Я же в Спарту, в город прекраснейших женщин, отправлюсь,

Чтоб Телемаха позвать, который к царю Менелаю

В Лакедемон, хоровыми площадками славный, поехал

415 Вести собрать о тебе, - существуешь ты где-нибудь, нет ли".

И, отвечая богине, сказал Одиссей многоумный:

"Зная всю правду, зачем же ее ты ему не сказала?

Не для того ль, чтоб и он натерпелся страданий, скитаясь

По беспокойному морю, добро ж его ели другие?"

420 Снова сказала ему совоокая дева Афина:

"Пусть чрезмерно тебя забота о нем не тревожит,

Я ведь сама провожала его, чтобы добрую славу

Этой поездкой добыл он. Без всяких лишений, спокойно

В доме Атрида сидит он и все в изобилии имеет.

425 Юноши, правда, его стерегут в корабле чернобоком,

Злую погибель готовя ему на возвратной дороге.

Но ничего не случится такого. Земля в себя раньше

Многих возьмет женихов, что богатства твои поедают".

Так сказав, к Одиссею жезлом прикоснулась Афина.

430 Сморщилась тотчас на членах упругих прекрасная кожа,

Череп от русых волос обнажился; и все его тело

Сделалось сразу таким, как у самого дряхлого старца.

Мутными стали глаза, такие прекрасные прежде.

Тело рубищем скверным одела его и хитоном -

435 Грязным, рваным, насквозь прокоптившимся дымом вонючим.

Плечи покрыла большою облезлою шкурой оленьей.

Палку в руки дала Одиссею и жалкую сумку,

Всю в заплатках, в дырах, и перевязь к ней из веревки.

Так сговорившись, они разошлись. Афина в прекрасный

440 Лакедемон понеслась, чтоб вернуть Одиссеева сына.

Гомер. Одиссея. Песнь четырнадцатая.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Он же пошел каменистой тропинкою вверх от залива

Через лесистые горы, туда, как Афина сказала,

Где божественный жил свинопас, о делах господина
Пекшийся более всех домочадцев, рабов Одиссея.

5 Он застал свинопаса сидящим в сенях. Простирался
Двор перед ним широкий на месте, кругом защищенном.

Хижину всю окружал он. В небытность хозяина двор тот
Огородил для свиней свинопас, камней натаскавши,
У госпожи не спросясь, не спросясь и у старца Лаэрта.

10 Дикие груши венчали забор тот высокий из камня.
Крепким, густым частоколом из кольев дубовых обнес он
Всюду снаружи забор, от черной коры их очистив.
А за забором, внутри, двенадцать закут он настроил,
Тесно одну близ другой, для ночевки свиней. В те закуты

15 По пятьдесят запиралось привыкших по грязи валяться
Маток свинных. А самцы-кабаны ночевали снаружи,
Много поменьше числом: на пиры женихов боговидных
Сколько уж было зарезано их! Свинопас ежедневно
Самого лучшего им доставлял кабана из жирнейших.

20 Триста их шестьдесят кабанов налицо оставалось.
Звероподобные псы там лежали, свиней охраняя, -
Четверо. Выкормил их свинопас, над мужами начальник.
Сам к ступням он своим подошвы прилаживал, резал
Их из кожи бычачьей прекрасного цвета. Другие

25 Все пастухи по полям разошлись со свинными стадами,
Трое. Четвертому он принужден был отдать приказанье
В город к надменным пойти женихам и свинью привести им,
Чтобы, ее заколов, насытили дух они мясом.

Вдруг, увидав Одиссея, сбежались шумно собаки,

30 Лаем дающие знать о себе. Одиссей перед ними
Благоразумно присел, но из рук его выпала палка.

Тут он позорную боль испытал бы в своем же владеньи,
Но свинопас, на проворных ногах поспешая на помощь,
Кинулся вон из сеней. Из рук его выпала кожа.

35 Грозно крича на собак и часто бросая камнями,

Стаю он разогнал и так обратился к владыке:

"Чуть тебя, было, старик, не порвали внезапно собаки!

То-то бы этим доставил ты мне и стыда и позора!

Много мне боги других уж скорбей ниспослали и стонов.

40 Вот я сижу, о владыке своем богоравном горюю,

А кабанов ведь кормлю, чтобы их поедали другие!

Мой же хозяин голодный, по пище тоскуя, блуждает

По городам где-нибудь и по землям людей чужедальних,

Если он еще жив и видит сияние солнца.

45 Следуй за мною, старик, зайдем-ка под кров мой, чтоб сам ты,

Пищей насытивши дух и вином, рассказал мне, откуда

Ты производишь, какие пришлось тебе вытерпеть беды".

В хижину тут свинопас божественный ввел Одиссея.

Введши, его посадил. Набросал зеленеющих веток.

50 Шкурой косматой козла бородатого сверху застлал их,

Бывшей постелью ему. И радость взяла Одиссея,

Что свинопас его так принимает, и слово сказал он:

"Дай тебе Зевс и другие бессмертные боги, хозяин,

Все, чего ты желаешь, что так меня принял радушно!"

55 Так, ему отвечая, Евмей-свинопас, ты промолвил:

"Если б и хуже тебя кто пришел, не посмел бы я, странник,

Гостем моим пренебречь. От Зевса приходит к нам каждый

Странник и нищий. Хоть я и немного даю, но с любовью.

Нам, рабам, поступать невозможно иначе: всегда мы

60 В страхе бываем, когда хозяева власть получают

Новые. Боги домой воротиться тому не судили,

Кто сердечно меня бы любил и имущество дал бы -

Дом, и участок земли, и желанную многим супругу,

Все, чем хороший хозяин раба своего одаряет,

65 Если он честно работал и боги ему помогали.

Так и мои процветают дела, при каких состою я.

Если б состарился здесь он, то многим меня наградил бы!

Но - погиб он, как пусть бы погибло отродье Елены

Все целиком, ибо многим она сокрушила колени!

70 Он ведь тоже пошел, Агамемнона честь защищая,
На Илион многоконный, чтоб против троянцев сражаться".
Так Одиссею сказал свинопас и, хитон подпоясав,
Быстро к закутам пошел, где стада поросят находились.
Выбравши двух, он понес их оттуда, обоих зарезал,

75 Их опалил, разрубил и, на вертелы части наткнувши,
Сварил, понес к Одиссею и гостю горячее мясо
Подавал на вертелах, ячной мукою куски пересыпав.
После медвяным вином деревянную чашу наполнил,
Сам против странника сел и, его приглашая, промолвил:

80 "Ну-ка, поешь, что для нас, для рабов, полагается, странник!
Вот поросятинки съешь! Кабанов женихи поедают.
Кары они не боятся, не знают и жалости в сердце.
Дел нечестивых, однако, не любят блаженные боги;
Добрые действия ценят они у людей, справедливость.

85 Даже недобрые люди, которые рыщут повсюду
По чужедальним краям, и Зевс им добычу дарует,
И, нагрузив корабли, в отчизну свой путь они держат,-
Сильный страх наказанья и к ним забирается в сердце.
Этим же что-то известно, какой-то божественный голос

90 Им возвестил, что хозяин погиб, - и они не желают
Ни сватовства, как прилично, вести, ни к себе возвратиться,

А преспокойно достатки его поедают без счета.

Сколько дней и сколько ночей существует у Зевса, -

По голове или по две они никогда не зарежут.

95 Также вино истребляют они совершенно без меры.

Было скота у него без числа. Среди мужей благородных

Столько никто не имел ни в Итаке самой, ни на черном

Материке. Даже двадцать мужей, если вместе их взять всех,

Столько богатств не имели. Я все их тебе перечислю.

100 На материк ты пойдешь - по двенадцать его там коровьих

Можешь стад увидеть, свиных, овечьих и козьих.

Их и чужие пасут и рабы самого господина.

А на Итаке - в конце ее самом - пасется вразброску

Козьих одиннадцать стад под надзором мужей превосходных.

105 Поочередно они пригоняют козла ежедневно

В город, из жирных козлов отобрав, кто покажется лучше.

Я же этих свиней тут пасу, охраняю от бедствий

И, наилучшую выбрав, ее женихам посылаю".

Так говорил он, а гость ел мясо усердно. И жадно

110 Пил. И молчал, женихам истребление в мыслях готовя.

После того как поел и дух укрепил себе пищей,

Чашу свою Одиссей вином искрометным наполнил

И протянул свинопасу. И тот ее с радостью принял.

Гость к нему со словами крылатыми так обратился:

115 "Друг мой, скажи ты мне, кто этот муж, что тобою владеет,
Столь несметно богатый и мощный, как ты утверждаешь?
Ты говоришь, что за честь Агамемнона в Трое погиб он.
Кто он, скажи мне. Быть может, его мне встречать приходилось.
Знает один только Зевс и другие бессмертные боги,

120 Не сообщу ли о нем я чего: ведь скитался я много".

Так отвечал свинопас, начальник мужей, Одиссею:

"Нет, старик, ни один, с вестями сюда приходящий,
Веры не должен внушать бы ни сыну его, ни супруге.
Вечно бродяги, в надежде на лакомый кус и подарки,

125 Нагло ей лгут, не желая ни слова правдивого молвить.

Кто бы из этих бродяг на Итаку сюда ни явился,
Тотчас приходит к моей госпоже и без устали врет ей.
Та же его угощает и слушает жадно рассказы,
Тяжко печалится сердцем, и с век ее падают слезы,

130 Как то обычно для жен, потерявших мужей на чужбине.

Стал бы, старик, ты и сам мастерить всевозможные сказки,
Если бы плащ и хитон кто-нибудь тебе дал, чтоб одеться.
Нет, наверно давно уж собаки и быстрые птицы
Кожу содрали с костей у него, и душа отлетела!

135 Либо он рыбами съеден морскими, а кости на взморье

В месте безвестном лежат, и песком занесло их глубоким.

Так он там и погиб. Другьям же остались печали

Всем, а особенно мне. Нигде уж иметь не придется

Доброго мне господина такого, куда б ни пошел я, -

140 Если бы даже к отцу и к матери снова явился

В дом, где я родился, где когда-то был выкормлен ими.

Даже об них я не столько печалюсь, хоть очень хотел бы,

В крае родном побывав, увидеть их своими глазами.

Лишь об одном Одиссее тоскую я здесь непрерывно.

145 Просто по имени звать, хоть и нет его здесь, не дерзаю:

Слишком меня он любил и сердцем болел непрестанно.

Милым его я всегда называю, хоть он и далеко!"

Снова, ему отвечая, сказал Одиссей многостойкий:

"Друг мой! Так как ты все отрицаешь и очень уверен,

150 Что Одиссей не вернется, и дух твой всегда недоверчив...

Я, однако, не просто скажу, а с великою клятвой:

Он вернется домой! Награду ж за добрую весть мне

Дашь ты, как только вернется обратно и вступит он в дом свой.

Платье прекрасное - плащ и хитон - ты тогда мне подаришь.

155 Раньше я ничего не приму, хоть и очень нуждаюсь.

Мне ненавистны настолько ж, насколько ворота Аида,

Люди, которых нужда беззастенчиво лгать заставляет.

Будь мне свидетелем Зевс, потом этот стол твой радушный,

Этот очаг Одиссеев, к которому я сейчас прибыл, -

160 Все совершится воистину так, как тебе говорю я:

В этом году еще к вам Одиссей, ты увидишь, вернется!

Только что на небе месяц исчезнет и сменится новым,

В дом он вернется к себе и жестоко расправится с теми,

Кто унижает супругу его и блестящего сына".

165 Так, Евмей свинопас, ему отвечая, сказал ты:

"Ни награжденья тебе я не дам за хорошие вести,

Ни Одиссей к нам, старик, не вернется домой. Но спокойно

Пей, и начнем говорить о другом. А об этом не нужно

Напоминать мне. Печаль неизбывная мне заполняет

170 Сердце, как только мне кто о хозяине добром напомнит.

Нет, оставим-ка клятвы! Вернется ли, нет ли в Итаку

Царь Одиссей к нам, как все бы желали мы - я, Пенелопа,

Старый Лаэрт и подобный богам Телемах, - но печалюсь

Я неутешно о сыне теперь, что рожден Одиссеем, -

175 О Телемахе. Как нежная отрасль богами взращен он.

Я уже думал, что станет отца своего он не хуже

Между другими мужами осанкой и видом прекрасным,

Но повредил рассудительный дух его - бог ли какой-то

Иль человек: он поехал собрать об отце своем вести

180 В Пилос священный. Его возвращения в тайной засаде

Знатные ждут женихи, чтобы совсем уничтожить в Итаке

Даже и имя рода Аркейсия, равного богу.

Будет, однако, о нем: все равно, попадется ли он им

Иль ускользнет, и над ним прострет свою руку Кронион.

185 Ты же, старик, расскажи мне теперь о твоих злоключеньях,

И расскажи обо всем совершенно правдиво, чтоб знал я:

Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?

И на каком корабле ты приехал, какую дорогой

К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?

190 Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался ты".

Вот что, ему отвечая, сказал Одиссей многоумный:

"Я на это тебе совершенно правдиво отвечу.

Если б мы оба с тобой запаслись на довольное время

Пищей и сладким питьем и, пируя все дни безмятежно,

195 В хижине этой сидели, другим предоставив работать, -

То и тогда нелегко бы в течение целого года

Было бы мне рассказать о моих тебе муках душевных, -

Сколько их всех перенес я по воле богов олимпийских!

С гордостью это скажу: из пространного Крита я родом.

200 Мужа богатого сын. Родилось и выросло в доме.

Много также других сыновей от законной супруги.

Мать же моя не законной была - покупною рабыней.

Но относился ко мне как к законнорожденному сыну

Сын Гилаков Кастор, и отцовством его я хваляся.

205 Он в то время на Крите, как бог, почитался народом,

Был богат и удачлив, имел сыновей достославных.

Керы смерти, однако, пришли, и в обитель Аида

Ими он был унесен. Имущество все поделили

Гордые дети его, меж собой жеребьевку устроив.

210 Мне же не дали почти ничего, только дом уделили.

В жены, однакоже, дочь богатых людей мне досталась

За добродетель мою, ибо не был умом я ничтожен,

Не уклонялся от битв... Теперь это все миновало!..

Все же, взглянув на жнивье, по нему без труда ты узнаешь,

215 Что там за нива была: извели меня только несчастья.

Дерзкой отвагой меня одарили Арес и Афина.

С силой ряды прорывал я. Храбрейших товарищей выбрав,

С ними в засаду я шел, беду для врагов замышляя.

Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце.

220 Первым бросаясь вперед, поражал я копьем моим острым

В поле противника, мне уступавшего ног быстротою.

Был таким я в боях. Полевых же работ не любил я,

Как и домашних забот, процветание детям несущих.

Многовесельные были всегда корабли мне желанны,

225 Битвы, и гладкие копья, и острые медные стрелы.

Грозные ужасы эти, других приводящие в трепет, -

Мне они нравились. Боги любовь к ним вложили мне в сердце.

Люди несходны: те любят одно, а другие - другое.

Прежде еще, чем ахейцев сыны появились под Троей,

230 Девять уж раз на судах быстроходных с мужами ходил я

В страны мужей чужеземных. И там добывал я немало:

Много и сам выбирал из добычи, по жребию также

Многое мне доставалось. И дом у меня умножался.

Страх и почтение стал вызывать я повсюду на Крите.

235 После ж того как Зевес протяженно гремящий замыслил

Гибельный этот поход, колени расслабивший многим,

Славному Идоменею и мне с ним поручено было

К Трое вести корабли. Отказаться никак не возможно

Было бы мне: пересуды и толки пошли бы в народе.

240 Девять лет мы, ахейцев сыны, воевали под Троей.

В год же десятый, как город высокий Приама мы взяли,

Морем домой мы отплыли, и бог всех ахейцев рассеял.

Мне, несчастному, злое замыслил Кронид-промыслитель.

Месяц лишь дома провел я с детьми и с законной женою,

245 Радуюсь сердцем на них, на богатства мои. А чрез месяц

Вдруг потянуло меня в Египет поехать, хороших

В путь заготовив судов и товарищей взяв богоравных.

Девять судов снарядил я. Народ собирался недолго.

Шесть после этого дней они у меня непрерывно

250 Пир пировали. И жертвенный скот доставлял в изобилии

Я и для жертвы богам и на пищу товарищам милым.

В день же седьмой, взойдя на суда, от просторного Крита

Мы при попутном поплыли стремительном северном ветре.

Как по теченью, легко мы неслись. Никаких повреждений

255 Не потерпели суда. Безопасны, спокойны, сидели

Мы на скамьях. Рулевые и ветер суда направляли.

Дней через пять мы достигли прекрасных течений Египта.

Там, на Египте-реке, с кораблями двуххвостыми стал я.

Прочим спутникам верным моим приказал я на берег

260 Вытащить все корабли и самим возле них оставаться,

А соглядатаев выслал вперед, на дозорные вышки.

Те же в надменности духа, отваге своей отдаваясь.

Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян

Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев,

265 Их же самих перебили. До города крики достигли.

Крики эти услышав, египтяне вдруг появились

С ранней зарею. Заполнилось поле сверканием меди,

Пешими, конными. Зевс-молнелюбец трусливое бегство

В сердце товарищам бросил. Никто не посмел оставаться.

270 Ставши лицом ко врагу. Отовсюду беда нам грозила.

Многих из нас умертвили они заостренною медью,

Многих живьем увели, чтоб трудились на них подневольно.

Мне же в сердце вложил сам Зевс такое решенье.

О, почему не настиг меня смерти погибельный жребий

275 Там же, в Египте! Готовилось мне уже новое горе!

Прочно сработанный шлем немедленно снял с головы я,

Снял и щит свой с плеча, копье медноострое бросил,

Кинулся быстро навстречу царевым коням и колени

Начал царю целовать. Меня пожалел, защитил он

280 И, проливавшего слезы, увез к себе в дом в колеснице.

Многие смерти меня порывались предать, набегая

С острыми копьями. Злы на меня они были безмерно.

Но защитил меня царь, трепеща перед гневом Кронида-

Гостеприимца, который жестоко карает нечестье.

285 Семь непрерывно я пробыл там лет, и немало сокровищ

Между египтян собрал. Давали они мне охотно.

После того же как год и восьмой, приближаясь, пришел к нам,

Прибыл в Египет тогда финикиец коварный и лживый,

Плут, от которого очень немало людей пострадало.

290 Умною речью меня убедил он, чтоб с ним в Финикию

Все мы отправились, где у него и дома и богатства.

Жил я там у него в продолжение целого года.

Месяц один за другим протекал, и дни убегали,

Год свой круг совершил, и снова весна воротилась.

295 В Ливию взял он меня на своем корабле мореходном,

Выдумав, будто затем, чтоб помочь ему груз переправить,

Вправду ж затем, чтоб меня там продать за огромную плату.

Хоть и предчувствовал я, но все ж поневоле поехал.

Быстро корабль наш бежал под Бореем прекрасным и сильным.

300 Мимо Крита он плыл. Но Зевс им задумал погибель:

После того как оставили Крит позади мы и больше

Не было видно земли никакой, а лишь небо да море,

Черную тучу внезапно простер молневержец Кронион

Над кораблем нашим полым. И море под ней потемнело.

305 Бешено Зевс загремел и молнию бросил в корабль наш.

Молнией Зевса сраженный, в волнах наш корабль закрутился.

В воздухе серой запахло. Попадали спутники в море.

Словно вороны, вокруг корабля они стаяй носились

В бурных волнах. Божество возвращенья домой их лишило.

310 Мне же Зевс - от ужаса сам я совсем растерялся -

От корабля черноносого мачту огромную в руки

Быстро подсунул, чтоб мог я несчастья еще раз избежать.

К ней я прильнул, и меня подхватили губящие ветры.

Девять носился я дней, на десятый же, черною ночью,

315 В землю феспротов меня пригнали огромные волны.

 Был радушно я принят царем их, героем Федоном, -

 Даром. Набрел на меня его сын, когда на песке я,

 Окоченевший, лежал, смиренный усталостью смертной.

 Под руку взял он меня и довел до отцовского дома.

320 В доме он тотчас вручил мне и плащ и хитон, чтоб одеться.

 Об Одиссее я там услышал. Федон сообщил мне,

 Что Одиссей у него здесь гостил по дороге в отчизну.

 Мне и богатства, какие собрал Одиссей, показал он:

 Золото, медь и железо, для выделки трудное. Это

325 Десять могло бы кормить поколений у мужа иного, -

 Столько в дому у него лежало сокровищ владыки.

 Про Одиссея ж сказал, что сам он в Додону поехал,

 Чтоб из священного дуба услышать вещание Зевса:

 Как вернуться ему на тучные земли Итаки, -

330 Явно ли, тайно ли, раз он так долго на родине не был?

 Мне самому поклялся он, свершив возлияние в доме,

 Что и корабль уже спущен и люди совсем уж готовы,

 Чтоб отвезти Одиссея в желанную землю родную.

 Раньше, однако, меня он отправил. Случайно в то время

335 Ехал феспротский корабль в Дулихий, богатый пшеницей.

 Им поручил он меня доставить к владыке Акасту

Бережно. Злая, однакоже, мысль в отношении меня им
Сердце прельстила... До грани мои не дошли еще беды!

Только что наш мореходный корабль от земли удалился,

340 Тотчас замыслили мне они рабские дни приготовить.

Всю одежду с меня - и плащ и хитон мой - сорвали,

Бросив на плечи другой мне хитон и дрянные лохмотья

Рваные - видишь и сам ты теперь их своими глазами.

Вечером прибыл корабль к издалека заметной Итаке.

345 Тут связали они в корабле прочнопалубном крепко

Прочно сплетенной веревкой меня. Торопливо спустились

На берег сами и ужинать стали близ самого моря.

Сами боги, однако, веревки на мне развязали

Очень легко. К голове лохмотья свои привязавши,

350 По рулевому веслу с корабля я спустился и в воду

Грудь погрузил. И, руками обеими гладь рассекая,

Поплыл. Скоро я был уж далеко от них и из моря

Вышел, где в роще цветущей кустарник густой простирался.

Там я, приникши, лежал. Они невдали пробегали,

355 Громко крича. Наконец показалось им бесполезным

Дальше искать. Воротились обратно они на корабль свой.

Сами бессмертные боги меня от погони укрыли

Очень легко. И меня привели они прямо к жилищу

Мужа разумного. Видно, не время еще умирать мне!"

360 Так, ему отвечая, Евмей свинопас, ты промолвил:

"Сильно меня взволновал ты, меж странников самый несчастный,

Все рассказавши, и как ты страдал и как ты скитался!

Про Одиссея же, думаю я, рассказал ты неправду,

Разубедить меня в этом не сможешь. И что за охота

365 Так тебе на ветер врать? Прекрасно и сам ведь я знаю:

Мой не вернется хозяин. Жестоко его ненавидят

Боги: его укротили они не в бою средь троянцев,

Не на руках у друзей он скончался, с войны воротившись.

Был бы насыпан тогда всеахейцами холм над умершим,

370 Сыну б великую славу на все времена он оставил.

Ныне ж сделался он бесславной добычею Гарпий.

Уединенно я возле свиней тут живу. Не хожу я

В город, - разве когда Пенелопа разумная в дом свой

Мне явиться велит, чтоб пришедшие вести послушать.

375 Гостя обсевши, его засыпают вопросами жадно

Те, кто от сердца скорбит об отсутствии долгом владыки,

Также и те, кто богатства его поедает бесплатно.

Мне ж эти спросы-расспросы немилы с тех пор, как однажды

Лживым рассказом своим обманул меня муж-этолиец.

380 Он человека убил, по различнейшим землям скитался,

В дом мой пришел, и его я радушно, как странника, принял.

С Идоменеем на Крите он будто б видал Одиссея.

Там свои корабли он чинил, поврежденные бурей.

Он уверял, что иль к лету, иль к осени к нам он вернется,

385 Много сокровищ везя, и товарищи все его с ним же.

Раз уж, несчастный старик, и тебя божество мне послало,

Ложью мне не мечтай угодить, не морочь головы мне.

Я тебя не за это почту, не за это привечу,

Но о тебе сожалея и Зевса страшась гостелюбца".

390 Так свинопасу в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Вот до чего ведь в груди у тебя недоверчиво сердце!

Не убедить мне тебя. Даже клятвой тебя я не сдвинул!

Ну, так давай заключим договор, и пускай нам обоим

Вечные боги, владыки Олимпа, свидетели будут:

395 Если в жилище свое сюда господин твой вернется,

В плащ ты оденешь меня и в хитон и доставишь возможность

Мне на Дулихий попасть, куда собрался я поехать.

Если же он, вопреки утвержденьям моим, не вернется,

Слуг собери и вели им с высокой скалы меня сбросить,

400 Чтоб ни один попрошайка вперед не посмел надувать вас".

Так Одиссею в ответ свинопас божественный молвил:

"Странник, хорошую б славу меж всеми людьми получил я

За добродетель свою - и теперь и в грядущее время, -

Если бы, в дом свой приняв и гостинцев тебе подаривши,

405 Вслед бы за этим тебя умертвил я и духа лишил бы!

С чистым бы сердцем тогда я молился Крониону-Зевсу!..

Ужинать время. Скорей бы товарищи с поля вернулись!

Вкусный ужин тогда мы в хижине здесь приготовим".

Так Одиссей и Евмей меж собою вели разговоры.

410 Скоро пришли со своими стадами мужи-свинопасы.

Стали свиней для ночевки они загонять. С несказанным

Визгом и хрюканьем свиньи, тесняся, вбегали в закуты.

Кликнув товарищей, так свинопас им божественный молвил:

"Дайте-ка борова нам пожирнее! Его я зарежу,

415 Чтоб угостить чужеземца. А с ним угостимся и сами!..

Из-за свиней белозубых немало трудов тут несем мы.

Все же наши труды, не платя, поедает другие!"

Кончивши, начал колоть он дрова некрушимою медью.

Был приведен пятилетний от сала лоснящийся боров.

420 Близ очага пастухи поместили его. Свинопас же

Не позабыл о бессмертных: имел он хорошие мысли.

Волосы срезал со лба белозубого борова, бросил

Их, как начатки, в огонь и всем помолился бессмертным,

Чтобы вернулся в отчизну к себе Одиссей многоумный.

425 Борова после того он дубовым поленом ударил.

Прочь отлетела душа. Прикололи его, опалили,

Быстро рассекли на части. Тогда свинопас, по кусочку

Мяса сырого от каждого члена на жир положивши,

Все это бросил в огонь, посыпав ячменной мукою.

430 Прочее все на куски разделили, наткнули на прутья,

Сжарили их осторожно и, с прутьев потом снимавши,

Кучею бросили их на столы. Свинопас же поднялся

Мясо делить: он. обычаев был знатоком превосходным.

На семь частей разделив, разложил он готовое мясо.

435 Часть одну отложил, помолившись, для нимф и Гермеса,

Сына Майи, а прочие шесть поделил меж сидевших.

А Одиссею длиннейшей хребетною частью кабаньей

Честь особо воздал и порадовал сердце владыке.

Громко к нему обратясь, сказал Одиссей многоумный:

440 "О, если б стал ты, Евмей, родителю нашему Зевсу

Столько же милым, как мне, что такой мне почет воздаешь ты!"

Ты, Евмей свинопас, ему отвечая, промолвил:

"Ешь-ка, странный мой гость, и тем, что стоит пред тобою,

Дух услаждай свой. Одно нам дает, а другого лишает

445 Бог по воле своей и желанию: все ведь он может".

В жертву вечно живущим богам принес он начатки

И, совершив возлиянье из чаши вином искрометным,
Чашу вручил Одиссею и сел перед собственной долей.

Хлеб разделил между ними Месавлий, которого куплей

450 Сам свинопас приобрел в небытность хозяина дома,

У госпожи не спросясь, не спросясь и у старца Лаэрта.

Он за собственный счет его приобрел у тафосцев.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как желанье питья и еды утолили,

455 Хлеб Месавлий убрал. Насытившись мясом и хлебом,

Все пастухи поднялись и стали ко сну собираться.

Ночь плохая пришла, без луны. Дождил непрерывно

Зевс. И западный ветер ярился, всегда дожденосный.

И сказал Одиссей, испытать свинопаса желая,

460 Не принесет ли ему он плаща - иль с себя его снявши,

Или с кого из других: ведь о госте он пекся усердно.

"Слушай, Евмей, и послушайте все вы, товарищи! Делом

Я перед вами одним похвалиться желаю. Разум

Мне замутило вино. Заставляет оно и разумных

465 Петь, блаженно смеяться, пускаться в веселую пляску

И говорить про такое, про что помолчать надлежало б.

Раз я, однако, уж начал болтать, то все расскажу вам.

О, если б молод я был и был бы силен, как в то время,

Как мы под Троей засаду устроили целым отрядом!

470 Были вождями отряда того Одиссей с Менелаем,

Третьим начальником был там и я, по их приглашенью.

После того как к высоким стенам городским подошли мы,

В частом кустарнике мы залегли, от стены недалеко,

Средь камышей на болоте, припавши к земле под щитами.

475 Ночь плохая пришла. Морозистый северный ветер

Дул на землю. Из туч посыпался клочьями шерсти

Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.

Все остальные, имея с собой и плащи и хитоны,

Спали себе преспокойно, щитами покрыв себе плечи.

480 Я же, туда отправляясь, товарищам плащ свой оставил.

Глупость я сделал, не думал, что мерзнуть мне ночью придется,

А захватил только щит на дорогу да пояс блестящий.

Ночи была уж последняя треть, и созвездья склонились.

Тут я сказал Одиссею, лежавшему рядом со мною,

485 Локтем его подтолкнув, - и меня он мгновенно услышал;

- Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Мне в живых уж не быть близ тебя! Одолел меня холод.

Нет плаща у меня. Злой бог меня надоумил

Только в хитоне пойти. А сейчас наступила вдруг стужа.

490 Так говорил я. И вот что в уме своем тут он придумал, -

Был всегда он таков, - и в разумных советах и в битвах.

Близко ко мне наклонясь, прошептал он мне в самое ухо:

- Тише! Молчи, чтоб какой-нибудь нас не подслушал ахеец! -

Голову после того рукою подпер и промолвил:

495 - Слушайте! Нынче, друзья, божественный сон мне явился.

Слишком далеко зашли мы от наших судов. Не пойдет ли

Кто к Агамемнону, сыну Атрея, владыке народов,

Чтобы побольше товарищей к нам он отправил на помощь? -

Сын Андрононов Фоант, слова Одиссея услышав,

500 С места поспешно вскочил, пурпурный плащ с себя скинул

И побежал к кораблям. А я в его плащ завернулся

И с наслажденьем проспал до восхода зари златотронной.

О, если б молод я был и был бы силен, как бывало!

Кто-нибудь дал бы наверно теперь мне на стойбище этом

505 Плащ - из почтения к делам удальца, из радушия к гостю.

Нынче же всякий меня презирает за эти лохмотья!"

Ты, Евмей свинопас, в ответ Одиссею промолвил:

"Был прекрасен, старик, рассказ твой, услышанный нами.

Кстати все были слова. Ни единого лишнего слова.

510 Ты ни в одежде нужды не увидишь, ни в чем-либо прочем,

Что несчастливцам обычно дают, о защите молящим, -

Нынче. Но завтра опять на тебе затрясутся лохмотья.

Нет у нас много плащей, не имеется лишних хитонов,

Чтобы одеть тебя здесь: по одной мы имеем одежде.

515 После того как обратно воротится сын Одиссеев,

Сам он и плащ тебе даст и хитон, чтобы мог ты одеться,

И отошлет, куда тебя дух понуждает и сердце".

Так сказал он и встал, кровать к очагу пододвинул,

Мягких шкур на нее набросал и овечьих и козьих.

520 Лег Одиссей на постель. Покрыл свинопас его сверху

Теплым широким плащом, который имел наготове,

Чтоб надевать, если вдруг жестокая стужа настанет.

Так уложил свинопас Одиссея. Вокруг улеглись

Прочие все пастухи молодые. Не по сердцу было

525 Лишь свинопасу меж них ночевать, от свиней в отдаленьи.

Стал он собираться наружу идти. Одиссею приятно

Было, что так без него об его он хозяйстве печется.

Острый меч он сперва на крепкие плечи набросил,

В плащ оделся густой и косматый в защиту от ветра,

530 Шкуру козла, большого и сытого, сверху накинул

И, захвативши копье, чтоб от псов и мужей защищаться,

В место пошел ночевать, где его белозубые свиньи

Спали под сводом скалы, защищенным от ветра Борей.

Гомер. Одиссея. Песнь пятнадцатая.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

В Лакедемон прибыла, хоровыми площадками славный,

Дева Афина, чтоб сыну царя Одиссея напомнить
О возвращеньи домой и понудить скорее покинуть

Лакедемон. Телемах и Несторов сын благородный

5 Оба ночь проводили в сенях Менелаева дома.

Мягким объятого сном застала она Несторида.

Но Телемахом живительный сон не владел совершенно.

Скорбь о милом отце всю ночь ему спать не давала.

Близко став перед ним, сказала богиня Афина:

10 "Нехорошо, Телемах, от дома вдали находиться!

Дома имущество бросил ты все и людей, бесконечно

Наглых. Съедят, берегись, они все у тебя достоянье,

И бесполезным окажется путь, совершенный тобою.

Ты попроси Менелая тебя отпустить поскорее,

15 Чтобы ты дома еще безупречной застал Пенелопу.

Уж и отец и родимые братья ее убеждают

За Евримаха идти. Подарками он превосходит

Всех остальных женихов и выкуп готов увеличить.

Как бы не стала из дома добро выносить Пенелопа.

20 Знаешь и сам хорошо, какое у женщины сердце:

Думает больше, чтоб дом у нового мужа устроить.

Что же до прежних детей и умершего первого мужа,

Больше не помнит о них и знать ничего не желает.

Так воротись же домой и надзор поручи за делами

25 Той рабыне, какую сочтешь наилучшей, покуда

Вечные боги тебе не укажут супруги прекрасной.

Слово другое тебе я скажу, и прими его к сердцу:

Средь женихов наиболее отважные в тайной засаде

Ждут в проливе тебя меж Итакой и Замом скалистым,

30 Злую погибель готовя тебе на возвратной дороге.

Но ничего не случится такого. Земля в себя раньше

Многих возьмет женихов, что богатства твои поедают.

Все ж с кораблем от обоих держись островов в отдаленьи,

Мимо их ночью пройди. Пошлет тебе ветер попутный

35 То божество, что стоит при тебе и тебя охраняет.

После того как доедешь до первого мыса Итаки,

В город отправь и товарищей всех и корабль равнобокий.

Сам же прежде всего к свинопасу отправься, который

Ваших свиней стережет. Он привержен тебе неизменно.

40 Там ты ночь проведешь. А ему прикажи без задержки

В город пойти к Пенелопе разумной и весть сообщить ей,

Что невредимым обратно из Пилоса ты воротился".

Так сказав, на высокий Олимп удалилась Афина.

Быстро тогда Несторида из сладкого сна пробудил он,

45 Пяткой толкнувши его, и с речью к нему обратился:

"Эй, проснись, Несторид! Запряги-ка коней быстроногих,
Их под ярмо подведя, чтоб могли мы пуститься в дорогу".

Но Несторид Писистрат, ему возражая, ответил:

"Как бы с тобой, Телемах, ни спешили мы, все ж невозможно

50 Ехать чрез темную ночь. Заря ведь совсем уже близко.

Лучше тебе подождать, чтоб дары положил в колесницу

Славный копьем Менелай, герой Атреид благородный,

И отпустил нас домой, напутствовав ласковой речью.

В памяти будет на все времена оставаться у гостя

55 Гостеприимный хозяин, его принимавший радушно".

Только успел он сказать и пришла златотронная Эос.

Близко к гостям подошел Менелай могучеголосый,

Вставший с постели, в которой с Еленою спал пышнокосой.

Только его увидал возлюбленный сын Одиссеев,

60 Тело себе он облек блистающим ярко хитоном,

Плащ на могучие плечи накинул, просторный и длинный,

Вышел вон из сеней навстречу ему и промолвил:

"Богом возвращенный Атрид Менелай, повелитель народов!

Уж отпусти ты меня в отчизну мою дорогую,

65 Уж порывается дух мой домой поскорее вернуться !"

Звучноголосый тогда Менелай Телемаху ответил:

"Милый сын Одиссея-владыки, подобного богу:

Я тебя здесь, Телемах, задерживать долго не буду,

Раз ты уехать желаешь. И сам негодую на тех я

70 Гостеприимных людей, которые любят чрезмерно

И ненавидят чрезмерно. Во всем предпочтительна мера.

Нехорошо и к отъезду гостей понуждать против воли,

Нехорошо и удерживать тех, кто желает уехать.

Гость к тебе в дом - принимай; если хочет уйти - не препятствуй...

75 Но погоди, я подарки тебе положу в колесницу.

Ты осмотри их, а женщинам я повелю приготовить

Вам обед из запасов, какие имеются в доме.

Слава и блеск для меня и польза для вас, если оба

Сытые двинетесь вы в просторы земли беспредельной.

80 Если же хочешь объездить Элладу, проехать чрез Аргос,

Спутником сам тебе буду; лишь дай мне запрячь колесницу.

Многих людей, города покажу я. Никто не отпустит

Нас с пустыми руками, а даст кое-что нам с собою -

Или котел, иль прекрасный какой-нибудь медный треножник,

85 Или из золота чашу, иль пару выносливых мулов".

Так Менелаю в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Богом возвращенный Атрид Менелай, повелитель народов!

Мне бы хотелось вернуться к себе. Уезжая из дома,

Все достоянье мое оставил я там без надзора.

90 Как бы, стараясь отца разыскать, и сам не погиб я

Или б в дому у меня не погибли большие богатства!"

Это едва услышал Менелай могучеголосый,

Тотчас супруге своей и рабыням велел приготовить

Им обильный обед из запасов, имевшихся в доме.

95 Тут к Менелаю Атриду приблизился вставший с постели

Етеоней, Боефоем рожденный: он жил недалеко.

Царь ему поручил огонь разложить и поджарить

Мясо на вертеле. Тот, услышавши, охотно исполнил.

Сам же царь Менелай в покой благовонный спустился,

100 Но не один. С ним вместе Елена пошла с Мегапенфом.

После того как пришел, где богатства его находились,

Взял двуручную чашу Атрид Менелай, Мегапенфу ж,

Сыну, взять приказал кратер превосходной работы,

Из серебра. К сундуку подошла в это время Елена.

105 Много там пеплосов было узорных ее рукоделья.

Выбрав один, понесла его свет между женщин Елена, -

Самый большой и узорным шитьем наиболее прекрасный,

Светом подобный звезде; на дне он лежал под другими.

Выйдя, они к Телемаху пошли через комнаты дома,

110 И Одиссееву сыну сказал Менелай русокудрый:

"Пусть возвращенье домой, Телемах, как ты сердцем желаешь,

Так и устроит тебе супруг громомечущий Геры!

Дам я подарок, который давно уж лежит в моем доме,
Самый прекрасный меж всеми подарками, самый почетный.

115 Дам я в подарок тебе кратер превосходной работы;

Из серебра он отлит, а края у него золотые.

Сделан Гефестом. Его подарил мне Федим благородный,

Царь сидонцев, когда его дом при моем возвращеньи

Всех нас радушно покрыл. Кратер тот тебе подарю я".

120 Так промолвил Атрид и вручил ему кубок двуручный.

Дюжий меж тем Мегапенф принес на себе и поставил

Пред Телемахом на землю кратер, большой и блестящий,

Из серебра. Подошла и прекрасная ликом Елена,

Пеплос неся на руках, и, назвав Телемаха, сказала:

125 "Этот подарок тебе от меня, возлюбленный сын мой!

Вспомни Еленины руки, когда это платье наденет

В свадебный час многожданный невеста твоя. А покамест

Матери дай его спрятать. А ты у меня возвращайся,

Радуюсь, в дом твой прекрасный и в милую землю родную".

130 Так сказавши, вручила ему. Он с радостью принял.

Взял Писистрат благородный подарки и все в колесничный

Кузов сложил, с удивлением их перед тем оглядевши.

В дом свой обоих гостей повел Менелай русокудрый.

Все, войдя во дворец, расселись по креслам и стульям.

135 Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой

В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой

Для умывания. После расставила стол она гладкий.

Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много

Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

140 Мясо же Боефоид на части разрезал и роздал.

Был виночерпием сын Менелая, покрытого славой.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как желанье питья и еды утолили,

Оба они - Телемах и Несторов сын благородный -

145 Быстрых коней запрягли и, на пеструю став колесницу,

Прямо от дома к воротам поехали портиком звонким.

Следом за ними пошел Атрид Менелай русокудрый,

Чашу держа золотую с искристым вином медосладким

В правой руке, чтоб пустились в дорогу, свершив возлиянье.

150 Пред колесницею стал и, приветствуя путников, молвил:

"Радуйтесь, юноши! Также и Нестору, пастырю войска,

Мой передайте привет! Со мною был добр, как отец, он

В те времена, как ахейцев сыны воевали под Троей".

Так Менелая в ответ Телемах рассудительный молвил:

155 "Да, конечно, питомец Зевеса, - как только приедем,

Все я ему сообщу, что сказал ты. О, если бы также

Я, возвратившись в Итаку и дома застав Одиссея,

Мог и ему рассказать, с какою меня ты любовью

Принял, какие и сколько подарков с собою везу я!"

160 Так говорил он. И вдруг орел над ними пронесся

Справа. В когтях он держал огромного белого гуся.

Был на дворе он им пойман. Мужчины и женщины следом

С криком бежали. Орел, подлетев к колеснице, направо

Перед конями метнулся. Они, как увидели это,

165 В радость пришли, и в груди разгорелось у каждого сердце.

Несторов сын Писистрат к Менелаю тогда обратился:

"Зевсов питомец, владыка мужей, Менелай, объясни нам,

Божие знаменье это к тебе ли относится, к нам ли?"

Молча стоял Менелай, любимец Ареса, и думал,

170 Как разъяснить без ошибки все то, что пред ними случилось.

Но, упреждая его, сказала царица Елена:

"Слушайте! Я истолкую, какое об этом имеют

Мнение боги и как, полагаю я, все совершится.

Так же, как этот орел похитил домашнего гуся,

175 С гор прилетевши, где сам родился и птенцов своих вывел,

Так Одиссей, истомленный страданьями, много скитавшись,

В дом свой вернется и месть совершит. А быть может, уж там он,

Дома, и всем женихам насаждает ужасную гибель".

Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:

180 "Если б решил это так супруг громомечущий Геры,
Я бы и там у себя молился тебе, как богине!"

Так сказавши, стегнул лошадей он. Стремительно кони
С топотом громким помчались вперед через город к равнине.
Целый день напролет, сотрясая ярмо, они мчались.

185 Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.
Был он сын Ортилоха, рожденного богом Алфеем.
Там они ночь провели, и он преподнес им гостинцы.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

190 Гости коней запрягли и, на пеструю став колесницу,

Прямо от дома к воротам поехали портиком звонким.
Там хлестнул лошадей Писистрат, и они полетели.
В Пилос скоро приехали путники, в город высокий.
К сыну Нестора с речью тогда Телемах обратился:

195 "Не согласишься ли ты, Несторид, обещать мне исполнить
Просьбу мою? Ведь давно мы по дружбе отцовской старинной
Гости друг другу. С тобою ровесники мы и годами.
А с путешествием этим еще мы становимся ближе.
Вон мой корабль! Ссади меня там. Не вези меня дальше.

200 Как бы старик, я боюсь, меня угостить пожелавши,
Не задержал у себя. А ехать мне нужно скорее".

Так он сказал. Несторид обдумывать стал в своем духе,
Как бы получше ему исполнить свое обещанье.

Вот что, тщательно все обсудив, наилучшим признал он:

205 Поворотил лошадей к кораблю быстроходному, к морю,

Там на корму корабля подарки прекрасные вынес -

Золото, платье и все, что дал Менелай Телемаху,

И, ободряя его, слова окрыленные молвил:

"Ну-ка, всходи поскорей на корабль, и товарищи также,

210 Раньше, чем, в дом воротясь, обо всем старику расскажу я.

Я хорошо это знаю - и сердцем и духом я знаю:

Очень он духом настойчив, тебя ни за что не отпустит,

Явится сам приглашать и навряд ли к себе возвратится

В дом без тебя. Но сердиться во всяком он случае будет".

215 Так сказавши, погнал Писистрат лошадей густогривых

В город пилосцев обратно и до дому скоро доехал.

А Телемах, побуждая товарищей, так приказал им:

"На корабле нашем черном готовьте, товарищи, снасти,

Сами ж взойдем на корабль. Пора отправляться в дорогу".

220 Так говорил он. Охотно приказу они подчинились,

Быстро взошли на корабль и на лавки к уключинам сели.

Он пред кормой корабельной молился Афине и жертву

Ей приносил. В это время к нему подошел незнакомец,

Муж чужедальний. Бежал он из Аргоса, мужа убивши.

225 Был прорицателем. Род же свой вел от Мелампа, который

В овцепитательном Пилосе некогда жил, выдавался

Между пилосцев других и богатством и домом прекрасным.

Скоро в другую страну он уехал, бежав из отчизны

Прочь от лихого Нелея, славнейшего между живущих.

230 Многим его достояньем Нелей в продолжение года

Силой в то время владел, как Меламп у Филака в жилище

В тяжких оковах лежал, большим подвергаясь страданьям:

Дочь Нелея решил он добыть в ослеплении тяжком,

Вложенном в сердце ему эриннией, грозной богиней.

235 Керы, однако, избег он и в Пилос пригнал из Филаки

Громко мычащих коров. Отомстил он владыке Нелею

За нехороший поступок его. Привел и супругу

Брату любимому, сам же в другую страну удалился,

В Аргос конебогатый: судьбой предназначено было

240 Жить ему в этой стране повелителем многих аргосцев.

Там он женился и дом себе выстроил с кровлей высокой.

Мощных сынов, Антифата и Мантия, на свет родил он.

У Антифата же сын Оиклей родился крепкодушный.

Амфиарай, возбудитель сражений, рожден Оиклеем.

245 Всяческой был он любовью сердечно любим и Кронидом

И Аполлоном. Однако не смог он достигнуть порога

Старости: в Фивах его златолюбье жены погубило.

Сына два у него родилось, Амфилох и Алкмаон.

Мантий двух сыновей породил, Палифейда и Клита.

250 Клит был похищен с земли златотронною Эос богиней

Из-за его красоты, чтобы жил он в собраньи бессмертных.

А Палифейда надменного сделал гадателем славным

После смерти отца Аполлон, дальнострельный владыка.

Он в Гипересию жить переехал, с отцом не поладив.

255 Там обитая, давал предсказания смертным он людям.

Сын-то его к Телемаху тогда и приблизился. Было

Феоклимен ему имя. Свершал Телемах в это время

Перед кормой корабля возлиянье и жарко молился.

Громко странник ему слова окрыленные молвил:

260 "Так как, друг, приносящим тут жертву тебя застаю я,

То ради жертвы молю, молю ради бога, а также

Ради твоей головы и голов твоих спутников верных, -

Дай мне ответ на вопросы мои, ничего не скрывая:

Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?"

265 Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Странник, отверну на это тебе совершенно правдиво.

Я на Итаке рожден. Мой отец - Одиссей богоравный.

Был им когда-то. Теперь же он гибелью злою постигнут.

Вот почему в корабле чернобоком, товарищей взявши,
270 Прибыл сюда я, чтоб вести собрать об отце запропавшем".

Феоклимен боговидный в ответ Телемаху промолвил:

"Так вот и я из отчизны, убив соплеменного мужа,
В Аргосе конебогатом и братьев и сродников много
Есть у него, и могущество их велико среди ахейцев.

275 Гибель и черная Кера меня через них ожидала.

Я убежал. И теперь мне судьба между смертных скитаться.

Я умоляю тебя, возьми беглеца на корабль свой!

Иначе будет мне смерть. За мною, как видно, погоня".

Так на это ему Телемах рассудительный молвил:

280 "Раз ты желаешь, отказа не будет тебе. Поднимайся
К нам на корабль. А приедем, радушно приму тебя дома".

Феоклимену ответивши так, Телемах от скитальца

Принял копье и его положил на помост корабельный,

Также и сам поднялся на быстрый корабль мореходный,

285 Сел на корме корабельной, а возле него поместился

Феоклимен. Отвязали они судовые причалы.

Тут Телемах, ободряя товарищей, им приспособить

Снасти велел, и они приказанью его подчинились.

Мачту еловую разом подняли, внутри утвердили

290 В прочном гнезде и ее привязали канатами к носу.

Белый потом натянули ремнями плетеными парус.

Благоприятный им ветер послала Паллада Афина.

С бурною силой он дул сквозь эфир, чтоб как можно скорее

Путь свой корабль совершал соленою влагою моря.

295 Круны они миновали и ясные струи Халкиды.

Солнце меж тем закатилось, и тенью покрылись дороги.

Зевсовым ветром гонимый, шел к Феям корабль Телемаха

Мимо Элиды священной, которой владеют епейцы.

На острова Телемах корабль свой оттуда направил.

300 Плыл к островам он и думал, погибнет ли там иль спасется.

Оба, меж тем, Одиссей и с ним свинопас богоравный

В хижине ужинать сели, а с ними мужи остальные.

После того как желанье питья и еды утолили,

Их спросил Одиссей, испытать свинопаса желая,

305 Примет ли он его здесь и радушно предложит остаться

В хижине или ему предоставит отправиться в город:

"Слушай, Евмей, и послушайте все вы, товарищи! В город

Завтра с рассветом хочу я пойти собирать подаянье,

Чтобы не делать тебе и товарищам лишних убытков.

310 Ты ж научи на дорогу и спутника дай мне, который

В город меня проводил бы. А там уже волей-неволей

Буду бродить я один - не даст ли мне кто-нибудь хлеба

Или глоточка вина. Я к дому пойду Одиссея.

Много ли мог бы вестей сообщить Пенелопе разумной.

315 Я бы там и в толпу женихов замешался надменных.

Яств у них много. Когда бы они пообедать мне дали,

Я бы им тотчас прислуживать стал, в чем они пожелают.

Я тебе прямо скажу - послушай меня и запомни:

Благоволеньем Гермеса-вожатого, бога, который

320 Прелесть и славу дает всевозможным трудам человека,

Мало нашлось бы людей, кто б со мною поспорил в искусстве

Дров для топки сухих натаскать, топором наколоть их,

Мясо разрезать, поджарить, напиток разлить из кратера -

Все, что для знатных мужей хитроумные делают люди".

325 В гневе сильнейшем ему, Евмей свинопас, ты ответил:

"Что это, странник? Ну, как у тебя появилась такая

Дикая мысль? Или хочешь ты там непременно погибнуть?

Что вдруг тебе пожелалось в толпу женихов замешаться,

Наглость которых, насилья к железному небу восходят!

330 Знай, не такие, как ты, им служат, а все молодые;

В новые все превосходно одеты плащи и хитоны;

Головы смазаны маслом обильно, и лица прекрасны.

Вот какие им служат. Столы же блестящие прямо

Ломятся в доме от хлеба, от мяса, от вин медосладких.

335 Нет, оставайся у нас. С собой никого не стеснишь ты.

Будем и я и другие товарищи все тебе рады.

После ж того как обратно воротится сын Одиссеев,

Сам он и плащ тебе даст и хитон, чтобы мог ты одеться,

И отошлет, куда тебя дух понуждает и сердце".

340 Так на это ему Одиссей многостойкий ответил:

"О, если б стал ты, Евмей, родителю Зевсу настолько ж

Милым, как мне, что скитанья и муки мои прекратил ты!

Нет ничего для людей ужасней скитальческой жизни.

Много тяжелых страданий дает нам проклятый желудок

345 В дни, когда к нам скитанья, печали и беды приходят.

Раз ты здесь оставляешь меня, чтоб я ждал Телемаха,

То Расскажи мне про мать Одиссея, подобного богу,

И про отца: на пороге он старости был им покинут.

Живы ль еще старики, сияние видят ли солнца

350 Или уж умерли оба и в царство Аида спустились?"

Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:

"Я тебе, гость мой, на это скажу совершенно правдиво:

Жив Лаэрт. Непрестанно в дому своем молит он Зевса

Б членах дух у него уничтожить. Тоскует ужасно

355 Он об уехавшем сыне своем Одиссее, а также

И о разумной супруге: она-то всего его больше

Смертью своей огорчила и в раннюю дряхлость повергли.

Что ж до нее, то в печали по сыне своем знаменитом

Жалкою смертью она умерла. О, пусть ни один здесь

360 Так не умрет, кто мне мил и со мной хорошо поступает!

Прежде, покамест жила - хоть и в горькой печали - царица,

Нравилось мне иногда ее слушать и спрашивать, так как

Ею воспитан я был с Ктименою длинноодежной,

Девой цветущей, из всех дочерей ее самую младшей.

365 С нею я вырос, и мать лишь чуть-чуть меня меньше любила...

После того же как оба достигли мы юности милой,

Выдали в Зам ее и взяли бесчисленный выкуп.

Мне же хитон подарила царица и плащ, чтоб одеться,

Очень красивые также для ног подарила подошвы

370 И отослала в деревню. И больше еще полюбила.

Да, ничего уже этого нет!.. Но блаженные боги

В деле, каким я тут занят, дают мне удачу. Чрез это

Ем я, и пью, и с теми делюсь, кто достоин почтения.

Но от хозяйки теперь ни приветного слова, ни дела

375 Мы уж не слышим с тех пор, как несчастье в дом наш упало,

Люди надменные. Сильно невольникам всем бы хотелось

Потолковать с госпожой, обо всем расспросить поподробней,

Выпить винца и поесть у нее и с таким воротиться

Чем-нибудь, что доставляет всегда удовольствие слугам".

380 Тут свинопасу в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Бедный Евмей свинопас! Так, значит, уж малым ребенком

Начал скитаться вдали от родителей ты и отчизны!

Вот что теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

Широкоуличный был ли разрушен врагами тот город,

385 Где твой отец и почтенная мать обитали в то время,

Или же был в одиночестве ты при коровах иль овцах

Схвачен врагами, посажен в корабль и этому мужу

Продан в дом, за тебя подходящую давшему плату?"

Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:

390 "Раз ты, гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай же.

Слушай в молчаньи меня, сиди и вином услаждайся,

Ночи теперь бесконечно длинны. И поспать мы успеем

И с наслажденьем послушать рассказы. Ложиться до срока

Не к чему вовсе тебе. И сон неумеренный в тягость.

395 Все же другие, кого их сердце и дух призывают,

Спать пусть идут, чтобы завтра, едва только утро настанет,

В поле с господскими выйти свиньями, позавтракав дома.

Мы же и хижине здесь, едой и питьем наслаждаясь,

Тешиться будем с тобой, вспоминая о бедах друг друга.

400 Радость даже в страданиях есть, раз они миновали,

Для человека, кто много скитался и вытерпел много.

Это ж тебе я скажу, что спросил и желаешь узнать ты.

Остров есть, по названью Сирия, - ты, может быть, слышал? -

Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце.

405 Он не чрезмерно людьми населен, но удобен для жизни,

Тучен, приволен для стад, богат виноградом, пшеницей.

Голода в этом краю никогда не бывает. Не знают

Там ненавистных болезней несчастные люди. Когда там

Горькая старость приходит к какому-нибудь поколенью,

410 Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят

Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

Там два города. Все между ними поделены земли.

В городе том и другом властителем был мой родитель,

Ктесий, Орменом рожденный, подобный бессмертному богу.

415 Как-то причалили к нам финикийцы, народ плутоватый.

Много красивых вещей привезли в корабле они черном.

А у отца моего была финикиянка в доме,

Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.

Голову хитрые ей финикийцы искусно вскружили.

420 Близ корабля их стирала она, и один финикиец

С нею сошелся любовью и ложем. А слабому полу

Голову это кружит, даже самой достойной из женщин.

Начал ее он расспрашивать, кто она, родом откуда,

Тотчас она указала на дом наш с высокою кровлей:

425 - Родина мне, - похвалиться могу, - Сидон многомедный.

 Был мне отцом Арибант. В великом он плавал богатстве.

 Но захватили меня пираты тафосские, - с поля

 Шла я тогда, - и сюда привезли, и этому мужу

 Продали в дом, за меня подходящую давшему плату. -

430 Тут ей сказал человек, который с ней тайно сошелся:

 - Раз это так, отправляйся обратно на родину с нами!

 Дом родительский снова увидишь с высокою кровлей,

 Также родителей. Живы они и слывут богачами. -

 Женщина сызнава к ним обратилась с ответною речью:

435 - Было б возможно и это, когда б, моряки, поклялись вы,

 Что невредимой меня вы доставите в землю родную. -

 Так сказала. И тотчас они поклялись, как велела.

 После того же как все поклялись и окончили клятву,

 Женщина сызнава к ним обратилась с ответною речью.:

440 - Ну, так молчите! Пускай ни один из товарищей ваших

 Слова со мною не скажет, на улице ль где повстречавшись

 Иль у колодца, - чтоб кто не отправился в дом к господину

 И на меня не донес. А он, заподозривши, свяжет

 Крепкой веревкой меня, да и вам приготовит погибель.

445 Помните, что я сказала, кончайте скорее торговлю.

 После ж того как товары погрузите все на корабль ваш,

Весть об этом как можно скорее мне в дом передайте.

Золота, сколько мне под руку там попадет, возьму я.

А проездную бы плату охотно дала и другую:

450 В доме у знатного мужа хожу за его я ребенком.

Мальчик смысленый. Со мною всегда он выходит из дома.

Я на корабль бы его привела, и огромную плату

Вы б за него получили, в какую б ни продали землю. -

Так сказала она и в прекрасный дворец удалилась.

455 Целый год финикийцы у нас оставались и, много

Наторговавши, на полый корабль погрузили товары.

После ж того как корабль для отъезда они нагрузили,

К женщине тотчас послали гонца, чтоб ее известил он.

В дом отца моего пришел человек плутоватый.

460 Он ожерелье из зерен принес золотых и янтарных.

Мать подошла, сбежались рабыни и то ожерелье

Начали щупать руками, глядели глазами, давали

Цену. А он в это время рабыне мигнул тихомолком.

После, мигнувши, к себе на полый корабль возвратился.

465 За руку взявши меня, со мной она вышла из дома.

Вдруг столы увидала и кубки в сенях, где пред этим

Гости, отцу моему в делах помогавшие, ели;

На заседание совета они все ушли и на площадь.

Быстро три кубка схватила она и, скрыв на груди их,

470 Вынесла. Я же за нею последовал, глупый мальчишка.

Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

Вышедши быстро из дома, пришли мы в прекрасную гавань,

Где находился корабль быстроходный мужей финикийских.

Сели они в свой корабль и поплыли дорогою влажной,

475 Нас захвативши. Попутный им ветер послал Громовержец.

Шесть мы ехали суток, и ночи и дни непрерывно.

После того же как день и седьмой уж прибавил Кронион,

Женщина стрелолюбивой убита была Артемидой.

В трюмную воду нырнула она, словно чайка морская.

480 Труп ее бросили в море на пищу тюленям и рыбам,

Я же остался среди них с печалью великою в сердце.

Ветер и волны меж тем корабль наш пригнали к Итаке.

Там приобрел меня куплей Лаэрт, Одиссеев родитель.

Так-то вот эту страну и пришлось мне увидеть глазами".

485 Богорожденный тогда Одиссей свинопасу ответил:

"Очень сильно, Евмей, в груди моей дух взволновал ты,

Все рассказавши подробно, как много ты выстрадал духом!

Все же тебе вот к дурному хорошее такте прибавил

Зевс, ибо, много страдавши, попал ты в жилище к благому-

490 Мужу, который тебе и еду и питье доставляет

В полном обильи. Живешь ты хорошою жизнью. А я вот

К вам прихожу, без приюта по многим странам проскитавшись".

Так Одиссей и Евмей вели меж собой разговоры.

Спать наконец улеглись - совсем не на долгое время:

495 Вскоре заря наступила. Меж тем Телемаховы люди,

К суше пристав, паруса развязали и мачту спустили,

Сели за весла и к пристани судно свое подогнали;

Выбросив якорный камень, причальный канат укрепили,

Сами же вышли на берег прибоем шумящего моря,

500 Начали завтрак готовить, вино замешали в кратерах.

После того как желанье питья и еды утолили,

С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:

"К городу правьте теперь, друзья, наш корабль чернобокий!

Сам я здесь остаюсь пастухов моих в поле проведать,

505 К вечеру в город сойду, владенья мои осмотревши,

Завтра же утром я вам, в благодарность за нашу поездку,

Пир устрою богатый, с вином медосладким и с мясом".

Феоклимен боговидный в ответ Телемаху промолвил:

"Сын мой, а я-то куда же пойду? К какому мне дому

510 На каменистой Итаке, к какому идти господину?

Или же к матери прямо твоей мне отправиться в дом твой?"

Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил:

"В прежнее время тебя, не задумавшись, я пригласил бы

В дом наш, не скупое тебя угощал бы. Теперь же там будет

515 Хуже тебе самому: я дома не буду, не сможет

Мать моя видеть тебя. К женихам она ходит не часто Сверху.

Там она ткёт, чтоб от них находиться подалше.

Есть, однако, другой. К нему ты отправиться мог бы.

Имя ему Евримах. Разумного сын он Полиба.

520 Смотрят теперь на него итакийцы совсем как на бога.

Самый он знатный меж всех женихов, всех больше стремится

Мать мою взять себе в жены и сан получить Одиссея.

Знает, однако, лишь Зевс-олимпиец, живущий в эфире,

Не приготовит ли им он погибельный день вместо брака".

525 Так говорил он. И вдруг по правую руку пронёсся

Сокол вверху, быстрокрылый посол Аполлона. Когтями

Горного голубя рвал он, и сыпались перья на землю

Прямо меж черной кормой корабля и самим Телемахом.

В сторону Феоклимен отозвал Одиссеева сына,

530 Взял его за руку, слово сказал и по имени назвал:

"Верь, Телемах, не без бога та птица явилась справа!

Сразу, увидев, я понял, что вещая птица пред нами.

Царственной вашего нет ни единого рода другого

В целой Итаке. Всегда вы могуществом будете сильны".

535 Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил:

"О, если б слово твое я увидел свершившимся, странник!
Много б тогда от меня получил ты любви и подарков,
Так что всякий тебя, повстречавши, назвал бы счастливецем".

После того он Пирею, товарищу верному, молвил:

540 "Ты, Пирей, и всегда повинешься мне наиболее
Между товарищей всех, кто за мною последовал в Пилос.
Сделай же так и теперь: отведи к себе в дом чужеземца,
Будь с ним радушен, заботься о госте, пока не вернусь я".

Сыну тогда Одиссея Пирей-копьеборец ответил:

545 "Если б ты там, Телемах, и на долгое время остался, -
Буду его угощать, и даров он получит довольно".

Так сказав и взойдя на корабль, приказал и другим он,
Севши самим на корабль, развязать судовые причалы.

Быстро они на корабль поднялись и к уключинам сели.

550 Ноги обул между тем в сандалии сын Одиссея,
Крепкое в руки копье с наконечником острым из меди
С палубы взял корабельной. А те отвязали причалы
И, оттолкнувши корабль от земли, поплыли на веслах
К городу, как приказал рассудительный сын Одиссеев.

555 Ноги несли Телемаха, шагавшего быстро, покуда
Он ко двору не пришел, где свиней его было без счета
И свинопас ночевал, о хозяйском добре беспокоясь.

Гомер. Одиссея. Песнь шестнадцатая.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Встала заря. Одиссей же с подобным богам свинопасом

Завтрак готовили рано поутру, огонь разложивши,

Выслав вместе с свинными стадами других свинопасов.

Вдруг подошел Телемах. Не кинулись с лаем собаки,

5 Стали хвостами вилять. Одиссей это тотчас заметил,

Тотчас услышал и шум от шагов подходящего мужа.

Он свинопасу поспешно слова окрыленные молвил:

"Слышишь, Евмей, там идут, - из твоих ли товарищей кто-то

Или знакомый другой: на пришельца собаки не лают,

10 Только виляют хвостами. И шум я шагов его слышу".

Кончить речь еще не успел он, как сын его милый

В сени вошел. Свинопас вскочил в изумлении с места.

Выпали наземь из рук сосуды, в которых мешал он

Воду с искристым вином. Пошел он навстречу владыке,

15 Голову стал целовать, глаза его ясные, руки,

Ту и другую. Из глаз его слезы лилися обильно.

Так же как старым отцом бывает любовно ласкаем

Сын, на десятом году лишь прибывший домой издалека,

Поздно рожденный, единственный, стоивший многих страданий,

20 Так Телемаха тогда боговидного, тесно прильнувши,

Крепко Евмей целовал, как будто избегшего смерти.

Всхлипывал он и ему говорил окрыленные речи:

"Сладкий мой свет, Телемах, воротился ты! Я уж не думал

Снова тебя увидеть с тех пор, как ты в Пилос уехал!

25 Ну же, дитя дорогое, войди к нам сюда, чтобы мог я

Всласть на тебя наглядеться! Ну, вот ты и дома! Приехал!

К нам, пастухам, ведь не часто сюда ты в деревню приходишь,

В городе больше живешь. Неужели тебе не противно

Видеть всегда пред собой толпу женихов этих гнусных?"

30 Тут свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Так и будет, отец! Сюда ж для тебя я явился,

Чтобы увидеть тебя самолично и вести услышать,

Все ль еще мать моя дома находится или на ней уж

Кто-то женился другой, и постель Одиссея, пустуя,

35 В спальне, забыта, стоит, покрытая злой паутиной?"

Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:

"Нет, упорно и твердо жена остается, как прежде,

В доме своем. В бесконечной печали, в слезах непрерывных

Долгие дни она там и бессонные ночи проводит".

40 Так сказав, от него он копье медноострое принял.

Внутри вошел Телемах, через камни порога ступивши.

С места поспешно вскочил отец Одиссей пред вошедшим,

Но Телемах удержал Одиссея и громко промолвил:

"Странник, сиди! Для себя и другое местечко найдем мы
45 В хижине нашей. И вот человек, кто все мне устроит".

Так он сказал. Одиссей воротился и сел. Свинопас же
Веток зеленых подниз набросал и покрыл их овчиной.

Там после этого сел возлюбленный сын Одиссеев.

Быстро поставил на стол свинопас перед ними дощечки
50 С жареным мясом, какое от прежней еды оставалось.

Хлеба в корзины горой наложил, в деревянной же чаше

В воду вина намешал, по сладости равного меду.

Все это сделавши, он пред божественным сел Одиссеем.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.

55 После того как желанье питья и еды утолили,

Сын Одиссея спросил свинопаса, подобного богу:

"Кто этот странник, отец? Откуда он? Как на Итаку

К нам мореходцы его привезли, и кто они сами?

Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался он".

60 Тотчас в ответ Телемаху, Евмей свинопас, ты промолвил:

"Полную правду тебе, сынок дорогой, сообщу я.

Хвалится он предо мной, что из Крита пространного родом;

Он уж немало людских городов посетил всевозможных,

Странствуя: этот удел божество ему выпряло с нитью.

65 Нынче, бежав с корабля феспротских мужей вероломных,

В хижину прибыл ко мне он. Его я тебе поручаю.

Делай, как хочешь. Но он о защите тебя умоляет".

И свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Речью своею, Евмей, жестоко ты сердце мне ранил.

70 Странника этого как мне возможно принять в своем доме?

Я еще молод, на руки свои не могу положиться,

Что защищу человека, когда обижать его станут.

Мать же моя между двух все время колеблется мыслью:

Вместе ль со мной оставаться и дом содержать свой в порядке,

75 Ложе супруга храня и людскую молву уважая,

Иль наконец за ахейцем последовать, кто наиболее

Знатен среди женихов и всех на подарки щедрее?

Странника ж этого, раз уж прибыл в твое он жилище,

Я в прекрасное платье одену, и в плащ, и в рубашку,

80 Дам подошвы для ног и меч привешу двуострый,

И отошлю, куда его дух понуждает и сердце.

Если же хочешь, оставь его здесь на своем попеченьи.

Платье сюда я пришлю и пищу различного рода,

Чтобы не делать тебе и товарищам лишних убытков.

85 В город идти к женихам я б ему ни за что не позволил,

Больно уж наглы они и в буйстве не знают предела:

Станут глумиться над ним и в безмерную скорбь меня ввергнут.

Сам же я их укротить не смогу: против многих и самый

Сильный бессилен, когда он один. А их ведь немало!"

90 Так Телемаху в ответ Одиссей многостойкий промолвил:

"Если, друг, мне на это позволено будет ответить, -

Сердце в груди у меня разрывается, слыша, как много

Всяких, по вашим рассказам, творят женихи беззаконий

В собственном доме твоём, с таким, как ты, не считаюсь.

95 Вот что скажи: добровольно ль ты им поддался иль в народе

Все ненавидят и гонят тебя по внушению бога?

Или ты, может быть, братьев винишь, на которых бы вправе

Всякий рассчитывать в битве, хотя бы и самой ужасной?

Если б я молод, как ты, при собственном сделался духе,

100 Если б я сын Одиссея отважного был или сам он, -

Он из скитаний вернется. надежда еще не пропала! -

Первому встречному голову мне я отсечь бы позволил,

Если б я всем наглецам этим злою бедой не явился,

В зал высокий войдя Одиссея, Лаэртина сына.

105 Пусть бы даже меня одного все они одолели

Множеством, - в собственном доме б моем предпочел я погибнуть

Чем непрерывно смотреть на творимые там непотребства, -

Как моих обижают гостей, как позорно бесчестят

Женщин-невольниц моих в покоях прекрасного дома,

110 Как истребляют запасы вина и всяческой пищи, -

Так, не платя ничего и о главном не думая деле!"

Снова на это ему Телемах рассудительный молвил:

"Странник, на это тебе я вполне откровенно отвечу.

Не ненавидит меня весь народ и вражды не питает.

115 Также и братьев винить не могу, на которых бы вправе

Всякий рассчитывать в битве хотя бы и самой ужасной.

Весь наш род одиночным создал промыслитель Кронион:

Только лишь сына Лаэрта родил когда-то Аркесий,

Только опять Одиссея родил и Лаэрт, Одиссей же,

120 Только меня породив, не к добру меня дома покинул:

Ведь потому-то так много врагов и набилось в дом к нам.

Первые люди по власти, что здесь острова населяют -

Заму, Дулихий и Закинф, покрытый густыми лесами,

И каменистую нашу Итаку, - стремятся упорно

125 Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.

Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может

Их притязаньям конец положить, а они разоряют

Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат.

Это, однако, лежит в коленях богов всемогущих...

130 Вот что, отец! Отправляйся скорей к Пенелопе разумной

И сообщи, что из Пилоса я невредимым вернулся,

Сам же пока остаюсь у тебя. Возвращайся обратно,

Ей лишь одной сообщив, Пусть это для прочих ахейцев:

Тайной останется. Многие зло на меня замышляют".

135 Так Телемаху в ответ, Евмей свинопас, ты промолвил:

"Знаю все, понимаю. И сам уж об этом я думал.

Вот "то, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:

Нужно ли мне по пути и к Лаэрту несчастному с вестью

Этой зайти? Хоть о сыне жестоко скорбел он, но все же

140 Раньше и в поле смотрел за работами, также с рабами

Пил в своем доме и ел, когда его духу желалось.

С той же самой поры, как в Пилос ты морем уехал,

Он, говорят, уже больше не ест и не пьет, как бывало,

И за работами больше не смотрит. Сидит и тоскует,

145 Охая, плача. И тело с костей его сходит все больше".

Тут свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Жаль! Но нечего делать! Ему ничего мы не скажем.

Если б все делалось так, как желательно людям, то первым

Делом бы я пожелал, чтоб отец мой вернулся в Итаку.

150 Матери все передав, возвращайся назад, а к Лаэрту

Незачем крюк тебе делать. Но матери - ей сообщишь ты,

Чтобы послала к нему немедленно ключницу нашу

Тайно. Она б старику известия все сообщила".

Так сказав, свинопаса отправил. Доставши подошвы,

155 Тот их к ногам привязал и в город пошел. От Афины

Скрытым остаться не мог уход свинопаса из дома.

К хижине близко она подошла, уподобившись видом

Женщине стройной, прекрасной, искусной в блестящих работах.

Остановилась в дверях, одному Одиссею явившись, -

160 А Телемах не увидел ее пред собой, не заметил:

Вовсе не всем нам открыто являются вечные боги.

Но Одиссей увидал; и собаки, - залаять не смея,

В сторону с визгом помчались они чрез загон и исчезли.

Бровью мигнула она Одиссею. Он вмиг догадался,

165 Вышел из хижины вон за большую дворовую стену,

Остановился пред ней. И к нему обратилась Афина:

"Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Слово сыну теперь же скажи, от него не скрываясь,

Как вам обоим, погибель и смерть женихам обсудивши,

170 В город отправиться славный. От вас и сама я недолго

Буду вдали. И меня уже тянет вмешаться в сраженья".

Кончив, жезлом золотым к нему прикоснулась Афина.

Прежде всего ему плечи покрыла плащом и хитоном,

Вымытым чисто. Повысила рост и уменьшила возраст;

175 Снова смуглым лицо его стало, разгладились щеки,

Иссиня-черной густой бородой подбородок покрылся.

Сделавши это, обратно Афина ушла. Одиссей же

В хижину к сыну вернулся. Отвел Телемах в изумленье

В сторону взор свой, не зная, не бог ли ему вдруг явился.

180 Громко ему Телемах слова окрыленные молвил:

"Странник, совсем ты иной, чем какого я только что видел!

В платье другое одет, и кожей несколько не сходен.

Бог ты, конечно, - из тех, что небом владеют широким!

Смилуйся! Жертву тебе принесем мы приятную, также

185 Тонкой работы дары золотые. А ты пощади нас!"

Тотчас ответил ему Одиссей, в испытаниях твердый:

"Вовсе не бог я. Зачем меня хочешь равнять ты с богами?

Я твой отец, за которого ты в воздыханиях тяжких

Муки несешь, подчиняясь насильям людей обнаглевших".

190 Сына он стал целовать. Покатились со щек его слезы

На землю. Он их упорно все время удерживал раньше.

Но Телемах не поверил, что это отец его. Снова

Он Одиссею в ответ слова окрыленные молвил:

"Не Одиссей ты, о нет, не отец мой! Меня обольщает

195 Бог какой-то, чтоб после я больше скорбел и крушился.

Смертному мужу никак не возможно все это проделать

Собственным разумом! Бог лишь один, появившись пред смертным,

Может сделать себя молодым или старым, как хочет.

Только что здесь ты сидел стариком в неопрятных лохмотьях,

200 Нынче ж похож на богов, владеющих небом широким!"

Так Телемаху в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Не подобало б тебе, Телемах, раз отец пред тобою,

Больно много дивиться и в сердце своем сомневаться.

К вам Одиссея сюда никакого другого не будет:

205 Это сам я таким - исстрадавшийся, много блуждавший -

В землю родную сюда на десятом году возвращаюсь.

А превращенье мое - Афины-добычницы дело.

Было на это желанье ее. Ведь все она может.

То меня сделала вдруг похожим на нищего, то вдруг

210 На молодого и крепкого мужа в прекрасной одежде.

Очень легко для богов, владеющих небом широким,

Сделать смертного видным иль сделать его безобразным".

Так произнес он и сел. Телемах, заливаясь слезами,

Сердцем печалась, отца обнимать благородного начал.

215 И у обоих у них поднялось желание плакать.

Плакали громко они, еще непрерывней, чем птица,

Коршун иль кривокогтый орел, из гнезда у которых

Взяли крестьяне птенцов, не успевших еще опериться.

Так же жалостно слезы струились из глаз у обоих.

220 В скорби тяжелой покинуло б их заходящее солнце,

Если бы вдруг Телемах Одиссею не задал вопроса:

"Милый отец, на каком же тебя корабле на Итаку

К нам мореходцы сюда привезли и кто они сами?

Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался ты".

225 Сыну промолвил в ответ Одиссей, в испытаниях твердый:

"Сын мой, полнейшую правду об этом тебе расскажу я.

Славные гости морей, феаки меня привезли к вам.

Кто бы ни прибыл к ним, всех по домам они морем развозят.

Спящего в их корабле и меня отвезли они морем

230 И на Итаке ссадили, без счета даров надававши, -

Вдоволь золота, меди и тканой прекрасной одежды.

Спрятаны с помощью божьей сокровища эти в пещерах.

Прибыл теперь я сюда по совету богини Афины,

Чтобы с тобой обсудить, как наших врагов уничтожить.

235 Ты же теперь Расскажи мне об них и всех перечисли,

Чтобы мне знать, каковы эти люди и сколько числом их.

В духе отважном моем тогда обсужу и решу я,

Сможем ли мы без других, лишь двое с тобою, со всеми

Справиться или придется на помощь других поискать нам".

240 Так Одиссею в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Шла всегда о тебе, отец мой, великая слава,

Что и руками могуч ты в бою и в совете разумен.

Но о несбыточном ты говоришь. Берет меня ужас.

Как против множества сильных людей вдвоем нам сражаться?

245 Ведь женихов не один тут десяток, не два, а гораздо

Больше. Скоро и сам их число без труда ты узнаешь.

Остров Дулихий прислал пятьдесят сюда два человека

Юношей знатного рода, и шесть прислужников с ними.

Двадцать четыре пришли жениха на Итаку из Зама,

250 С Закинфа двадцать ахейцев тут есть молодых, из Итаки ж

Нашей двенадцать, все люди родов наиболее знатных.

С ними - вестник Медонт, певец божественный Фемий,

Также товарища два, в разрезании мяса искусных.

Если решимся мы выйти на всех, находящихся в доме,

255 На нападение ответят они многогорько и страшно.

Нет, если можешь кого-нибудь в помощь еще нам наметить,

Нужно подумать, чтоб нас кто-нибудь защитил благосклонно".

Сыну на это сказал Одиссей, в испытаниях твердый:

"Вот что тебе я скажу - послушай меня, и запомни,

260 И рассуди: если явятся нам на подмогу Афина

С Зевсом, то нужно ль еще о другом мне помощнике думать?"

Так Одиссею в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Да, прекрасны помощники те, о каких говоришь ты!

Правда, высоко они в облаках обитают, но оба

265 Силой своею страшны и людям другим и бессмертным".

Снова ответил ему Одиссей, в испытаниях твердый:

"Оба они в стороне от кровавой резни оставаться

Будут недолгое время, как в доме моем между нами

И женихами начнет свою тяжбу Аресова сила.

270 Ты же теперь, лишь займется заря, отправляйся отсюда,

В дом наш войди и в толпу наглецов женихов замешайся.

В город туда же меня свинопас проведет попозднее

В жалостном образе старого нищего в рубище грязном.

Если меня они в доме начнут оскорблять, то чему бы

275 Я ни подвергся от них, пусть сердце в груди твоей терпит.

Если б меня даже за ноги вон потащили из дома

Или швырнули в меня чем попало - сдержись, не мешайся.

Разве что мягкой речью еще убедить их попробуй,

Чтоб прекратили безумство. Но вряд ли тебя они станут

280 Слушаться. День роковой уже близко стоит перед ними.

Слово другое скажу, хорошенько прими его к сердцу:

Только что в мысль мне Афина, советница мудрая, вложит,

Тотчас тебе я кивну головою. Заметивши это,

Сколько бы ни было там боевого оружия в зале,

285 Все собери и спрячь наверху, в отдаленнейшем месте, -

Все без изъятия! Когда же, хватившись, спрашивать станут,

То успокой женихов приветливо-мягкой речью:

- Я их от дыма унес. Не такие они уж, какими

Здесь Одиссей, отправляясь в поход, их когда-то оставил:

290 Обезображены все, до темна от огня закоптели.

Соображенье еще поважнее вложил мне Кронион:

Как бы вы меж собой во хмелю не затеяли ссоры

И безобразной резней сватовства и прекрасного пира

Не опозорили: тянет к себе человека железо! -

295 Нам лишь двоим по копью и мечу приготовишь ты, также

Два отложишь из кожи бычачьей щита, чтобы в руки

Взять их, когда нападение начнем. Женихам в это время

Ум ослепят и Паллада Афина и Зевс-промыслитель.

Слово другое скажу: хорошенько прими его к сердцу.

300 Если вправду ты мой и от крови моей производишь,

Пусть не услышит никто, что здесь Одиссей, в своем доме.

Значит, пусть не знает Лаэрт и никто из домашних,

И свинопас пусть не знает, и даже сама Пенелопа.

Мы лишь с тобою одни настроенья изведем женщин.

305 Также и кое-кого из рабов испытать мы могли бы,

Любит ли сердцем, боится ль меня и тебя или ставит

Нас ни во что и такого, как ты, оскорблять не страшится".

Сын блистательный так на это сказал Одиссею:

"Времени мало пройдет, я надеюсь, отец, и узнаешь

310 Ты мое сердце; увидишь, что дух им владеет не слабый.

Но небольшая обоим с тобою нам выгода будет,

Если твое предложенье исполним, - подумай, прошу я.

Долго придется владенья твои обходить, чтоб о каждом

Мог ты все разузнать. А те в это время спокойно

315 Будут запасы твои поедать, ничего не жалея.

Женщин - вот их и теперь испытать бы тебе не мешало,

Кто между ними бесчестит тебя и какая невинна.

Что ж до мужчин, то испытывать их на пастушьих стоянках,

Право, не стоит сейчас: мы сделаем это и после,

320 Если ты знаменье вправду имел от родителя-Зевса".

Так Одиссей с Телемахом вели меж собой разговоры.

К городу прочный корабль в это время подплыл, на котором

Сын Одиссеев с друзьями из Пилоса прибыл в Итаку.

После того как зашли в глубокие воды залива,

325 Черный корабль свой они втащили на берег песчаный,

Все оружие прочь унесли их надменные слуги.

Сами в Клитиев дом дары отнесли дорогие,

Быстрого ж вестника тотчас отправили в дом Одиссеев

И приказали ему передать Пенелопе разумной,

330 Что Телемах ее в поле остался, судну приказавши

В город Итаку отплыть, чтоб крепкая духом царица

Нежных слез не лила, круша себе сердце боязнью.

Встретились оба они, свинопас богоравный и вестник,

Шедшие с целью одною, чтоб женщине вести доставить.

335 Но, как достигли они прекрасного царского дома,

Вслух Пенелопе сказал перед всеми рабынями вестник:

"Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица!"

Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,

Что Телемах приказал передать, прошептал осторожно.

340 После того как Евмей свое порученье исполнил,

Двор покинув и дом, к свиньям он отправился в поле.

Весть женихов поразила. Их дух охватило унынье.

Вышли из дома они и снаружи высокой ограды

Возле дворовых ворот расселись в глубоком раздумьи.

345 Сын Полибов тогда, Евримах, обратился к ним с речью:

"Дело большое, друзья, удалось совершить Телемаху

Дерзкую эту поездку! Мы думали, он не решится.

В путь снарядим-ка корабль чернобокий, который получше;

Опытных к веслам посадим гребцов, и пускай поскорее

350 Передадут они тем, чтоб домой поспешили вернуться".

Кончить еще не успел он, когда Амфином, обернувшись,

Вдруг корабль увидал, вошедший в глубокую гавань.

Люди на нем, суетясь, паруса убирали и весла.

Весело он засмеялся и тотчас товарищам молвил:

355 "Незачем нам никого посылать к ним. Уж вон они, в бухте!

Или им кто из богов сообщил, иль увидели сами
Мимо плывущий корабль, но настигнуть его не успели".

Так он сказал. Поднялись и пошл они к берегу моря,
Быстро корабль чернобокий втащили на берег песчаный.

360 Все оружие прочь унесли их надменные слуги.

Сами ж на площадь они толпою пошли, не позволив

Г ними сидеть никому - ни старому, ни молодому.

С речью к ним Антиной обратился, рожденный Евпейтом:

"Горе! Боги спасли от несчастья этого мужа!

365 Днем наблюдатели наши, на ветреных горных вершинах

Сидя гурьбою, всегда сторожили. С заходом же солнца

Не отдыхали ночей мы на суше - в судне нашем быстром

По морю плавали мы, дожидаясь зари и готовя

Для Телемаха засаду, чтоб, взявши его, уничтожить.

370 Бог тем временем в пристань его проводил невредимо.

Будем думать теперь, как нам приготовить погибель

Здесь Телемаху, чтоб вновь ускользнуть он не мог.

Уж поверьте, Цели мы нашей, покуда он жив, никогда не достигнем!

Сам разумен он стал и в мыслях своих и в решеньях,

375 К нам же здешний народ благосклонности мало питает.

Действовать нужно скорей, пока он ахейцев на площадь

Не соберет. Я уверен, что долго он медлить не будет,

Злобы своей не откинет и, встав перед всеми, расскажет,
Как мы убить собирались его и в том не успели.

380 Нас не похвалит народ, об умысле нашем узнавши.

Может случиться беда: народ нас с земли нашей сгонит,
В страны чужие придется в изгнание нам отправляться.

Предупредим-ка его и захватим вне города в поле

Или в дороге. Сокровища все заберем и запасы,

385 Между собой без обиды его достоянье поделим,

Домом же этим пусть мать его с будущим мужем владеют.

Если мое предложение не нравится вам и хотите

Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем,

То перестанем пирами здесь радовать дух, собираясь

390 Вместе. И пусть ее из дому сватает каждый, дарами

Сердца ее домогаясь. Она ж за того пусть выходит,

Кто принесет ей всех больше и кто ей судьбою назначен".

Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.

С речью к ним Амфином обратился и стал говорить им, -

395 Ниса блистательный сын, потомок владыки Арета.

Был он вождем женихов, на Дулихии острове живших,

Многопшеничном, богатом лугами, - и был Пенелопе

Очень приятен речами. Имел он хорошее сердце.

Добрых намерений полный, он так к женихам обратился:

400 "Я бы, друзья, никогда не решился убить Телемаха.

Царского рода людей убивать - это страшное дело!

Раньше давайте-ка спросим богов - какая их воля?

Если вещание Зевса великого это одобрит,

Сам я убью Телемаха и вас призову всех к убийству.

405 Если ж бессмертные против решат, мой совет: воздержитесь!"

Так сказал Амфином. Понравилось всем предложенье.

Тотчас они поднялись и к дому пошли Одиссея.

В дом вошедши его, уселися в гладкие кресла.

Мысль в это время другая пришла Пенелопе разумной

410 Выйти в зал к женихам, безмерно наглостью полным.

Знала она уж, что гибель готовят ее они сыну.

Вестник Медонт ей сказал: решение их он подслушал.

В залу пошла она, взявши служительниц-женщин с собою.

В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,

415 Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,

Щеки закрывши себе покрывалом блестящим. С упреком

Речь обратила она к Антиною и вот что сказала:

"Наглый ты, Антиной, человек и коварный! В народе

Здесь говорят о тебе, что сверстников всех превосходишь

420 Разумом ты и речами. Но вправду совсем не таков ты!

Бешеный! Как моему Телемаху готовить ты можешь

Смерть и рок! О молящих не думаешь ты, у которых

Зевс - свидетель. Готовить друг другу беду - нечестиво!

Или не знаешь, как в дом наш отец прибежал твой в испуге

425 Перед народом, который охвачен был яростным гневом

Из-за того, что, примкнувши к тафосским пиратам, вреда он

Много феспротам принес, союзникам нашим давнишним.

Смерти его домогались предать, из груди его вырвать

Сердце, поесть его скот и все достоянье расхитить.

430 Но, хоть и очень рвались, Одиссей не пустил и сдержал их.

Ты ж теперь дом разоряешь, жену его сватаешь, сына

Смерти желаешь предать к моему бесконечному горю.

Требую я: перестань! Заставь и других отказаться!"

Сын Полиба тогда, Евримах, ей на это ответил:

435 "Старца Икария дочь, разумная Пенелопея!

Не беспокойся и мыслью такой не тревожь себе сердца.

Нет человека такого, не будет, такой не родится,

Кто бы на сына посмел твоего покуситься, покуда

Жив я еще на земле и покуда глаза мои смотрят!

440 Вот что тебе я скажу, и это исполнено будет:

Черная кровь его вмиг по копью. моему заструится!

Также и мне Одиссей, городов разрушитель, нередко,

Взяв на колени к себе, заботливо вкладывал в руки

Вкусный жаркого кусок и вино к губам подносил мне.

445 Бот почему Телемах мне дороже, чем кто бы то ни был.

Нечего вовсе ему, уверяю я, смерти бояться

От женихов. Но от бога, конечно, ее не избегнешь".

Так успокаивал он. А сам ему гибель готовил.

Наверх, в покой свой блестящий, ушла Пенелопа и долго

450 Об Одиссее, любимом супруге, рыдала, покуда

Век ее сладостным сном не покрыла богиня Афина.

Смерклось, когда свинопас к Одиссею и к сыну вернулся.

Оба они, заколовши свинью годовалую, ужин

Только что стали готовить. Богиня Паллада Афина

455 Близко меж тем подошла к Одиссею, Лаэртову сыну,

Снова, ударив жезлом, его в старика превратила,

Тело в рвань облекла, чтоб, в лицо увидав Одиссея,

Вдруг его свинопас не узнал, к Пенелопе разумной

Не побежал бы с известьем, не в силах укрыть его в сердце.

460 Первым к нему Телемах с таким обратился вопросом.

"Ты уж вернулся, Евмей? Какие там в городе слухи?

Храбрые к нам женихи из засады вернулись ли в город

Или сидят еще там, моего дожидаясь возвратами"

Ты, Евмей свинопас, в ответ Телемаху промолвил:

465 "Разузнавать и расспрашивать я не собирался об этом,

В город отсюда спускаясь. Все время о том лишь я думал,

Чтоб, порученье исполнив, домой поскорее вернуться.

Быстрый мне встретился там от товарищей наших посланник,
Вестник, - уж раньше меня обо всем твою мать известил он,

470 Знаю я нечто другое, что видел своими глазами:

Город внизу я оставил и там уже шел, где Гермесов
Высится холм, как внезапно увидел я в гавань входящий
Быстрый корабль. В корабле том немало мужей находилось.
Множество также щитов там сверкало и копьев двуострых.

475 Уж не они ль это, думалось мне. Но знать не могу я".

И улыбнулась тогда Телемаха священная сила,
Бросивши взгляд на отца незаметно для глаз свинопаса.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.

480 После того как питьем и едой утолили желанье,

Вспомнили все о постелях и сна насладились дарами.

Гомер. Одиссея. Песнь семнадцатая.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встал Телемах, Одиссеем божественным на свет рожденный,

Быстро к ногам привязал прекрасного вида подошвы,

Взял копье, какое ему по руке приходилось,

5 И, собираясь в город, сказал своему свинопасу:

"В город я отправляюсь, отец, чтоб меня увидала

Мать моя там. Ведь, наверно, не раньше она перестанет
Горькие слезы по мне проливать и вздыхать непрерывно,
Чем на глаза ее сам я явлюсь. Ты же сделаешь вот что:

10 Этого странника в город сведи, чтобы там подаяньем
Мог он себя прокормить. Вина иль ячменного хлеба
Даст ему, кто пожелает. А я совершенно не в силах
Всех людей принимать. Забот и своих мне довольно.
Если ж на это обидится гость - самому ему будет

15 Хуже. А я говорить люблю только чистую правду".

Сыну на это в ответ сказал Одиссей многоумный:

"Друг! И сам я совсем уж не так здесь желаю остаться.

Нищему пищу себе добывать подаяньем удобней

В городе, нежели в поле: там каждый подаст, кто захочет.

20 Мой не таков уже возраст, чтоб здесь оставаться при стаде

И приказаньям твоих пастухов во всем подчиняться.

Сам ты иди, а меня этот муж поведет, как велел ты,

Лишь у огня я согреюсь и солнце засветит пожарче.

Больно плоха уже эта одежда. Застудит мне тело

25 Утренний иней. А город-то, вы говорите, далек!"

Так он сказал. Телемах через двор направился в город,

Быстро шагая ногами и зло женихам замышляя.

Вскоре пришел к своему он для жизни удобному дому.

Там он поставил копье, прислонивши к высокой колонне,

30 Сам же направился внутрь, чрез порог из камня шагнувши.

Первой его Евриклея кормилица там увидала;

Стлала она в это время овчины на пестрые кресла.

Близко, заплакав, к нему подошла. Остальные рабыни

Стойкого в бедах царя Одиссея сбежались также.

35 Все они в голову, в плечи любовно его целовали.

Вышла потом Пенелопа из спальни своей, Артемиде

Иль золотой Афродите подобная видом прекрасным.

Шею, заплакав, она обняла Телемаху руками,

Голову сына, глаза целовать его ясные стала

40 И обратилась к нему, печалась, с крылатою речью:

"Сладкий мой свет, Телемах, воротился ты! Я не ждала уж

Снова увидеть тебя с тех пор, как ты в Пилос уехал

Тайно, меня не спросясь, чтоб добыть об отце твоём вести!

Ну, расскажи мне подробно, к чему ж, все разведав, пришел ты?

45 Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Мать моя, плача во мне не буди и, прошу, не волнуй мне

Сердца в груди, избежавшему только что гибели близкой.

Лучше омойся и, чистой одеждою тело облекши,

В спальню к себе поднимись со своими служанками вместе,

50 Дай там обет принести бессмертным богам гекатомбу.

Может быть, Зевс пожелает, чтоб дело отмщенья свершилось.

Я же на площадь пойду и странника кликну, который

Вместе со мною приехал, когда я сюда возвращался.

Спутникам богоподобным своим поручил на Итаку

55 Гостя доставить, Пирея ж принять попросил его в дом свой

И окружить его дома заботой, пока не приду я".

Так он громко сказал. И осталось бескрылым в ней слово.

Тотчас омывшись и чистой одеждою тело облекши,

Всем богам обещанье дала принести гекатомбу, -

60 Может быть, Зевс пожелает, чтоб дело отмщенья свершилось.

Взявши снова копье, Телемах между тем из чертога

Вышел обратно. За ним две резвых собаки бежали.

Вид ему придала несказанно приятный Афина.

Весь изумился народ, когда он пред ним появился.

65 Вкруг Одиссеева сына толпой женихи собралися.

Доброе все говорили, недоброе в сердце питая.

Скоро, от их многолюдной толпы отдалясь, подошел он

К месту, где Ментор сидел, а также Антиф с Алиферсом.

Давние были они товарищи все Одиссею.

70 К ним он подсел, и они Телемаха расспрашивать стали.

Близко к ним подошел Пирей, знаменитый копейщик,

Феоклимена чрез город на площадь ведя. И не долго

К страннику был Телемах без вниманья. К нему подошел он.

Первым Пирей обратился со словом таким к Телемаху:

75 "Нужно послать, Телемах, поскорее служительниц в дом мой,
Чтоб Менелаевы мог тебе переслать я подарки".

Тотчас Пирею в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Нет, Пирей, мы не знаем еще, как дела обернутся.

Если меня наглецы-женихи здесь в отцовском чертоге

80 Тайно убьют и имущество все меж собою поделят, -

Лучше уж ты, чем из них кто-нибудь, те подарки получишь.

Если же выращу я для мужей этих смерть и убийство,

На дом ты мне принесешь те подарки на радость".

Так сказав, повел он несчастного странника в дом свой.

85 Вскоре достигли они для жизни удобного дома.

С плеч своих снявши плащи и сложив их на кресла и стулья,

Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.

Вымыв, невольницы маслом блестящим им тело натерли,

После надели на них шерстяные плащи и хитоны.

90 В ванне помывшись, пошли они оба и в кресла уселись.

Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой

В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой

Для умывания. После расставила стол она гладкий.

Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много

95 Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

Мать же напротив вблизи косяка поместилась дверного,
В кресло села и прясть принялась тончайшую пряжу.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.

После того как желанье питья и еды утолили,

100 С речью такой Пенелопа разумная к ним обратилась:

"Лучше мне наверх уйти, Телемах, и лечь на постель там,
Стала источником стонов она для меня, непрерывно
Я слезами ее орошаю с тех пор, как уехал
В Троию вместе с Атридами муж мой. Ты мне не хочешь,

105 Прежде чем к нам наглецы-женихи в этот дом соберутся,

О возвращеньи отца рассказать, если что-нибудь слышал".

Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:

"Ну, тогда, моя мать, всю правду тебе расскажу я.

В Пилос приехали мы и к Нестору, пастырю войска.

110 В доме высоком своем он принял меня и радушно

В нем угощал, словно сына, который из дальнего края

Только что прибыл домой, запоздавши в дороге. С радушьем

Точно таким с сыновьями своими меня угощал он.

Об Одиссее же стойком сказал, что ему не случилось

115 Ни о живом, ни о мертвом нигде от кого-либо слышать.

Он к Менелаю меня, копейщику славному, в Спарту

На лошадях отослал в колеснице, сработанной прочно.

Там я увидел Елену Аргивскую, из-за которой

Столько трудов понесли аргивяне, равно и троянцы,

120 Волей богов. Менелай меня тотчас спросил, увидавши,

В Лакедемон их священный с какою нуждою я прибыл.

Я всю правду ему тогда сообщил без утайки.

Царь Менелай мне на это такими словами ответил:

- Как это? Брачное ложе могучего, храброго мужа

125 Вдруг пожелали занять трусливые эти людишки!

Это как если бы лань для детенышей новорожденных

Выбрала логово мощного льва, их бы там уложила

Да и пошла бы пастись по долинам и логам травистым,

Лев же могучий меж тем, к своему воротившись ложу,

130 И оленятам и ей бы позорную смерть приготовил, -

Так же и им Одиссей позорную смерть приготовит.

Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,

В виде таком, как когда-то на Лесбосе он благоздатном

На состязаньях бороться с Филомелеидом поднялся,

135 С силой швырнул его об землю и радость доставил ахейцам,

Пред женихами когда бы в таком появился он виде,

Короткожизненны стали б они и весьма горькобачны!

То же, что знать от меня ты желаешь, тебе